

Виктория Борисова Теория невероятности

Ирина — идеальная домохозяйка, у мужа успешно продвигается бизнес, сын заканчивает школу. Однако так ладно выстроенный ею благополучный мирок рушится в тот миг, когда она находит в своей спальне чужую сережку. Подруга посоветовала Ире обратиться к колдунье. Ловкая дамочка лихо делает свое дело, и результат налицо: муж, словно зомбированный, сидит дома, но семейного счастья вернуть так и не удалось. В отчаянии Ирина пытается дать колдовству обратный ход и оказывается против воли вовлеченной в запутанную историю, замешанную на мистике и крови.

*Этого не может быть, потому что не может быть никогда!
Расхожее и бессмысленное утверждение*

Часть первая

ВЕСНА

Кто только придумал дурацкую фразу «встать не с той ноги»? Много времени спустя, вспоминая то злосчастное утро, перевернувшее ее жизнь, Ирина Соловьева не переставала удивляться этой старой примете. Действует ведь! С самого утра день как-то не заладился.

В комнате сына будильник заголосил ровно в семь тридцать. Когда Ирина открыла глаза, совсем рядом жизнерадостно заливалась какая-то птица. Ну да, конечно, весна ведь! Деревья уже покрылись крошечными листочками, издали кажется, что они стоят в бледно-зеленом дыму, и солнце заглядывает в окна, словно недоумевая – как можно проспать такое утро?

Можно бы, конечно, спокойно перевернуться на другой бок и закрыть глаза, но все равно заснуть уже не удастся! Такая трель и мертвого поднимет. А самое главное – надо приготовить ребенку завтрак, проводить в школу, проследить, чтобы оделся по погоде. Это он только с виду большой, под потолок вымахал и разговаривает басом, а не уследишь – непременно будет лежать до последнего, а потом начнет метаться по квартире и убежит, схватив кусок на ходу. А ведь это совсем не полезно в его возрасте... Мальчик растет, ему нужно полноценное питание, иначе не миновать гастрита, а то и язвы!

Поднимаясь с постели, Ирина неловко запуталась в простынях и чуть не упала. Рядом заворочался муж.

– Ты чего? – сонно пробормотал он.

– Спи, спи, я только Толика в школу отправлю.

Ирина натягивала халат, не попадая в рукава, и одновременно пыталась заколоть длинные волосы, падающие на плечи. Виктор тоже проснулся окончательно и теперь лежал, закинув руки за голову, и наблюдал за ней.

– Ну ты, мать, даешь! Шестнадцать лет уже обалдую, а ты все квохчешь над ним. Сколько можно-то? – прорвался он.

Сколько, сколько... Небось и сам-то недалеко ушел от сына! Только и слышно – где мой галстук, рубашка, куда подевались носки... «Нет, все-таки мужчины – большие дети!» – так думала она, направляясь на кухню.

Там все было как обычно – огромный холодильник, плита последней модели с грилем и кучей наворотов, деревянная мебель, создающая впечатление теплоты и уюта, посуда, расставленная в образцовом порядке... Все как и должно быть у хорошей хозяйки. Пожалуй, и с закрытыми глазами Ирина могла найти здесь все, что нужно.

Пока она жарила омлет с помидорами (если сыром посыпать сверху, то совсем хорошо получается!), сын успел умыться, натянуть свои ужасные джинсы с отвисающими карманами и свитер, такой же бесформенный. Она только головой покачала. Никогда не понять ей этой странной моды, которая всех делает похожими на малолетних уголовников.

Толик вышел на кухню, налил себе кофе, схватил со стола кусок сыра, положил на хлеб и мигом проглотил. Ну просто Маугли! Как будто нет тарелок, вилок и ножей.

– Все, мам, пока, я пошел!

– Толик, а поесть?

– Некогда, опаздываю!

Он уже натягивал в прихожей свои разношенные кроссовки.

– Куртку надень с капюшоном! – крикнула она ему вслед, но через секунду уже хлопнула входная дверь.

Ирина обернулась к плите – и увидела, что нежнейший омлет начал превращаться в неаппетитную коричнево-бурую массу. Ну вот, все пригорело! Стоит только отвернуться – и пожалуйста...

Виктор вышел из комнаты, шлепая тапочками, неодобрительно покрутил носом.

– Опять у тебя горит что-то?

– Да вот отвлеклась. Извини, сейчас новый сделаю!

– Не надо, мне уходить скоро.

Остатки злосчастливого омлета полетели в помойное ведро. Витя уселся за стол и уткнулся в газету. Он всегда читал за завтраком, но сейчас Ирина почувствовала себя обиженной. Хоть бы слово сказал...

– Витя, тебе бутерброд с сыром или с колбасой?

– Все равно... – рассеянно пробормотал он.

Пока она резала бутерброды, раскладывала их на тарелке, наливала ему зеленый чай (Виктор никогда не пил кофе, тем более растворимый – у него от него сразу же начиналась изжога), муж так же молча шелестел газетными листами и мурлыкал под нос привязавшийся популярный мотивчик. Потом не глядя протянул руку, словно точно был уверен, что еда находится на привычном месте.

И, как всегда, так оно и было.

Так же молча он оделся, повязал галстук перед зеркалом и отбыл на работу, бросив на прощание:

– Я сегодня, наверное, задержусь! Переговоры...

Проводив мужа, Ирина решила побаловать себя кофе, сваренным по всем правилам. Мужчинам все равно, а она любила настоящий, ароматный, с нежной, карамельного цвета пенкой. Но и тут не вышло – только поставила турку на огонь, и сразу же позвонили в дверь. Ирина метнулась открывать, подумав, что Витя забыл что-то важное, но за дверью стоял хмурый смуглолицый гастарбайтер в оранжевом жилете. Молча он протянул ей счет за коммунальные услуги и тут же принялся звонить в соседнюю квартиру.

Ирина еще успела подосадовать, что плату за вывоз мусора опять повысили – ненамного, но все же... Тут чуть-чуть, там чуть-чуть, а в результате сумма набегает немаленькая! Такие цены на все – просто ужас. Квартплата, продукты, одежда, отдых, Витина машина – все требует денег, все дорожает каждый месяц. Теперь еще добавились репетиторы для Толика, но тут ничего не поделаешь. Как же иначе – мальчик заканчивает школу, ему в институт поступать в этом году, а про бесплатное образование скоро можно будет совсем забыть! Так что только успевай поворачиваться и вовремя платить за все.

Конечно, бизнес у Вити идет вполне успешно (тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить!), им вполне хватает денег, чтобы жить, не отказывая себе в необходимом... Но Ирина еще не забыла те времена, когда они были нищими студентами и ютились в одной комнате общежития, где с потолка падала штукатурка, а по кухне разгуливали крысы и тараканы. Толика из роддома привезли туда, и она панически боялась оставлять его одного даже на минуту. Пришлось взять академку и ехать к маме в подмосковный городок с безрадостным названием Электроугли, а потом и вовсе стало не до учебы...

Ирина вздохнула. Такие времена были – просто вспомнить страшно! Особенно в начале девяностых, когда развалилась страна и тысячи молодых (и не только молодых!) специалистов остались не у дел. Хорошо еще, что у Вити даже в молодости была хорошая, крепкая деловая хватка. Еще на четвертом курсе они с приятелями организовали кооператив, а потом – пошло-поехало... Постепенно появились и деньги, и своя квартира, а когда маленький Толик подрос немного, ей уже не нужно было думать о том, чтобы заканчивать образование и выходить на работу. Витя сразу сказал – занимайся домом, ребенком, а насчет остального можешь не беспокоиться. Зарабатывать в семье должен мужик!

Он пропадал на работе днями и ночами, а она стряпала обеды, нянчилась с сыном и радовалась, что ей достался такой надежный, основательный супруг. На него всегда можно было положиться. Молоденькая Ирина уже тогда остро чувствовала, что такое быть замужем, как за каменной стеной. И пусть прошло много лет, пылкость чувств поутихла, но до сих пор радостно и тепло на душе оттого, что он рядом. Кажется, и вовсе не могло быть иначе...

В этот момент с кухни послышалось зловещее шипение и опять запахло горелым. Оказывается, кофе сбежал! Пришлось еще и плиту оттирать. Раз за разом проводя губкой по гладкой поверхности, Ирина думала о том, что все-таки ей повезло в жизни. Пусть ее мир невелик и ограничен, пусть ей не удалось достичь особенных высот, но кто сказал, что

счастье только в этом и состоит? Зато она сумела стать хорошей женой и матерью, создать дом, где всегда чисто, тепло и вкусно пахнет, куда хочется возвращаться и где можно отдохнуть от волнений и забот. Пусть она не стала специалистом, ни дня в жизни не ходила на службу, но разве у домохозяйки мало работы? Той самой, незаметной и ежедневной, которую порой не замечают, но стоит только заболеть или уехать на пару дней, как сразу в доме становится как-то сиротливо, пыль оседает по углам, и домашние бродят как неприкаянные, голодные и несчастные.

Наконец плита снова засияла чистотой. Варить кофе уже расхотелось, и Ирина отправилась в спальню застилать постель. Надо бы уже и белье поменять... Она достала из шкафа чистые простыни, пахнущие лавандой (недаром ведь в уголке лежит мешочек с сушеными травами! Еще бабушка научила), и принялась за работу.

Руки механически делали свое дело – она старательно встряхивала одеяла, взбивала подушки, аккуратно подтыкала простыни под матрац, но мысли были далеко. Дел предстоит еще много – прибраться в квартире, зайти в Сберкассау оплатить счета, потом сходить в магазин за продуктами, приготовить обед... Непременно надо купить яйца, сахар заканчивается, и еще – филе семги, ее можно приготовить в сливочном соусе, как Витя любит. Ну и котлет сделать. Толик рыбу на дух не переносит, так что, бывает, приходится готовить не одно, а два блюда.

Она старалась думать о приятном – например, о том, что скоро потеплеет и наступит, наконец, настоящая весна, что в холодильнике еще осталась парочка любимых пирожных с заварным кремом, что в сумке лежит новый, нечитанный роман Лоры Бейтсон, купленный только вчера на лотке в супермаркете...

Ирина предвкушала удовольствие от чтения. Витя всегда посмеивался над ее пристрастием к любовным романам, пренебрежительно называл их «соплями в сахаре» и каждый раз раздражался целой лекцией о том, что это чтение для умственно недоразвитых. С некоторых пор она и сама начала стесняться своего пристрастия, словно дурной привычки. Покупала разноцветные томики украдкой и прятала их за собранием сочинений Достоевского, гордо красующимся на книжной полке. Туда никто из домашних уже давно не заглядывал. И Витя ничего не заметит... Главное – успеть до его прихода убрать книжки с глаз подальше.

Но пока он не вернулся с работы – можно наслаждаться! А потом еще и обсудить с виртуальными единомышленниками на одном из многочисленных форумов. С тех пор как Ирина открыла возможности Интернета, она перестала чувствовать себя одинокой. Витя даже отдал ей свой ноутбук, когда купил новую, более совершенную модель, и теперь вполне исправная, рабочая машина в полном ее распоряжении. Пусть она и не умеет пользоваться большинством опций, иногда теряется, если компьютер «подвисает», зато бродить по просторам Сети оказалось очень увлекательно! И особенно чудесно, что встретить родственную душу можно где угодно, и расстояния не помеха. К примеру, Melinka из Красноярска оказалась очень интересным собеседником, с собственным взглядом на жизнь, а некая дама, прячущаяся под странным ником Argimpasa, оказывается, не только умудряется раньше всех отыскивать заветные новинки, но и сама пишет совершенно дивные стихи...

В этот момент Ирина вздрогнула от неожиданности. Рука натолкнулась на какой-то странный предмет – маленький, твердый, округлой формы, с неровными краями. Странно. Здесь его быть никак не должно!

Сердце в груди испуганно забилося, словно в предчувствии беды. Как будто знало, что сейчас, сию секунду в привычную, размеренную череду дней ураганом ворвется нечто такое, что сломает все, что так долго она строила и создавала, и жизнь после этого уже никогда не будет прежней.

Ирина просунула руку подальше и вытащила этот предмет наружу. В первый момент она ощутила тяжелый, глухой удар где-то в области солнечного сплетения. Потом в глазах у нее потемнело, показалось даже, что яркое весеннее солнце за окном погасло на миг... Все

тело как будто обмякло, и она плюхнулась на кровать.

Когда к ней вернулась способность осознавать себя и соображать более или менее здраво, она сидела на неубранной постели и тупо смотрела на свою находку. На ладони у нее лежала женская серьга – серебряная, причудливой формы, в виде осьминога с растопыренными щупальцами. Тело его украшали разноцветные камушки, и казалось, морской гад ехидно ухмылялся ей, словно хотел сказать: «Ну что, съела?»

Ирина посмотрела на него почти с ненавистью. Оказывается, как мало нужно, чтобы выбить ее из равновесия! Просто дешевая побрякушка. Ну, может быть, не совсем дешевая. Серебро все-таки, вон и проба виднеется, и дизайн с претензией, возможно, даже ручная работа...

Другое дело – как она очутилась здесь, в ее постели?

«Только вместе с хозяйкой, как же еще!» – прошелестел над самым ухом тихий, но вполне внятный голос.

Ирина зачем-то оглянулась по сторонам. Разумеется, рядом с ней никого не было, она, как и раньше, была одна в квартире.

Одна со своей бедой.

Она вдруг почувствовала себя так, словно где-то в глубине ее существа со звоном разбилось что-то хрупкое и бесконечно дорогое, разлетелось на тысячи осколков, которые тут же безжалостно впились в ее тело. Ей даже стало физически больно – так, что она замычала сквозь сжатые зубы, зажмурилась, но это не помогло. Даже хуже стало. У нее как будто открылся третий глаз – всевидящий и беспощадный, и этому новому зрению было доступно все, чего она раньше не замечала.

Только теперь бесконечные отлучки мужа, его переговоры с деловыми партнерами, его невнимание, в конце концов, то, что они давно уже спят рядом как брат с сестрой, но не как муж и жена, и бог знает сколько времени уже не занимались «этим» (так она по старой привычке, пришедшей еще из советской молодости, про себя называла секс), – все предстало перед ней в совершенно новом свете!

Как она могла искренне верить, что все время, все мысли мужа поглощает только работа? Еще и гордилась, глупая, – вот ведь как старается человек для семьи! Ждала по вечерам, радостно кидалась навстречу, когда он наконец возвращался домой, готовила любимые блюда, гладила рубашки, вспыхивала, как девочка, от любой мимолетной ласки или доброго слова...

А он в это время развлекался с другой. И где? В супружеской постели! Когда только успел? Ведь она почти всегда дома!

Нет, не всегда. Услужливая память подсказала – всего несколько дней назад, когда Толик уехал с классом на экскурсию по Золотому кольцу, она отправилась навестить маму в Электроугли. Все-таки семьдесят лет человеку, надо было проведать, помочь по дому, продуктов закупить... Витя отвез до самого подъезда, но заходить не стал – у него в тот день были какие-то срочные дела. Теперь понятно, какие именно!

А тогда она ничего не заподозрила и, как всегда, понимающе кивала, когда Виктор говорил, что вечером непременно заедет за ней или водителя пришлет. Да, да, что подделаешь... С тещей Виктор никогда особенно не ладил, и Ирине стоило немалых трудов, чтобы постоянное противостояние двоих одинаково дорогих и близких для нее людей перешло если не в нежную родственную привязанность, то хотя бы в стадию нейтралитета.

День прошел в хлопотах. Они с мамой закупили продуктов на целую неделю, и немалого труда стоило убедить ее, что вовсе не нужно выбирать самую дешевую колбасу и чай второй категории. Мама всегда старалась экономить и не понимала, зачем покупать парное мясо вместо замороженного, шоколадные конфеты и немецкий замороженный торт к чаю вместо печенья «Юбилейное».

– Перевод денег! – безапелляционно изрекала она, и Ирина снова чувствовала себя маленькой девочкой, потратившей на леденцы сдачу с рубля в булочной.

Виктор позвонил вечером и сказал, что сегодня заехать за ней никак не успевает, а

водитель уехал в сервис, потому что в машине подвеска барахлит, так что лучше ей сегодня остаться у мамы. Голос его звучал так спокойно и безмятежно! «Оставайся, дорогая, ни о чем не волнуйся...» Ирина была даже рада. Ведь маме так одиноко, а она нечасто выбирается навестить ее! Полночи они просидели за чаем, а потом она легла спать на скрипучий диванчик и, помнится, еще волновалась, что не успела ничего приготовить и Витя останется голодным. А он, оказывается, в это время...

Ирина почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота. Она еле успела добежать до ванной и склониться над раковиной.

Когда мучительные спазмы в желудке немного стихли, она кое-как умылась холодной водой и мельком посмотрела на себя в зеркало. Оно безжалостно отразило бледное до синевы лицо, мешки под глазами, морщины... Волосы висят безжизненными, тусклыми прядями, и в них тут и там проглядывает седина. Да уж, хороша, ничего не скажешь!

В общем, печальное зрелище. Стареющая женщина, такая нелепая в махровом халате с розовыми цветочками, женщина, которая только что похоронила самую большую иллюзию в своей жизни – и осталась одна на руинах, на пепелище, растерянная, ошарашенная свалившимся на нее горем. Что делать теперь? Как жить? А главное – зачем?

Глядя в глаза своему отражению, Ирина снова и снова задавала себе эти вопросы – и не находила ответа. Наконец, медленно, с трудом переступая на ватных, негнущихся ногах, она вернулась в спальню. Серьга лежала на аккуратно свернутом покрывале. Хотелось немедленно выбросить ее, а еще лучше – раздавить, словно ядовитое насекомое, но вместо этого она снова взяла ее в руки.

Ирина снова и снова рассматривала эту треклятую безделушку, поворачивала ее так и этак, видела, как лучи солнца, отражаясь в разноцветных камушках, отбрасывают веселые блики. Почему-то она была совершенно уверена, что нацепить на себя подобное украшение может только юная и легкомысленная профурсетка – длинноногая, с искусственным загаром из солярия, вытравленными блондинистыми волосами и наглым взглядом. Хищница. Такие уверены, что весь мир существует только для их удовольствия!

Ирина как будто воочию увидела ее – и даже захлебнулась от боли. Хотелось завывать громко, в голос, покатиться по полу, выкричать в голос свою обиду – за что? Разве она заслужила, чтобы ее обманул и предал самый близкий, самый родной человек?

Ничего подобного она, разумеется, не сделала. Шмыгая носом и утирая слезы мигом размокшей бумажной салфеткой, Ирина потянулась к телефону и набрала знакомый номер.

После третьего гудка ей ответил профессионально жизнерадостный девичий голосок:

– Компания «Персонал-Трейд», чем могу помочь?

– Светлану Татаринovu позовите, пожалуйста!

Светка была ее давней, еще с институтских лет, подругой. Да что там – пожалуй, единственной! Удивительно даже, что за столько лет они умудрились сохранить отношения. Может, все дело в том, что эта дружба осталась единственной ниточкой, связывающей их со студенческой молодостью – такой смешной, наивной и бесшабашной и все же прекрасной? Это потом, позже придут заботы и ответственность, но были же и прогулки по Москве, и вкус мороженого в вафельном стаканчике на губах, и первые «взрослые» секреты... Про то, что с Витей у них «все было», первой узнала именно Светка.

Жизнь у них сложилась совершенно по-разному, и все же они старались поддерживать связь – звонили друг другу, поздравляли с праздниками, иногда встречались в кафе. Бывало, что Ирина приглашала Свету на семейные торжества. В глубине души она немного жалела подругу – как же, одинокая, без детей, личная жизнь так и не заладилась, все бурные романы приносили одни разочарования, и на работе пашет как проклятая... Это она за Витей как за каменной стеной, а Светке только на себя рассчитывать приходится, вот и трудится от зари до зари. Правда, не зря! За эти годы Света успела сделать неплохую карьеру – не по специальности, конечно, она и забыла небось, что написано у нее в дипломе, но все же занимает немалый пост в какой-то крупной фирме.

А если уж совсем честно... К сочувствию примешивалась изрядная толика зависти.

Глядя на модно одетую, всегда ухоженную и стильную Свету (трудно поверить, что они ровесницы! Больше тридцати нипочем не дать), Ирина иногда чувствовала, что упустила в жизни что-то важное. Подруга была такой самостоятельной, уверенной в себе, какой ей уже не стать никогда. Наверное, правду говорят, что нельзя иметь все сразу...

– Как вас представить? – прошептала девочка на телефоне.

– Скажите – Ирина... Уварова.

От волнения она назвала старую, еще девичью фамилию, с которой распрощалась много лет назад. В трубке звучала бодрая мелодия, а она беззвучно плакала, не вытирая катящихся по щекам слез, и от души надеялась, что Света окажется на месте. Ей так нужно было поделиться с кем-то, не оставаться наедине со своим горем!

А механическая музыка все играла и играла. Ирина уже совсем было отчаялась, когда услышала, наконец, знакомый голос:

– Ирка? Привет! А я-то думаю, кто такой... Что хотела, говори по-быстрому, у меня люди.

Подруга говорила отрывисто, почти резко. Чувствовалось, что она, как всегда, очень занята и недосуг ей копаться в чужих личных проблемах. Ирина совсем растерялась.

– Я... Знаешь... Очень хотела с тобой встретиться. У меня тут...

Ирина почувствовала, что не может говорить. Горло перехватило, еще немного – и она просто разревется. Даже Света мигом поняла, что произошло нечто из ряда вон выходящее. В голосе ее зазвучали совсем другие, озабоченные нотки.

– Случилось, что ль, чего?

– Да, случилось!

– Ладно, давай через час в «Беликаре». Ну, помнишь, там мой день рождения праздновали? Все, пока, увидимся.

Ирина утерла слезы и принялась лихорадочно собираться. Теперь ее уже совершенно не волновало, что кругом беспорядок, по квартире будто Мамай прошел, что надо идти в магазин и в сберкассах.

Она старательно умылась холодной водой, попыталась даже накраситься, но получилось только хуже. Тушь повисла комочками на ресницах, губная помада расплылась, а пудра оказалась слишком светлая, так что лицо стало похоже на маску грустного клоуна из цирка. Пришлось все смывать.

Из недр шкафа Ирина извлекла на свет божий трикотажный костюм, который считался у нее «парадным», подсадовала немного, что вещь стала явно маловата с тех пор, как она надевала ее в последний раз, но искать что-то другое было уже некогда.

Вот, кажется, и все... Она в последний раз кинула взгляд на свой дом, который еще недавно был родным и теплым, а теперь выглядел каким-то растерзанным, бесприютным и почти чужим. Потом подхватила ключи с тумбочки и решительно захлопнула за собой дверь.

Через час она уже сидела за столиком в кафе и редела в три ручья. Было ужасно стыдно, но сдерживаться она не могла. Хорошо еще, что народу было немного, и Света сразу же выбрала место в каком-то закутке за низкой перегородкой, отделяющей их от общего зала.

Сейчас она сидела напротив, прихлебывала кофе и курила. Выглядела Светлана, как всегда, прекрасно – строгий офисный костюм не прятал, а скорее подчеркивал стройную фигуру, лицо покрывал нежный загар, в волосах играло солнце.

– Да что стряслось, говори толком!

– Витя... Представляешь... Ты только представь себе, – всхлипывала Ирина, – он, оказывается, мне изменяет!

Светлана чуть дернула плечом, и ее губы искривила невеселая усмешка. Она искоса посмотрела на подругу. Ну да, конечно, превратилась в клушу, типичную домохозяйку, одета бог знает как и в парикмахерской была, наверное, еще в прошлом веке... Выглядит просто тетушкой!

Зато Витька – в полном порядке. В олигархии не выбился, но фирма его процветает и

приносит приличный доход. А сорокалетний мужик с деньгами – просто лакомый кусочек для молодых и наглых девиц, которые очень хотят получить все и сразу. Тем более что Витька и выглядит до сих пор неплохо... Потолстел, конечно, но все-таки старается следить за собой, держаться в форме. Ну и ходок он, конечно, тот еще! По глазам видно. Одна Ирка, святая простота, не замечает ничего. Но может, это и к лучшему? Как там говорил царь Соломон? «Во многая знания многая печали есть»! Надо бы как-то успокоить ее, а то рыдает так, что сердце разрывается.

– Изменяет? С чего ты взяла? – осторожно спросила она.

– Вот... – Ирина порылась в необъятной сумке и протянула подруге свою находку. – Знаешь, где я это нашла?

– И где же? – Светлана непонимающе уставилась на безделушку.

Взгляд у Ирины сразу же как будто подернулся льдом. Она даже плакать перестала.

– В нашей постели, вот где! Под матрац завалилась. Представляешь? Я, как дура, стираю, готовлю, стараюсь, чтобы у нас все было самое лучшее, а он...

Она задохнулась от обиды и гнева. Потом схватила сигарету, неумело затянулась и мрачно закончила:

– А он женщин водит. В мой дом, в мою постель!

– Да, что и говорить, все мужики – козлы, – задумчиво протянула Светка, помешивая капучино маленькой ложечкой, – сама сколько раз зарекалась – не верить никому. А ты все – мой Витя, мой Витя... Ладно, не обижайся. В конце концов, не ты первая, не ты последняя. Растереть и забыть.

Ирина всхлипнула жалобно, совсем по-детски.

– Да-а, тебе легко говорить! У тебя – работа, карьера, мужиков своих сама меняешь, как хочешь, они перед тобой на задних лапках прыгают... А у меня что? Ничего!

– Ну, извини, дорогая! – Между тонкими, выщипанными по последней моде бровями подруги пролегла сердитая морщинка. – Я свою карьеру сама делала! И сейчас, между прочим, работаю как лошадь!

Ирина сразу сникла. Плечи ее опустились, и она сидела такая маленькая, жалкая, словно подбитая птичка.

– Прости. Не хотела тебя обидеть. Я сейчас сама не знаю, что говорю, – залепетала она.

– Ладно, забыли. – Светлана тряхнула головой, и тщательно уложенные мелированные локоны красиво рассыпались по плечам. – Ты мне вот что скажи, подруга: дальше-то что делать собираешься?

– Не знаю.

Ирина вздохнула. Сейчас для нее было странно и даже дико думать о будущем. Как можно строить какие-то планы, когда в груди будто огнем печет и каждый вздох, каждый удар сердца причиняет боль?

На секунду мелькнула и совсем уж нехорошая мысль – а надо ли? Может, покончить сразу со всем этим? Ирина даже сама испугалась. Наверное, лицо у нее стало такое, что и Светка заволновалась.

– Э, подруга, ты что? Не смей так убиваться. Не стоит того ни один мужик, уж поверь мне. А главное – у тебя же сын!

Ирина почувствовала, как щеки заливает краска стыда. Как она могла думать только о себе? У мальчика сейчас такой сложный переходный возраст... Развод родителей стал бы для него настоящей травмой!

И потом, что уж греха таить – и она, и сын привыкли к тому, что не надо думать о том, где взять денег, чем заплатить за квартиру и что купить на обед. К хорошему привыкают быстро, и как она сможет сказать мальчику, что ему не на что будет купить новые ролики или поехать в языковой лагерь на Балатоне летом? А институт? Там такие деньги нужны будут, что ей в жизни не заработать! Особенно если учесть, что делать этого ей никогда еще не приходилось.

Света как будто уловила ее мысли. Она закурила новую сигарету и спокойно спросила:

– Разводиться, я надеюсь, ты не собираешься?

Ирина отрицательно покачала головой. Само слово «развод» – такое острое, жесткое, словно скрежет железа по стеклу, – повергло ее в ужас. Но как оставаться рядом с человеком, который тебя предал? Заботиться о нем, разговаривать с ним, ложиться в одну постель, просыпаться рядом? И каждый раз думать о том, что, возможно, сегодня он был с другой, а на нее, жену, смотрит всего лишь как на привычный предмет обстановки, на полезное в хозяйстве устройство, вроде пылесоса или кухонного комбайна?

Ирина опустила голову и тихо сказала:

– Не знаю я, Светка. Ничего не знаю! Думала, может, ты что посоветуешь?

Светлана задумалась.

– А что, если ее найти?

– Кого?

– Ну, ту девицу, что с твоим мужем загуляла? Поговорить, объяснить, что здесь ей ничего не светит, пусть другого ищет...

Только подумав об этом, Ирина задохнулась от стыда и унижения. Она решительно замотала головой:

– Нет, нет, ни в коем случае!

– Ну, не хочешь – как хочешь. А знаешь что... – протянула Света. – Если тебе на работу устроиться? Как-то развеялась бы, самостоятельной стала... Тебе сейчас нужен какой-то новый стимул в жизни!

– На работу? Кем? У меня ведь даже диплома нет! Разве что в секретарши – кофе варить... Так ведь не возьмет никто, старовата я уже для такой должности.

Светлана подумала, что подруга совершенно права. После почти двадцатилетнего перерыва устроиться на работу более чем проблематично! Тем более без каких-либо полезных навыков.

– Сперва Толик был маленький, потом Витя свой бизнес раскрутил, погрязла я в этих кастрюлях! Только и знала – дом, семья, хозяйство... И тут вдруг такое. А может, и не вдруг. Может, он давно меня обманывал, а я просто не видела ничего. Не хотела видеть...

Ирина говорила – и в душе все больше нарастало ощущение тупика, из которого не выбраться. Она готова была жаловаться бесконечно, выплескивая все, что накопило, но Светка, кажется, устала слушать ее излияния. Она решительно затушила сигарету в пепельнице и твердо сказала:

– Ладно, хватит. Нечего зря плакать. Есть у меня одна знакомая...

Ирина попробовала улыбнуться.

– Она что – из кадрового агентства? Устраивает на работу ни к чему не годных тетюшек? Или подыскивает им новых мужей, которых на специальных фермах выращивают?

Но Светлана шутку не поддержала. Напротив – она говорила очень серьезно, как человек, который нашел наконец решение сложной задачи:

– Нет. Она – колдунья.

От удивления Ирина осеклась на полуслове. Вот уж не ожидала, что Светка – такая современная, успешная, даже циничная! – может верить в эти бабушкины сказки.

– Да ладно! Я по телевизору видела – все они шарлатанки! Только голову морочат да деньги тянут, а толку никакого.

– Нет, – покачала головой Света, – Альвина – она не такая, как все. Сама увидишь. И денег она твоих не возьмет... Пока, по крайней мере.

– Что же она, вообще не берет? Даром работает?

– Берет, конечно. И немало. Но – только за результат! К ней знаешь какие люди ходят? И принимает она только по рекомендации, не с улицы и не абы кого.

– А... Ты-то откуда знаешь ее? – несмело спросила Ирина.

– Слухами земля полнится. Сарафанное радио. Посоветовали... добрые люди.

Света невесело усмехнулась. Видно было, что говорить на эту тему ей неприятно, но Ирина не унималась:

– И что – помогло? Сработало?

– Сработало. Но это к делу не относится.

Вспоминать о романе с Эдиком было неприятно.

Подумать только, взрослая самостоятельная женщина – и вдруг потеряла голову, как девчонка-школьница! Поначалу просто было очень лестно, что на нее обратил внимание молодой человек, еще не перешагнувший тридцатилетний рубеж. Приятно думать, что ты еще о-го-го... Потом роман как-то незаметно перешел в совместную жизнь – Эдик все чаще и чаще оставался у нее ночевать, и будто само собой получилось, что они уже не расставались. Света честно решила расставить все точки над «i» – сказала, сколько ей лет, произносила правильные и скучные слова о том, что у них нет будущего, а сама в то же время ужасно боялась, что он признает ее правоту, попросится и уйдет навсегда.

Но вышло иначе. Любимый только посмеялся над ее страхами, сказал, что возраст для него не имеет никакого значения, что она прекраснее всех на свете и еще всякие волшебные глупые слова, от которых тает сердце любой женщины... И Света как будто попала в сказку.

Он никогда не забывал принести ее любимые цветы, готовил ванну с ароматной морской солью, когда она, усталая, приходила с работы, варил кофе с корицей, как она всегда любила... Правда, у самого Эдика с карьерой не очень-то ладилось, и большую часть времени он слонялся без дела, все «искал себя». Жить приходилось на ее деньги, но Светлану это не очень-то волновало – в конце концов, она достаточно зарабатывает! А с ним было так хорошо... Может быть, впервые в жизни она чувствовала себя не «железной леди» – насмешливой, циничной, деловой, закованной в строгий офисный костюм, словно в броню, а настоящей Женщиной с большой буквы – нежной, юной и любимой.

Именно тогда, совсем потеряв голову, она отправилась к госпоже Альвине. Та ее предупредила честно – тебе решать, тебе и отвечать за все! Она тогда не придавала значения ее словам – ну что плохого может случиться, если Эдик останется рядом с ней и они будут счастливы?

Светлана тогда сделала все, что велела ей колдунья. Страшно было идти на кладбище ночью, чтобы закопать булавку, которую она ей дала, но чего не сделаешь ради любви! И не обманула колдунья, все было, как она обещала, – в первое время, по крайней мере. Светлана чувствовала себя на седьмом небе от счастья и даже начала задумываться о том, что стоило бы официально оформить их отношения. В конце концов, почему бы и нет? Эдик был так мил и нежен, никуда уходить не собирался, у него даже появились какие-то деньги... Может, оступенится мальчик, человеком станет?

Тем больнее было прозрение. Сладкий альфонс оказался начинающим наркоториком, правда не очень умным и не очень опытным. Потому в один прекрасный день (для Эдика, конечно, он вовсе не был прекрасным!) герой-любовник отправился на восемь лет в тюрьму за распространение кокаина. Светлана до сих пор вспоминает с содроганием тот день, когда к ней пришли с обыском, и сколько потом пришлось отстегнуть людям в погонах, чтобы не оказаться причастной к этой истории.

Очень не хочется все это вспоминать сейчас, вторгаться в запретное прошлое, но ради подруги...

– Ладно, – Светлана посмотрела на свои маленькие изящные часики, – мне пора, извини. Работать надо. Я только на час и вырвалась... А ты подумай!

Она порылась в ежедневнике, быстро написала телефон на салфетке, положила ее на стол перед Ириной и вышла из кафе, гулко стуча по каменному полу высокими тонкими каблучками.

Домой Ирина вернулась совершенно растерянная. Разговор со Светланой никак не шел из головы. По дороге она заглянула в супермаркет, но вместо свежих овощей и парного мяса купила несколько коробок с замороженными полуфабрикатами. Готовить по полной программе было уже некогда, сын вот-вот вернется из школы. Бедные дети, проводят там целый день!

Она кое-как навела порядок в квартире, но, пока складывала разбросанные вещи, пока

застилала злосчастную постель, думала только об одном – может, Светка права? Может быть, эта самая колдунья действительно поможет? Этот день она забудет, как страшный сон, и у них с Витей все будет по-прежнему... Да нет, невозможно это! В двадцать первом веке верить в бабушкины сказки просто смешно.

Ключ повернулся в замке, хлопнула входная дверь. Сын пришел... А она даже приготовить ничего не успела! Под рукой только эти замороженные брикеты, называемые «биточками деликатесными». Надо сейчас быстренько разогреть их в микроволновке. Ирина выложила на керамическую тарелочку содержимое коробки, сунула ее в печку и вышла в прихожую.

– Толик, как дела?

– Нормально.

Сын повесил куртку на вешалку, скинул кроссовки, прошел в свою комнату и тут же уселся за компьютер. Ей показалось, что он даже не замечает ее присутствия. Хорошо, конечно, что мальчик такой увлеченный, не пьет пиво в подъезде и не шатается по улице с подозрительными компаниями, но в последнее время она часто замечала на его лице странное, отсутствующее выражение, словно Толик был вовсе не рядом с ней, а витал где-то далеко, в своих виртуальных мирах. Кажется, ему там было даже уютнее.

Ирина заглянула в комнату сына, подосадовала про себя на привычный беспорядок, но вслух сказала только:

– Иди руки мыть. Сейчас тебя покормлю.

– Мам, некогда! Я убегаю. Вечером буду, часов в десять.

– Куда это ты собрался?

Ирина насторожилась. Она ужасно боялась, что мальчик может попасть в какую-нибудь неприятную историю. Сейчас по телевизору постоянно показывают такие ужасы! Наркотики, драки, неразборчивый секс... Даже пиво, что рекламируется на каждом шагу, тоже таит в себе опасность! Подростки пьют его, как газировку, а потом оглянуться не успевают – и превращаются в законченных алкоголиков. Насколько легче было, когда он был маленький!

– Мам, ты что, забыла? – Сын наконец оторвался от монитора и посмотрел на нее с укоризной. – Я же говорил тебе – сегодня Сашка просил зайти. Хочет «Висту» установить. Сам не умеет, чайник чайником, зато ему родители комп купили – просто супер!

Ирина вспомнила Сашку – соседа по дому с десятого этажа. Мать его еще недавно торговала на рынке турецкими шмотками, а отец гонял по просторам родины тяжелогруженные фуры. Обоим повезло преуспеть в своем деле, и теперь бывший дальнобойщик стал хозяином собственной транспортной фирмы, а бывшая челночница открыла небольшой, но бойко торгующий магазинчик. И все равно – трудиться им приходится от зари до зари... Все ради Сашеньки, любимого сыночка, чтобы не пришлось мальчику тяжело работать и самому пробиваться в жизни. Вот и компьютер купили не абы какой, а дорогой, навороченный, хотя мальчик и пользоваться им толком не умеет! Толстый, апатичный, вечно что-то жующий Сашка пока ни к чему особенного интереса не проявлял.

– А почему он тебя просил? Родители не могли специалиста по компьютерам вызвать? – спросила Ирина.

– Как – почему? – Сын удивленно поднял брови. – Меня они слушаются!

Да, правда, было такое. Толик действительно умел чувствовать компьютеры, как живые существа. В его руках работает даже самая «убитая» техника, а уж повозиться с новой машиной – просто праздник! Ирина и сама не раз обращалась к его помощи – особенно с тех пор, как открыла для себя Интернет. Однажды в машине оказался вирус, потом компьютер просто отказался работать по неизвестной причине... Каждый раз ее выручал именно сын. «Мам, ну ты у меня продвинутая!» – лукаво говорил он, прищурив глаза, что-то делал – и через минуту все начинало работать снова.

– Ну хорошо... Иди.

Ирина прикоснулась к его плечу, словно хотела опереться на него, как на старшего.

– Только на мобильный откликайся, ладно?

Сын отвел ее руку:

– Мам, ну не волнуйся ты! Я уже взрослый.

Он уже подхватил свой рюкзачок и направился к двери. Вот и он рвется прочь из дома, прочь от нее... Ирина всегда знала, конечно, что такой момент настанет рано или поздно, читала книги по психологии и воспитанию детей, умом понимала, что нужно вовремя отпустить от себя подросшее чадо, но сердце взмолилось: «Не сейчас! Пожалуйста, только не сейчас, когда я так одинока, когда нуждаюсь в тебе!»

В кухне запищала микроволновка. Ирина достала тарелку и с грустью посмотрела на котлеты. Выглядели они не очень аппетитно, наоборот, грустно и неприкаянно, даже сиротливо как-то... Как будто даже еда чувствует, что никому не нужна!

Впрочем, как и она сама.

Постепенно спустились вечерние сумерки. Мягкий, теплый весенний воздух, пахнувший первой листвой и пробивающейся на газоне травкой, а еще – чем-то непонятным, но сладким, пьянящим, юным, как сама пробуждающаяся природа, вползал в приоткрытую форточку, щекотал ноздри, навевал воспоминания о молодости и глупые, несвоевременные мысли. Хорошо, наверное, в такой вечер гулять по бульвару вдвоем, говорить ни о чем, а можно и молчать. Лишь бы чувствовать рядом чье-то крепкое плечо, ловить восхищенный взгляд, и вот уже ноги становятся волшебным образом легкими, щеки горят, а сердце летит и поет, как та птица, что сейчас заливается где-то в кустах под окном...

Но Ирине было не до того. Она чувствовала себя такой усталой, будто целый день без отдыха драила квартиру. Хотя вроде бы и не делала толком ничего... Она прилегла в гостиной на диване, накрыла ноги пушистым пледом и достала книгу Лоры Бейтсон. Теперь, конечно, ей было не до того, чтобы наслаждаться чтением. Хотелось просто отвлечься, чтобы хоть несколько часов не думать о своих проблемах, чтобы мысли не ввинчивались в мозг, словно тупое сверло, так что ломит в висках и перед глазами мелькают темные мушки.

Битый час она добросовестно переворачивала страницы, но ни удовольствия, ни даже успокоения это ей не принесло. Теперь перипетии чужой любовной истории уже не казались ей такими интересными и увлекательными. Что ей до того, что какая-то Мэри никак не может переступить через патрицианскую гордость своих предков, родословное древо которых уходит чуть ли не к рыцарям Круглого стола, чтобы выйти замуж за Тома – подкидыша, выросшего в сиротском приюте, своим умом и талантом сколотившего миллионное состояние? Какое ей дело до выдуманных страстей, если у самой в жизни творится черт-те что?

Мысли упорно возвращались к одной и той же теме – где сейчас Витя? С кем он? Что делает?

Очень хотелось позвонить ему на мобильный, но Ирина сдерживала себя. Время уже катится к десяти, но ведь он предупредил, что задержится сегодня! Меньше всего ей хотелось выглядеть назойливой клушей женой, которая постоянно пытается контролировать мужа – звонит, обыскивает карманы, потихоньку читает сообщения на мобильном, чуть ли не с лупой осматривает пиджаки и рубашки в поисках чужого волоска и губной помады, даже нанимает частных детективов, чтобы проследить за благоверным... В романах Ланы Неждановой, восходящей звезды российской беллетристики, которую восторженные читатели на форумах называют «нашей Джоан Коллинз», часто встречаются подобные персонажи – глупые, толстые, до неприличия ревнивые тетки, изо всех сил мешающие своим бывшим мужьям построить новую жизнь. Счастливой соперницей, как правило, выступает длинноногая блондинка, которой, по замыслу автора, читательницы должны сочувствовать всей душой. Наверное, умница-красавица, образованная, успешная, дерзкая и обаятельная особа должна вызвать живой отклик в сердцах «гламурных» девушек, но сама Ирина даже первый роман Неждановой осилила с трудом (это при ее-то любви к чтению!) и больше ее книг не покупала.

Как будто чувствовала, что ей предстоит.

А время катится к ночи... Ирина взяла телефон и совсем уже собралась было набрать знакомый номер, когда аппарат вдруг ожил в ее руках и пронзительно зазвонил.

– Алло!

Услышав голос мужа, Ирина в первый момент обрадовалась. Вот, вспомнил ведь! Может, все ее страхи окажутся полной чепухой?

– Привет, милый! Скоро будешь?

Но Виктор говорил сухо и как будто отстраненно:

– Нет, к ужину не жди. Я задержусь, у нас сегодня переговоры. Я еще утром говорил... Да, очень выгодный потенциальный клиент. Все, пока.

Ирина медленно положила трубку на рычаг. Ей казалось, что даже в тиканье часов слышались эти ужасные слова: ни-ко-му не нуж-на...

Она отбросила книгу в сторону, упала лицом в подушку и разрыдалась. Плакала она долго, так что даже слезы постепенно иссякли и она только всхлипывала тихо и жалобно, как обиженный ребенок.

– Мам, привет, ты дома? – раздался голос сына из прихожей.

– Да, да... – Она подняла голову и попыталась вытереть мокрые щеки. Нехорошо, если мальчик увидит ее такой – зареванной, с опухшим лицом... И глаза наверняка красные, только людей пугать.

– А чего в темноте сидишь? – Он заглянул в комнату.

– Да так... Ничего. Просто голова болит что-то.

Она старалась говорить спокойно. Пусть он ничего не заметит, ну пожалуйста!

– А-а, ну ладно. Лежи, отдыхай... Может, принести чего-нибудь?

– Нет, не надо, я, пожалуй, спать пораньше лягу. Или ты голодный? Подожди, я сейчас встану!

– Да ладно, мам, не суетись! Уж как-нибудь сам справлюсь.

Через минуту из его комнаты уже доносились звуки компьютерной «стрелялки». Мальчик снова отправился в свои виртуальные миры и, похоже, не скоро вернется оттуда...

Ночью Ирина долго не могла уснуть. Она ворочалась с боку на бок, считала слонов, зачем-то повторяла таблицу умножения, но ничто не помогало. Наконец ей удалось задремать ненадолго, но легче от этого не стало.

Ей снился огромный серебристый осьминог. Его тело, украшенное разноцветными камнями, сверкало и переливалось, а гибкие, мощные щупальца тянулись к ней... Это было так страшно, что хотелось закричать и проснуться, но не было сил, чтобы шевельнуть хотя бы пальцем. И вот уже грудь словно сжимают стальные обручи, еще немного – и ребра затрещат, воздуха не хватает, и последний стон застывает на губах...

Разбудил ее какой-то шорох. Ирина открыла глаза и услышала, как в замке поворачивается ключ, потом кто-то осторожно, тихо вошел в квартиру. На часах – половина третьего, и Вити почему-то нет рядом... Она потрогала несмятую подушку и не сразу вспомнила, что сегодня муж предупреждал ее о том, что задержится на работе.

Ирина уже хотела было встать и пойти посмотреть, кто там, но вместо этого так и осталась лежать, зачем-то натянув на себя одеяло до самого подбородка. Было очень жарко, но она лежала, боясь шелохнуться. А вдруг там грабители?

Вот показалась полоска света, дверь в спальню приоткрылась... Ирина чуть не закричала от ужаса, но тут в темном силуэте высокой мужской фигуры на пороге она узнала мужа. В первый момент ей даже смешно стало – надо же было напридумывать себе бог весть что! Ситуация как в анекдоте – загулявший супруг возвращается домой среди ночи. Остается только встретить его со скалкой в руках и грозно спросить: «Где ты был?» Как там дальше-то? «Ну, ты же у меня умница, дорогая, придумай что-нибудь сама...»

Смешной анекдот – если, конечно, речь идет о других.

Виктор не совсем твердо держался на ногах, чуть покачивался, от него сильно пахло коньяком, и еще какой-то чужой, посторонний запах примешивался – терпкий и сладкий, от

которого хотелось чихать. Духи, чужие духи! Боже мой, как унижительно...

Впервые за долгие годы человек, рядом с которым она прожила всю жизнь, показался ей неприятным и чужим. Подумать только, оказывается, она совсем не знала его! Или не хотела знать ни о чем, предпочитая оставаться в своем мире только потому, что там было так уютно и спокойно? При одной мысли, что сейчас он ляжет в постель рядом с ней, стало страшно и противно. Ирина изо всех сил зажмурила глаза, притворяясь спящей. По крайней мере, не надо будет с ним разговаривать...

Виктор на цыпочках вышел из комнаты. Слышно было, как он раскладывает диван в гостиной. Пожалуй, такой грохот мог бы разбудить и мертвого, но Ирина держалась стойко. Нельзя выдать себя, показать, что она не спит! Если уж сердце разрывается от боли, то хотя бы гордость не пострадает.

Через несколько минут через тонкую стенку уже доносился мощный храп. А сама Ирина до утра лежала в постели без сна, смотрела в потолок сухими, воспаленными глазами и кусала губы, чтобы не заплакать.

Утром, за завтраком, она изо всех сил старалась вести себя так, словно ничего не произошло. Виктор выглядел неважно – лицо какое-то серое, помятое, словно несвежая простыня, мешки под глазами, четче обозначились складки возле губ... Пожалуй, такой образ жизни до добра не доведет! А у него со здоровьем не все в порядке, в прошлом году желчный пузырь удалять пришлось, теперь нужна щадящая диета, режим, а не ночные прогулки по девочкам.

Ирина вспомнила, как ходила к мужу в больницу, как варила протертые супчики и готовила паровые котлетки. Вряд ли его новая мадам будет этим заниматься!

Она старательно заварила его любимый зеленый чай с жасмином, налила в тонкую фарфоровую чашку с золотистым ободком и как бы невзначай спросила:

– Как прошли переговоры?

– Что? Переговоры? Какие? – встрепнулся Виктор. – Ах да, переговоры... Неплохо, неплохо. Кажется, будет у нас контракт! Домой пришел полдвенадцатого, ты спала уже. Десятый сон видела. Не хотел тебя будить, потому и лег в гостиной на диванчике.

Ирина прикусила губу. Она прекрасно помнила, как все было! Очень хотелось бросить на пол этот проклятый чайник и крикнуть: зачем ты лжешь? Кого хочешь обмануть? А главное – как ты мог так поступить со мной, после стольких лет, прожитых вместе?

Но с другой стороны... Это новое, горькое знание как будто давало ей странное, почти необъяснимое ощущение власти – если не над мужем, то хотя бы над ситуацией. Если уж оказалась на краю пропасти, то лучше идти с открытыми глазами!

Она старательно улыбнулась и спросила:

– Тебе подлить еще горяченького?

Оставшись одна, Ирина принялась за домашние дела. А их, как всегда, полно – на кухне гора грязной посуды, корзина для белья полна, зеркало в ванной заляпано зубной пастой, и ковер в гостиной давно пора бы пропылесосить как следует...

К полудню квартира сияла чистотой, но на душе от этого легче не стало. Скорее наоборот – покончив с домашней работой, Ирина почувствовала себя какой-то неприкаянной, лишней. Ну зачем это все? Кому это нужно? При одной мысли, что Витя сегодня, возможно, опять придет за полночь, нетрезвый и чужой, пахнущий этими приторно-сладкими духами, голову сжимало, словно в железных тисках, сердце начинало бешено колотиться в груди и глаза застилала тяжелая мутная пелена.

Медленно, тяжелой, почти старческой походкой Ирина прошла на кухню, достала из аптечки пузырек с валокордином и принялась отсчитывать капли в стакан с водой. После двадцать пятой она сбилась, но начинать все по новой было лень, потому она накапала еще несколько наудачу, без счета, и залпом выпила остро пахнущую жидкость.

Брр! Какая, в сущности, гадость! От мерзкого вкуса на секунду перехватило горло.

«Ничего, ничего, сейчас будет легче...» Ирина упорно твердила про себя эти слова как заклинание, и в самом деле – сердце успокоилось, вошло в привычный ритм, дыхание стало размеренным, и пусть тело еще сковывает противная слабость, зато, по крайней мере, она снова могла рассуждать здраво... Насколько это возможно, конечно.

В конце концов, Светка права – не она первая, не она последняя. Наверное, любовь до гроба существует разве что в романах любимой ею Лоры Бейтсон... Только там мужчина и женщина могут даже в старости, вырастив детей и внуков, пройдя через бесчисленные испытания, ходить по улице, взявшись за руки и любоваться закатом над морем. В жизни все проще и грубее. В конце концов, еще ни одной романтической героине не приходилось мыть унитаз или прочищать засорившуюся раковину на кухне! А если и приходилось, то в книгах о этом почему-то не пишут... Может, и правильно. Героиня может оказаться где угодно – в тюрьме или в заложниках у террористов, бороться со смертельной болезнью или с кознями опасных преступников, и читательница будет переворачивать страницы, пока не узнает, чем все закончится, но ежедневная нудная бытовая рутина никому не интересна.

Возникает только один вопрос – что делать дальше? Жить как раньше, делать вид, что она ничего не замечает? Нет, невозможно! Притворяться и лгать было бы слишком унижительно. Дать понять Виктору, что она все знает о его похождениях? Устроить скандал? Пригрозить разводом? Мужчины, конечно, не любят менять ничего в привычном укладе жизни, если только не вынудят к этому совсем уж чрезвычайные обстоятельства, и Виктор в этом смысле не исключение, но все же было очень страшно — *а вдруг он согласится?* И что тогда будет с ней? Даже думать не хочется...

Холодная волна прокатилась от макушки до пяток. Ирина зябко поежилась и плотнее запахнула полы халатика. Нет, нет, нельзя поддаваться панике! Только не сейчас. Ведь если все оставить как есть, плохо будет не только ей. Есть еще Толик, который вовсе не заслужил того, чтобы остаться без отца. Да, в конце концов, и Виктор тоже в немалой опасности...

Ну конечно! Та, другая женщина молода. Почему-то Ирина была твердо в этом уверена. Может быть, даже в дочери ему пойдет... Вряд ли ей нужен он сам – скорее его деньги, положение и та жизнь, которую он сможет ей предложить. Когда эта девица вытянет из него все, что сможет, он останется один – больной, старый, одинокий и несчастный.

На секунду Ирина увидела его таким – четко, словно на экране телевизора, – и сердце защемило от жалости. Пусть он обманул ее, предал, но разве она может бросить его на произвол судьбы? Нет, конечно! Они ведь столько лет прожили вместе, и теперь он для нее не только муж – он отец ее ребенка, он самый близкий, самый родной человек... Оставить его, если он попал в беду и, возможно, сам не понимает, что делает, было бы жестоко. Ведь не властны над своими страстями алкоголики и наркоманы, их признают больными людьми и пытаются лечить, а разве помутнение рассудка, когда взрослый мужчина готов очертя голову броситься в омут, – не то же самое?

Ирина сжала губы. Нет, она не сдастся просто так! Что там Света говорила вчера о какой-то колдунье? Может быть, она, конечно, и шарлатанка, но... А вдруг поможет? Ради спасения безнадежно больных люди кидаются и к светилам медицины, и к знахарям. Пока теплится хоть самая маленькая, слабая надежда, нужно испробовать все для того, чтобы спасти любимого человека. А тут речь идет о семье! Значит, тем более все средства хороши.

Подумав так, Ирина наконец решилась. Она долго копалась в своей сумке, разыскивая салфетку, на которой вчера Светка нацарапала телефон колдуньи. Под руки, как нарочно, попадались то чеки из супермаркета, которые она неизвестно зачем неделями таскала с собой, то рекламные буклеты, что раздают девушки у метро. Неужели потеряла? Ах нет, вот она, заветная бумажка!

Пока набирала номер, пальцы дрожали, и даже ладонь мигом стала противно потной и липкой. Гудки в трубке показались бесконечно долгими. Ирина уже хотела было отключиться, бросить эту бредовую затею, когда на том конце провода наконец ответили:

– Я вас слушаю.

Услышав низкий, глубокий женский голос с богатыми модуляциями, Ирина совсем

растерялась. Ее решимость мигом испарилась куда-то.

– Д-добрый день... Вы Альвина? – робко спросила она.

– Госпожа Альвина, – строго поправила собеседница.

Ирина смутилась еще больше:

– Да-да, конечно... Госпожа Альвина. Мне ваш телефон дала Светлана Татарина. Я...

У меня...

Она никак не могла сообразить, как надо разговаривать с колдуньей. Брякнуть просто – мне изменяет муж, хочу его вернуть, приворожить, привязать к себе – было бы просто невысказано! Разве такое скажешь незнакомому человеку?

Но собеседница, кажется, вовсе не собиралась выслушивать ее бессвязный лепет. Голос ее звучал строго и властно:

– Записывайте адрес.

Ирина еле успела схватить карандаш и принялась торопливо записывать. Сразу чувствуется, что эта женщина повторять не станет...

– Жду вас сегодня в три.

Отбой. В трубке запищали короткие гудки. Ирина посмотрела на часы. Знать бы еще, где эта самая улица, где этот дом! Кажется, где-то должна быть карта... Среди старых газет она с трудом отыскала потертый справочник. Ага, сразу за парком «Сокольники»... Путь неблизкий, и времени остается не так уж много...

Надо поторапливаться.

Выйдя из метро, Ирина стояла посреди улицы, беспомощно озираясь. По длинной аллее, ведущей к парку, сновали подростки на роликах, мамы прогуливались с колясками, куда-то шли гурьбой молодые люди странного вида в драных джинсах, с длинными волосами, так что не разберешь, где парень, а где девушка... Район этот она знала плохо и скоро совсем запуталась. Черт ее знает, где эта...

Увидев аккуратную сухонькую старушку со старомодной кошелкой в руках, Ирина подошла к ней:

– Не подскажете, где здесь... – Она протянула старушке бумажку с адресом.

Та остановилась, переложила свою ношу из руки в руку и принялась терпеливо объяснять:

– Сейчас пойдете через парк по аллейке, потом улицу перейдете – и сразу налево и вниз! Длинный такой кирпичный дом, сразу увидите.

– Спасибо!

Ирина махнула рукой и почти бегом направилась в заданном направлении. Она запыхалась, покраснела, волосы растрепались на ветру, и в боку как-то подозрительно закололо, но все это было не важно. В голове билась только одна мысль – как бы не опоздать!

Скоро она совсем выбилась из сил. Отвыкла ходить пешком, да и лишний вес сказывается. Вот они, посиделки на диване перед телевизором, книжки и любимые пирожные! Когда похожий по описанию дом показался за поворотом, Ирина искренне обрадовалась. Подойдя ближе, она разглядела табличку... Все правильно, она пришла по адресу. Слава богу, вовремя!

Дом был самый обыкновенный, довольно старый, надежно и добротно выстроенный из красного кирпича. Даже не верится, что здесь живет самая настоящая ведьма... Она остановилась, чтобы оглядеться немного и перевести дух. Неприлично же вваливаться к незнакомому человеку такой взмыленной, словно запаленная лошадь! Надо хоть немного в себя прийти.

Во дворе играли дети, сидели старушки на лавочках, а у подъезда ворковали голуби. Ну да, весна ведь! Лоснящиеся сизари важно кружили возле подруг, надувая зоб и распуская перья, а голубки как будто и вовсе не обращали на них внимания. Мол, это я так, погулять вышла!

В общем, все как у людей.

Уже подходя к массивной железной двери, оснащенной домофоном, Ирина почувствовала, что колени у нее предательски дрожат и желудок свела противная судорога. Мелькнула даже мысль – махнуть на все рукой и сбежать отсюда поскорее. Уж пускай будет что будет...

Она уже готова была малодушно повернуть назад, но вспомнила лицо Виктора – и горло снова перехватило от обиды. Разве мало она сделала для него? Считай, всю себя вложила, без остатка! И все – ради того, чтобы какая-то неведомая молодая профурсетка воспользовалась ее мужем, как банкоматом, а ее выбросили на помойку, словно ненужную ветошь, словно вещь, отслужившую свой срок? Двадцать лет жизни, *вся* жизнь, по существу, – псу под хвост? Ну уж нет!

Ирина еще раз взглянула на бумажку с адресом. Теперь остается только набрать код на домофоне...

– Кто там? – отозвался знакомый уже голос.

На секунду Ирина засомневалась. Странно, какая же она ясновидящая, если спрашивает – кто?

Сама знать должна! Эта мысль мелькнула и исчезла. Если уж пришла, надо идти до конца, второй раз она на такое никогда не решится. Наклонившись зачем-то совсем близко к динамике, Ирина принялась сбивчиво объяснять:

– Я вам звонила... От Светланы Татариновой. Мы договаривались на сегодня...

– Хорошо, заходите. Шестой этаж и направо.

Подъезд был чистый и аккуратный. Даже цветы на подоконниках стоят... Видно, что люди здесь живут серьезные и во всех смыслах положительные, подростки не собираются и бомжи под лестницей не ночуют. Лифт старомодный, из тех, где дверью надо хлопнуть посильнее, но даже это показалось Ирине солидным и внушающим доверие.

Она вышла на площадке шестого этажа. Ага, вот она, тридцать третья квартира! Тяжелая такая дверь, основательная, обита черной кожей... Сразу понятно становится, что за ней обитают люди небедные.

Ирина вздохнула и нажала на кнопку звонка. Дверь отворилась, навстречу повеяло прохладой. В первый момент она ничего не смогла рассмотреть. После яркого солнечного дня полумрак, царящий в квартире, показался ей чернее темной ночи. Как будто издалека слышалась тихая музыка, в которой слились и звуки флейты, и шум прибоя, накатывающего на берег, и странные, глухие удары, похожие на биение человеческого сердца.

Она стояла растерянная, беспомощно озираясь по сторонам, и совершенно не представляла себе, что делать дальше, как себя вести. Более того – она как будто выпала из настоящего, реального мира и оказалась в волшебной стране, где все было ново, незнакомо, таинственно, опасно – и вместе с тем неизъяснимо притягательно.

Когда глаза немного привыкли к полумраку, царящему в этой странной квартире, Ирина увидела, что перед ней стоит высокая, крупная женщина, одетая в длинное темное платье. Как она только подошла так тихо и незаметно? Или просто появилась, *возникла* из воздуха?

Едва взглянув ей в лицо, Ирина ахнула – колдунью она представляла себе именно такой! У этой женщины не было возраста. Ей могло быть и тридцать лет, и сорок, и пятьдесят... Видно было, что для нее это не имеет никакого значения. Длинные черные волосы свободно падали на плечи, а огромные глаза, кажется, заглядывали прямо в душу. Черно-красное одеяние, похожее не то на шелковый халат, не то на мантию, шелестело при каждом шаге. На пальцах поблескивали кольца причудливой формы с разноцветными камнями.

– Входи, женщина. Знаю, что привело тебя... Вижу твою печаль. Иди за мной.

Ирина сразу узнала голос – такой глубокий, грудной, мягкий и в то же время властный.

Пройдя длинным коридором, они оказались в просторной комнате, освещенной лишь неверным светом восковых свечей. Тонкие ароматические палочки испускали легкий,

странно пахнущий дымок. От него щекотало в носу и даже голова кружилась немного. На столе, покрытом черной тканью с вышитыми золотой ниткой диковинными узорами, Ирина разглядела множество странных предметов. Тут были и карты – не обычные, игральные, а с картинками! – и металлический треножник, и старинные книги в тисненых кожаных переплетах, и хрустальный шар, укрепленный в бронзовой подставке. Внутри него, в прозрачной глубине, вращался маленький огонек, словно испускающий голубые молнии. Они плясали, отбрасывая отсветы на стены, и от этого комната приобретала еще более странный, нереальный вид.

Колдунья уселась в массивное кресло с резными подлокотниками за столом и молча указала ей на стул с высокой спинкой. Ирина несмело опустилась на него, ожидая, что же будет дальше.

Под ногами прошмыгнуло гибкое пушистое тело. Она чуть не вскрикнула от неожиданности, но сдержалась – вовремя увидела, что это всего-навсего кошка. Правда, совершенно черная, потому она и не разглядела ее сразу, но у колдуньи другой и быть не могло!

Одним точным, ловким движением кошка запрыгнула на стол и села возле светильника, словно охраняя его. Сейчас она выглядела как египетская статуэтка. Глаза сверкали ярким изумрудным огнем, в каждом движении было столько грации и достоинства, что Ирина невольно залюбовалась ею. Все-таки недаром когда-то кошки были священными животными...

Ирина поерзала на неудобном стуле. Чувствовала она себя крайне неудобно, но колдунья, кажется, вовсе не обращала на нее внимания. Устремив взгляд куда-то в центр хрустального шара, она водила над ним рукой, что-то тихо приговаривая на непонятном языке. Затянувшееся молчание было тягостно, но и прерывать ее было как-то неудобно.

Наконец госпожа Альвина откинулась на спинку кресла, положив руки на резные подлокотники, и строго сказала:

– Ну что же, говори, с чем пришла. Вижу, что сердце твое болит о близком тебе человеке...

Ирина кивнула. Наверное, она и правда ясновидящая, если вот так, сразу узнала о цели визита, почувствовала, что так гнетет и мучает! Она заговорила быстро, почти захлебываясь словами:

– Мой муж... Понимаете, мы уже почти двадцать лет вместе, а теперь вдруг... Мы как-то отдаляемся друг от друга.

Альвина слушала ее, кивала, а сама тем временем принялась раскладывать на столе свои диковинные карты-картинки. Расклад был странный и сложный, руки летали, словно выкладывая загадочный прихотливый узор, где каждая картинка находится на своем, только ей предназначенном месте.

– Вот твой муж. – Палец с длинным ногтем, выкрашенным черным лаком, указал на карту с изображением бородатого мужчины.

На Витю он был совсем не похож, но на мгновение Ирине показалось, что она заметила что-то общее.

– Вижу возле него другую женщину.

Ирина почувствовала, что краснеет. То, что она так стыдилась произнести вслух, карты сказали сами!

– И беда у него над головой, большая беда...

В самом деле, над головой незадачливого короля легла карта с изображением скелета. «Интересно, почему только плохие предчувствия оправдываются?» – подумала Ирина. Оказывается, не зря она так переживает за Витю...

– А можно что-нибудь сделать? – тихо спросила она.

– Что ж тебе надо?

Колдунья заглянула ей в глаза, и под этим взглядом Ирина почувствовала себя беззащитной и как будто голой. Теперь она точно знала – эту женщину нельзя обмануть, для

нее не существует потаенных мыслей, и остается только одно – говорить правду, и только правду, как в американских фильмах про полицейских. А иначе – и приходиться не стоило.

– Хочу, чтобы он вернулся ко мне! И чтобы у нас с ним все было хорошо! – выпалила она.

Ну, вот и сказала. Сразу как-то легче стало. Ирина отерла капли пота, предательски выступившие над верхней губой.

– Что ж, мужа в дом вернуть – дело благое, – задумчиво протянула госпожа Альвина, – дети ведь есть у вас?

Она не спрашивала, а утверждала, будто точно знала ответ, но Ирина торопливо закивала:

– Да, да! Мальчик есть, сын. В этом году в институт поступает.

– Тем более. Сын без отца – плохо. – Она подумала и добавила: – Можно и соперницу извести – для верности. Только вещь ее нужна какая-нибудь.

Ирина вспомнила о сережке, которую до сих пор зачем-то таскала с собой в сумке. На секунду мелькнула совсем нехорошая, жестокая мысль. Эта женщина, что разрушила мир, который она так долго создавала день за днем, выстраивала по кирпичику... Пусть ей тоже будет плохо! Пусть она уйдет, исчезнет, пропадет без следа, эта тварь, которая лишила ее счастья и навлекла беду на ее мужа!

Она уже готова была крикнуть: «Да, хочу! Хочу, а там – будь что будет...» – но в последний момент опомнилась, и роковые слова замерли на губах. Какое право она имеет распоряжаться чужой жизнью? Кто знает, какая она на самом деле, эта самая соперница? Может быть, она не злая, а просто глупая? Уж пусть живет, только ее семью оставит в покое!

Ирина покачала головой:

– Нет, не надо. Я только хочу, чтобы Витя вернулся.

Ей показалось, что в темных глубоких глазах собеседницы мелькнуло что-то вроде сожаления, как у хищного зверя, упустившего добычу.

– Ну, как знаешь. Тебе решать – тебе и отвечать за все. Руку протяни.

Ирина вытянула вперед правую руку, не понимая еще, зачем это нужно. «Прямо как в поликлинике, когда анализ крови сдаешь...» – рассеянно подумала она.

На миг блеснуло острое лезвие, потом была боль, и по руке потекла теплая алая струйка. Колдунья быстро стерла ее куском белой ткани и принялась водить над ним руками, что-то шепча себе под нос. До Ирины донеслось только «чтоб не ел, не пил, не спал, не жил...». От этих слов веяло такой ледяной, запредельной жутью, что хотелось зажмуриться, заткнуть уши и бежать отсюда прочь без оглядки, но приходилось сдерживать себя. Надо, непременно надо вытерпеть все до конца!

Она сидела бледная, сжав губы и боясь шелохнуться. Только когда госпожа Альвина выдернула нитку из окрашенного ее кровью лоскутка, Ирина вздрогнула и чуть не закричала. На краткий миг все тело пронзила такая боль, словно это *из нее* тянут жилы, словно часть ее существа находится в этих сильных, безжалостных руках!

А колдунья тем временем вдела алую нить в большую иглу и принялась сшивать ею два белоснежных платка, все так же тихо нашептывая что-то. Слов Ирина уже не могла разобрать, но по мере того, как соединялись два куска ткани, она все больше чувствовала, что и они с Витей снова могут быть вместе. Боль отступала, и вместо нее приходило успокоение и безмятежность. Все будет хорошо, непременно... Не зря же она пришла сюда сегодня!

Закончив свою работу, Альвина протянула ей тугой тряпичный сверток. Сейчас ее голос звучал сухо, делово, как у начальника, дающего инструкции подчиненным:

– В лес пойдешь, зароешь под осиной. И непременно в полнолуние, смотри не перепутай! Три дня у тебя осталось. Будешь возвращаться – ни с кем не разговаривай, да иди так, чтобы тебя вовсе никто не увидел, иначе силу потеряет колдовство. Поняла?

Ирина кивнула. А колдунья продолжала:

– Сработает не сразу, на третье полнолуние. Тогда принесешь деньги, две тысячи.

– Две тысячи – чего? – робко переспросила она.

Экая непонятливая! Колдунья досадливо поморщилась:

– Долларов, конечно!

Ирина сразу сникла. Таких денег у нее самой не было. Витя, конечно, давал на хозяйство и покупал все, что нужно, даже подарки делал на день рождения или там на Восьмое марта, но она и понятия не имела, сколько он зарабатывает. Спросить об этом или потребовать чего-то большего ей никогда в голову не приходило. Как-то с самого начала повелось, что деньгами в семье распоряжается муж... Если попросить у него такую сумму, непременно спросит – на что? И что она ответит тогда?

Но отступать было уже некуда. Не скажешь ведь – ах, извините, я передумала! Ирина решила, что как-нибудь выкрутится. Если Витя снова станет ее Витей, она непременно сумеет его уговорить. В конце концов, совет что-нибудь, придумает... Ради такого дела – можно.

– Да, непременно принесу! Не сомневайтесь.

Она не узнала свой голос – таким чужим, слабым и хриплым он показался ей. На лице колдуньи отразилось удовлетворение.

– Хорошо. А теперь уходи. Да не забудь, что я говорила!

Ирина не помнила, как вышла из квартиры, как оказалась на улице. Голова кружилась, перед глазами все плыло и качалось, и ноги как будто сами несли ее прочь.

Потом она долго стояла во дворе у подъезда, смотрела на воркующих сизарей, на старушек на лавочке и пыталась понять – не приснилось ли ей все это? Колдунья, свечи, синие молнии в хрустальном шаре, нить, окрашенная ее собственной кровью... Было это или нет?

Лоб покрылся противной испариной. Ирина сунула руку в карман плаща, чтобы достать платок, но вместо него на свет божий показался маленький тряпичный сверток, крепко прошитый ярко-алой ниткой.

Значит, все правда... Несколько секунд Ирина смотрела на него, потом поспешила спрятать, словно боялась, что при свете дня колдовство утратит силу.

Она зачем-то оглянулась по сторонам, как будто опасаясь, что кто-то следит за ней, и медленно пошла к метро.

Госпожа Альвина (по паспорту ее звали Алевтина Петровна Ситникова, но в последние годы она сама предпочла об этом забыть и даже серьезно подумывала – не поменять ли документы?) опустилась в глубокое мягкое кресло и усталым движением стянула с головы черный парик с длинными локонами.

Несколько минут она просто сидела с закрытыми глазами, прокручивая в памяти разговор с клиенткой. Кажется, все в порядке, все как обычно... Как всегда, после сеанса она чувствовала себя усталой и опустошенной. Надо отдохнуть, прийти в себя, благо сегодня новых клиентов не предвидится.

Она выключила из розетки светильник-шар, так напугавший ее давешнюю посетительницу, раздвинула тяжелые шторы, впусив в комнату солнечный свет, и настежь открыла окно. Вся комната пропахла этими ароматическими палочками, будь они неладны... А что поделаешь – народ привык к стереотипному образу колдуньи, приходится соответствовать! Отсюда и парик, и грим, и весь колдовской реквизит. Если уж человек хочет быть обманутым, так почему бы не помочь ему в этом?

Альвина скинула черно-красный балахон, аккуратно сложила его и убрала в шкаф. Она надела любимый махровый халат, села к зеркалу и принялась тщательно снимать косметику.

Кошка подошла, замурлыкала и потерлась о ноги.

– Сейчас, Мара, сейчас, дам тебе поесть! Подожди немножко.

Она в последний раз провела по лицу ватным спонжиком, точными, привычными движениями «вбила» питательный крем кончиками пальцев. За внешностью надо следить, внешность – это капитал! Пусть она и не фотомодел, не актриса и не телеведущая, но все

равно... Это ведь только в рекламе газировки «имидж – ничто, жажда – все!», а ей приходится каждый день изображать целый моноспектакль для одного зрителя.

Бог ты мой, кто бы мог подумать, чем придется заниматься в жизни! Если бы лет двадцать пять назад юной Але Ситниковой кто-нибудь сказал, что она станет «работать ведьмой», да еще и неплохо зарабатывать этим, ни за что бы не поверила. Для нее, девочки из интеллигентной московской семьи, такое показалось бы просто сумасшествием. А ведь пойдешь ты...

Аля появилась на свет в начале шестидесятых. Тогда казалось, что еще чуть-чуть – и на одной шестой части суши наступит коммунизм, поэты собирали стадионы, шли горячие споры между «физиками» и «лириками»... Для ее родителей – ученых, всю жизнь рука об руку занимавшихся вопросами физики твердого тела, – рождение дочери явилось полной неожиданностью. Обоим тогда уже перевалило за сорок, они вовсе не думали о потомстве – и вдруг такой сюрприз от матери-природы!

Воспитывали ее в строгости. Маленькая Аля скоро усвоила, что, пока папа и мама заняты, беспокоить их нельзя ни в коем случае, а лучше тихонько посидеть в уголке и заняться своими игрушками. По правде говоря, это было ужасно скучно – куклы, кубики... Зато когда девочка научилась читать – словно новый мир открылся перед ней! Проблем у родителей больше не было, не нужно было беспокоиться, что дочка шалит или скучает. Лучшими Алиными друзьями стали книги. Больше всего Аля любила не сказки или слезливые истории о любви, а научную фантастику и приключения. Затаив дыхание следила она за похождениями героев, заброшенных в джунгли Амазонки, в пустыни, а то и вовсе в просторы космоса... Очень интересно было думать о том, что ей предстоит жить в новой эпохе, когда научно-технический прогресс поможет человеку преодолевать огромные расстояния и, может быть, даже путешествовать во времени и летать на другие планеты!

В школе Аля была круглой отличницей, но всегда держалась особняком. Угловатая, ширококостная, не по годам серьезная девочка чуралась игр своих ровесниц. Она без труда решала самые сложные задачи по математике из учебников для старших классов, а чуть позже взялась за вузовские. Никто не сомневался, что Але прямая дорога в науку. Учителя умилялись: «Такая девочка!» – а одноклассницы презрительно фыркали. Что ж ей еще остается, с такой-то внешностью?

Но Але было все равно. Нарядные платья, туфельки, бантики, тетрадки-«песенники», куда девочки старательно переписывали любимые стихи, шушуканья по углам: «Он так на меня посмотрел!» – все это было не для нее. Мир чисел, формул и чистой логики, к которой не примешиваются глупые человеческие чувства, – вот что привлекало ее больше всего. Когда другие девочки уже ходили на танцы, она упорно сидела над учебниками. Мама с папой просто нарадоваться не могли на дочку.

В институт Аля поступила без проблем. На физико-математическом факультете численный перевес молодых людей был значительный, но даже здесь она не пользовалась успехом. «Алька – свой парень!» – говорили однокурсники и бегали на свидания к девочкам с филфака.

Институт она закончила с красным дипломом. Правда, в аспирантуру не попала – пропихнули сына «нужного» человека, а ей досталась должность младшего научного сотрудника в отраслевом НИИ с окладом в сто пятнадцать рублей. Ну, не в школу же идти, преподавать оболтусам таблицу умножения!

Поначалу Аля еще тешила себя иллюзиями, что еще год, два – и она пробьется, напишет диссертацию, ее карьера в науке состоится, и тогда... Аля прилежно собирала материал для научной работы. Но время шло, а в жизни ничто не менялось. Все ее попытки словно разбивались о невидимую стену. Приходилось тянуть постылую лямку на службе, являться ровно к девяти и целый день тратить на написание никому не нужных планов и отчетов. Поначалу она пыталась сблизиться с сослуживцами, но почему-то они сторонились ее. Семейные дамы бегали по магазинам, а потом бесконечно пили чай, обмениваясь свежими новостями о том, в каком гастрономе «выбросили» мороженных кур и зеленый

горошек, а молодые сотрудники большую часть времени проводили в буфете или в курилке, флиртовали друг с другом, сплетничали, девушки примеряли новые кофточки и сапоги... Аля и здесь пришлось не ко двору.

Только раз это сонное болото всколыхнуло чрезвычайное событие – один из коллег, тихий и скромный Николай Андреевич Павлов, вдруг оказался под следствием! Это было как гром среди ясного неба, и, когда за ним явилась милиция, даже председатель месткома Дора Семеновна, язвительная дама с визгливым голосом и крашенными хной волосами, долго пыталась втолковать двум молоденьким лейтенантам, что произошла ошибка, этого просто не может быть! Такой приличный человек никак не может оказаться преступником.

Институт гудел, как потревоженный улей. Историю коллеги обсуждали все – от начальников отделов до лаборанток. Только потом вспомнилась одна странность – каждый год в августе Николай Андреевич отпрашивался с работы раньше времени, брал «библиотечные дни», отгулы, бюллетенил, а при малейшей возможности – уходил в отпуск. Разумеется, нет ничего удивительного в том, что человеку хочется отдохнуть летом, но из Москвы он никогда не уезжал! Начальству объяснил что-то о тяжело больной дальней родственнице, за которой необходимо ухаживать, чтобы дать отдохнуть ее семье хоть немного и отправить к морю племянника с матерью. Даже руководство входило в положение – все остальное время Николай Андреевич был исполнительным и безотказным сотрудником.

Оказалось, что никакой тетушки у него никогда не было. Зато его регулярно видели возле самых престижных в стране высших учебных заведений – как раз когда там шли приемные экзамены и у дверей толпились взволнованные абитуриенты и их родители. Он подходил к тем мамам и папам, кто казался ему подходящими (то есть достаточно обеспеченными), и деликатно отводил в сторонку «на два слова».

Николай Андреевич заводил разговор о том, сколько стало «блатных» и как трудно талантливым мальчику или девочке (да, да, таким, как ваши!) поступить в институт без протекции. Родители кивали – все верно, такая трудная жизнь пошла, просто невозможно! И Николай Андреевич осторожно переводил разговор в нужное русло – представлялся сотрудником приемной комиссии и предлагал сделку – он со своей стороны делает все возможное, чтобы их чадо оказалось в числе студентов, но это будет стоить немалых денег. Сумма была для советского человека заоблачная и равнялась почти половине «жигулей». Павлов мелочиться не любил. Но чего не сделаешь ради ненаглядного дитяти, особенно если впереди маячит призрак армии! К тому же Николай Андреевич казался таким милым, надежным человеком... Денег он никогда не брал сразу, даже если предлагали.

– Только после зачисления. Если хотите, это мой принцип. Не хочу, чтобы вы превратно меня поняли, но... В этой жизни все может случиться. Что вы, что вы, мы же интеллигентные люди, я вам доверяю!

А дальше все шло своим чередом. Если после окончания экзаменов абитуриент видел свою фамилию в списках поступивших, то родители, ошарашенные счастьем, выкладывали требуемую сумму без колебаний, а если нет – милейший Николай Андреевич только беспомощно разводил руками:

– Я сделал все, что мог, но, в конце концов, мы не боги! Звонили сверху, – тут он обычно делал значительное лицо и указывал пальцем куда-то на потолок, – в этом году поступал племянник такого человека! Разумеется, я не могу назвать фамилию, вы же меня понимаете... Но были даны четкие указания.

Все шло хорошо, и Николай Андреевич благоденствовал – до тех пор, пока не случилось досадное недоразумение. Надо же было такому случиться, что в числе абитуриентов оказались полные тезки! Деньги Павлов взял с одного, а поступил другой. Отец несостоявшегося студента оказался человеком вспыльчивым и злопамятным, не стал слушать никаких объяснений и накатал заявление в милицию.

Тогда разразился настоящий скандал. Всем пришлось идти в свидетели. Николай Андреевич до суда находился под подпиской о невыезде и даже ходил на службу, но

директор НИИ вызвал его к себе и потребовал подать заявление «по собственному желанию». Пришлось подчиниться, и, когда он уходил, Аля запомнила его сутулую спину, опущенные плечи и затравленный взгляд. Жалко было человека, конечно, но подойти она не посмела. Еще остальные подумают что-нибудь не то...

На суде Павлов больше всего упирал на то, что в приемной комиссии не состоял, а потому никакого влияния на поступление абитуриента не мог оказать при всем желании. Правда, ему это не особенно помогло – отец несостоявшегося студента действительно был человеком влиятельным, Николай Андреевич получил три года за мошенничество и отправился в колонию общего режима.

Этот случай Альвина вспомнила много позже, в начале девяностых, когда в институте пошли сплошные сокращения. Она тоже оказалась без работы, а деньги были нужны, нужны отчаянно – родители начали прихварывать, все-таки возраст сказывается, а бесплатная медицина постепенно стала отодвигаться в прошлое. Сжав зубы, Аля старалась заработать всеми возможными и невозможными способами, но почему-то у нее упорно ничего не выходило. Она пробовала торговать турецкими шмотками на рынке – и тут же налетела на недостачу. Пришлось почти три месяца отрабатывать стоимость той проклятой кожаной куртки, будь она неладна... Хозяин понемногу вычитал из зарплаты, и, когда Аля смогла, наконец, уйти, она впервые вздохнула с облегчением и с тех пор десятой дорогой обходила любые рынки.

Потом еще было много всякого... Пыталась заняться распространением гербалайфа, чудодейственной косметики «Вечная молодость» (до сих пор где-то в кладовке валяются коробки с нереализованным товаром, надо бы выбросить!), выгуливала чужих собак и даже полы мыла в супермаркете. Специально ездила на другой конец города, чтобы не встретить никого из знакомых – очень уж стыдно было. Зато там, по крайней мере, зарплату выплачивали регулярно...

Это время она особенно не любила вспоминать. От непривычной тяжелой работы ломило поясницу, ноги стали опухать, руки потрескались, в зеркало на себя было страшно смотреть. Но еще хуже было другое – постоянное чувство униженности и безысходности. Неужели она для того заканчивала институт и писала диссертацию, чтобы стать уборщицей? Аля даже плакала украдкой. Родителям она вралась, что трудится в научной библиотеке, помогает разбирать старые книги, и – вот беда! – страдает жуткой аллергией на бумажную пыль. Отец бормотал что-то вроде «в науку легких путей не бывает», а мама кивала, сочувствовала, но по глазам Аля видела, что она ни на грош ей не верит.

А денег все равно не хватало. В тот день, когда отец, выйдя утром из ванной, вдруг как-то странно захрипел, схватился за грудь и медленно осел на пол, Аля оказалась совсем без гроша. Зарплату должны были выплатить только послезавтра. Она потом еще долго будет корить себя за то, что, если бы сунула в карман врачу «скорой» несколько приятно хрустящих бумажек, все могло сложиться по-другому...

Но все случилось как случилось – врач с привычно хмурым лицом сделал какой-то укол и посоветовал завтра сходить в поликлинику, Аля убежала на работу, а уже к вечеру папы не стало. Ненадолго пережила его и мама. После смерти мужа она как-то разом утратила интерес ко всему, шмыгала по дому, словно испуганная мышка, жаловалась на высокое давление и часто говорила о том, что ужасно боится стать беспомощным инвалидом и быть кому-то в тягость. Однажды, серым осенним утром, Аля застала ее в постели уже мертвой. Лицо мамы было таким гладким и спокойным, словно она радовалась, что все кончилось именно так...

Похоронив родителей, Аля почувствовала себя совершенно растерянной и одинокой. Она продолжала вставать по утрам, ходить на работу, прибираться в квартире, готовить, но как-то механически, по привычке, словно заведенный автомат. Кому это теперь нужно?

Тяжелее всего было по ночам. В то время Аля часто мучилась бессонницей, ныли руки, ноги, и мысли приходили тягостные, безнадежные. Она снова и снова спрашивала себя, за что судьба обошлась с ней так несправедливо, – и не находила ответа. Всегда, с самого

детства, она старалась жить *правильно* — учиться, работать, заботиться о близких, не воровать и не лгать, не вступать в сомнительные предприятия... И что в результате? «В сухом остатке», как говорил институтский преподаватель Вилен Карпович. Годы идут, ей давно перевалило за тридцать, для любой женщины возраст — не шутка, а что у нее есть? Да ничего! Ни семьи, ни хорошей работы, профессия оказалась не востребована, денег нет и, похоже, не будет никогда, а вперед и вовсе лучше не заглядывать.

Больше всего ненавистно было именно безденежье — то унижительное состояние, когда в магазине приходится рассчитывать все до копейки, чтобы уложиться в отведенную сумму, а в конце каждого месяца ломать голову, чем заплатить за квартиру. К тому же примешивалось чувство вины перед родителями — ведь будь у нее деньги, они могли быть живы до сих пор! Пусть в семье особенно теплых отношений не было никогда, но все-таки родные люди, и без них стало совсем пусто и одиноко... Неужели теперь вся жизнь пройдет вот так — серо, скучно, в чередке похожих друг на друга унылых дней, в немилой работе ради скудного заработка?

Даже сейчас, спустя много лет, вспоминать эти времена было неприятно. Альвина еще раз посмотрела на себя в зеркало, отметила, что возле глаз снова появились маленькие морщинки, пора бы сходить к косметологу, а то и на курорт махнуть... Хорошо, что сейчас ей стали доступны услуги самых лучших специалистов, а прошлое — это всего лишь прошлое.

С пола снова донеслось требовательное «мяу!».

— Ну ладно тебе, видишь — уже иду!

Альвина ласково потрепала кошку по спине.

Мара — это, пожалуй, единственное близкое ей существо на свете! Кстати, с нее-то все и началось...

Однажды промозглым и холодным днем Аля возвращалась с работы совершенно разбитая. Думала она о том, что завтра опять вставать ни свет ни заря, о том, что деньги на исходе, а зарплата будет только через неделю, что в квартире гуляют сквозняки и давно пора заклеивать окна к зиме, да что там окна — ремонт надо делать, но денег нет и не предвидится... Проклятая нищета!

Она как раз собиралась свернуть к ларьку, чтобы купить хлеба, когда прямо над ухом услышала тоненький детский голосок:

— Тетенька, возьмите котеночка!

Аля обернулась. Перед ней стояла рыженькая девочка лет десяти, вся в веснушках. Она прижимала к груди картонную коробку, из которой выглядывала угольно-черная мордочка. Изумрудно-зеленые глазки котенка смотрели на мир с любопытством и настороженностью, Аля даже чуть замедлила шаг... Она замешкалась всего на несколько секунд, но этого оказалось достаточно.

— Тетенька, возьмите! Ну, пожалуйста, а то мама его оставить не разрешает...

В глазах девчушки была такая мольба, что Аля не выдержала. Через несколько минут она уже спешила домой по улице, осторожно придерживая притаившегося за пазухой несмышленища. Зачем ей котенок — она и сама не знала, просто, может быть, впервые в жизни действовала под влиянием порыва. Но ведь не бросать же его теперь под дождем!

У подъезда на лавочке сидела Прасковья Федоровна — аккуратная старушка в потертой серой кофте и платке в горошек. Аля помнила ее с тех пор, как была маленькой девочкой, и за все эти годы соседка, кажется, ничуть не изменилась — так же все про всех знала, поучала и сплетничала, отпускала язвительные замечания по адресу загулявших мужей или не по средствам одевающихся девушек... Горе каждому, кто попадется ей на язык!

Увидев Алю с котенком на руках, она неодобрительно покачала головой:

— Не дело ты, девка, задумала — кошку притащила! Будет теперь гадить повсюду, вонь пойдет...

Алевтина не отвечала, спешила скорее пройти в подъезд и избавиться от чужих непрошенных советов, но, как назло, открыть тяжелую дверь одной рукой у нее никак не

получалось.

А словоохотливая старушка все не унималась:

– Да еще черная! Не к добру это, примета плохая. Беду принесет, вот увидишь! У нас в деревне колдовка жила, все ее боялись, так у нее тоже кошка черная была.

– Кто? – зачем-то переспросила Аля.

– Ну, колдунья, – охотно отозвалась соседка, – когда лечила, когда детям грыжу заговаривала, когда мужиков от пьянства отшептывала, а могла и порчу навести. Девки к ней бегали, если хотели парней приворожить... Одно слово – ведьма!

Проклятая дверь, наконец, распахнулась. Аля пробормотала нечто невразумительное и поспешила скрыться в подъезде. Дома она наскоро поужинала, подсадовав про себя, что хлеба так и не купила, накормила котенка (хорошо еще, что хоть пакет молока оказался в холодильнике на полочке!) и легла в постель. Сытый звереныш, разомлевший от еды и тепла, мигом запрыгнул на кровать, устроился у нее под боком, свернулся в клубочек и довольно замурлыкал. В первый момент она хотела было возмутиться и согнать нахала прочь, но потом передумала. Жалко стало.

В ту ночь Аля опять долго не могла заснуть. Она пыталась считать слонов, представлять себе море, накатывающее волны на берег, проговаривать фразы из аутогенной тренировки («Мои руки теплые и тяжелые... мои глаза закрываются... я чувствую себя спокойно...»), но ничто не помогало. Привычные мысли вертелись в голове, словно заезженная пластинка, – денег нет, перспектив никаких, выхода не видно... Черт, что делать, а? Какое уж тут спокойствие!

Наконец она начала было проваливаться в долгожданную дремоту, когда ей показалось, что рядом кто-то произнес слово «ведьма». Четко так, прямо над ухом.

Аля вздрогнула всем телом, как от удара.

– Кто здесь? – спросила она, но ответа не услышала. Только переливалась вода в трубах центрального отопления, да еще совсем рядом слышался какой-то странный стук... Как будто кто-то просится войти. От этого стало страшно, даже пот прошиб.

Она встала с постели, включила свет, огляделась вокруг, но в квартире никого не было. Котенок уютно посапывал, обернувшись собственным хвостом, хлопала под ветром приоткрытая форточка... Аля попыталась сосредоточиться и старательно, по минутам воссоздать в памяти события прошедшего дня, вспомнила, что сказала ей Прасковья Федоровна у подъезда, – и чуть не рассмеялась. Вот уж сама от себя не ожидала, что окажется такой впечатлительной!

И сон пропал совсем... Случайно брошенное соседкой слово упорно крутилось в голове. Аля, воспитанная в сугубо материалистическом духе, в колдовство, конечно, не верила. Когда она видела в газетах и по телевизору рекламу вроде «госпожа Мария, почетная потомственная целительница, приворожит любимого навсегда, вылечит рак, СПИД и геморрой по фотографии, обеспечит удачу в бизнесе и устранение конкурентов», то всегда презрительно улыбалась, искренне недоумевая про себя – находятся же темные люди, готовые выбросить свои деньги на каких-то шарлатанов!

А теперь впервые в жизни задумалась – ведь и вправду находятся, и немало... И что, если это и есть ее шанс? Если только по-умному себя повести, аккуратно, не зарываться.

В самом деле – ради исполнения своих желаний люди готовы пойти на что угодно, последнее отдать каждому, кто только посулит, поманит маленькой призрачной надеждой... Как когда-то родители абитуриентов с радостью отдавали деньги тихому, вежливому Николаю Андреевичу – только за то, что он обещал свою помощь. Если бы не досадная случайность, погубившая его, – пожалуй, до сих пор мог бы продолжать свою деятельность!

Аля подумала о бывшем сослуживце – и чуть не подскочила на месте от радости. Вот уж кто действительно сумел применить теорию вероятности на практике! Абитуриент *может* поступить в институт – а может провалиться. Точно так же загулявший муж *может* вернуться к покинутой половине, больной *может* выздороветь, человек *может* найти хорошую работу, повернуть выгодную сделку... С определенной вероятностью может

произойти все что угодно – от дождя до падения метеорита. Все дело только в том, *насколько* это возможно!

Так почему бы не воспользоваться этим?

Аля не могла дожидаться, пока наступит утро. На следующий день она уволилась с ненавистой работы, отнесла в ломбард брошь с аметистом – единственную мамину драгоценность, доставшуюся ей по наследству, – и принялась за осуществление своего плана.

К новой задаче она отнеслась ответственно и серьезно – впрочем, как и ко всему, что делала в жизни. Сначала Аля накупила кучу книг по оккультизму, благо в те времена подобные издания уже продавались на каждом лотке. Большинство из них содержали откровенно бредовые измышления, но иногда попадались интересные и полезные сведения. Теперь она, по крайней мере, знала, как должна выглядеть настоящая колдунья в глазах обывателя, придумала себе новый имидж, новое имя, знала, какие слова нужно говорить... Пришлось подумать и о рекламе – Альвина опубликовала объявление в газете. Маленькое, в самом низу страницы, на большее денег не хватило, но она почему-то была твердо уверена, что дело пойдет.

Так и вышло. Первую клиентку Альвина запомнила надолго – молоденькая девушка пришла спросить о своем женихе, воюющем в одной из горячих точек.

– Он жив? Ну, скажите, он жив, он вернется? – бесконечно спрашивала она. – Писем нет уже три месяца, но ведь всякое бывает, правда? Может, он в плену или ранен... Я б сама за ним поехала, нашла, выходила, только бы знать, что жив!

Ее глаза полыхали такой отчаянной, сумасшедшей надеждой, что Альвина, не выдержав, отводила взгляд и принималась прилежно всматриваться в стеклянный шар, купленный накануне в магазине «Твоя тайна». «Принесло же на мою голову эту Медею из Южного Бутова, – думала она, – еще и правда сотворит что-нибудь...»

Девушке она нарочно дала сложное задание – пойти ночью в заброшенную церковь, оставить на алтаре восковую фигурку возлюбленного и прочитать десять раз, ни разу не сбившись, молитву «Живый в памяти вышнего».

Через месяц девчонка прибежала радостная, с цветами, и Альвина даже удивилась – какая она, оказывается, хорошенькая! Тогда выглядела гадким утенком, тощим заморышем в веснушках, с жидкими волосами и длинным носом, а теперь – просто королева. Даже дешевая одежда – вытертые джинсики, из которых она как будто выросла, куртка на рыбьем меху и аляповато-яркая маечка – вовсе не портила ее, наоборот, непонятным образом подчеркивала красоту и юную хрупкость. Она захлеб рассказывала, что ее ненаглядный Коля вернулся из Чечни живой и целый, потом, как будто вспомнив что-то важное, выложила на стол пухлый нарядный конверт, в каких обычно отправляют поздравительные открытки.

В первый раз Альвине как-то неловко было брать деньги (сказывается все-таки интеллигентское воспитание!). Сразу было видно, что клиентка в роскоши не купается, и, судя по всему, деньги эти – последние. Будто уловив ее колебание, девушка посмотрела ей в глаза и очень серьезно сказала:

– Вы для нас как мать теперь. За такое – ничего не жалко!

Альвина недовольно повела плечами. Стать приемной мамашей для парочки молодых идиотов ей вовсе не улыбалось, зато начало было положено!

Потом работа стала рутиной. Каждый день одно и то же – приходят клиенты (в основном, конечно, женщины!) со своими проблемами, смотрят жалкими, молящими глазами, надеются на чудо... Для нее они все – бедные и богатые, те, что приезжают на собственных сверкающих иномарках и небрежно швыряют пачки денег на стол, и скромно одетые, что достают из кошелька заветные отложенные купюры, – давно уже стали на одно лицо. Несчастье уравнивает всех, а с радости к колдуньям не ходят.

Со временем выработался и собственный стиль поведения. Главное – держаться с достоинством и сразу дать понять посетительнице, кто здесь главный. Нужна атмосфера

таинственности, общие, обтекаемые фразы, потом – какой-нибудь обряд (описания Альвина обычно находила в книгах, а последнее время – в Интернете, благо ресурсы его почти безграничны), а дальше клиенту дается задание, которое он непременно должен выполнить сам. И желательно – посложнее, позаковыристее, чтобы в случае неудачи было на кого спихнуть ответственность. Денег она запрашивала довольно много, но никогда не брала сразу, даже если предлагали и чуть не силой пробовали всучить. «Только после достижения результата!» Этого принципа Альвина придерживалась твердо. Однажды девица, пришедшая за приворотом для своего кавалера, осмелилась спросить: а что, мол, будет, если не заплачу? Альвина не удостоила ее ответом, только презрительно хмыкнула. Мол, глупая ты, кто же с ведьмой ссорится?

Случалось, что после первого визита клиентки исчезали навсегда. Альвина относилась к этому философски – что поделаешь, издержки профессии! Процент тех, кому колдовство помогало, все равно оказывался намного выше. Альвина даже сама удивлялась. Она не питала никаких иллюзий относительно своих способностей и, даже творя заклинания, оставалась здоровым человеком с рационалистическим складом мышления. То, что теория вероятности работает в основном в ее пользу, казалось просто приятным сюрпризом. Бывают ведь монеты, которые при подбрасывании десять раз подряд ложатся «орлом» вверх!

Правда, пару раз приходили разгневанные, недовольные, но с ними разговор был короткий. Не сделали что нужно, значит, сами и виноваты!

Зато сколько раз ей приносили сумму, намного превышающую запрошенный гонорар, называли благодетельницей и ангелом, чуть ли не руки целовали! Поначалу было очень лестно, потом Альвина перестала обращать на это внимание. В конце концов, какая разница? Лишь бы платили вовремя.

Телефон Альвины благодарные клиентки передавали друг другу, как передают координаты хороших гинекологов, стоматологов, косметичек и психоаналитиков. Рекламу в газетах уже можно было и не давать, но она все же иногда публиковала объявления – скорее по привычке. Постепенно появилась кое-какая известность, а вместе с ней – и деньги. Теперь стало можно ни в чем себе не отказывать. Альвина даже подумывала о том, чтобы купить новую квартиру, но потом решила этого не делать. Переезжать из старого, обжитого района ей вовсе не хотелось, и с новостройками нередко проблемы возникают... То недоделки, то трещины, то с документами что-нибудь не так, а в последние годы и вовсе участились случаи, когда люди, вложившие свои деньги, остаются ни с чем, чтобы потом митинговать где-нибудь возле Дома правительства. Так что от добра добра не ищут, ей-то грех жаловаться! Квартира просторная, дом старый, капитальный, на совесть построенный, сто лет еще простоит. Альвина ограничилась тем, что сделала хороший ремонт, в бывшей родительской спальне оборудовала свой рабочий кабинет с «магическими» атрибутами и старыми книгами, которые она теперь усердно скупала в антикварных магазинах. Хотя она и не имела ни малейшего понятия, что там написано, но выглядели раритеты куда как солидно.

Жизнь текла размеренно и спокойно. О том, чтобы завести собственную семью, Альвина даже не помышляла. В самом деле, зачем? Гораздо легче и приятнее быть самой себе хозяйкой, чем подстраиваться под другого человека. Наслушавшись горестных историй о чужих проблемах, она иногда недоумевала – почему женщины вообще так хотят любви, семьи, рожают детей? Чтобы потом страдать из-за мужа-гулены или сына-оболтуса?

Вот и сегодня пришла еще одна глупая курица, которая искренне полагает, что вернуть блудливого отца семейства к домашнему очагу – самая главная задача для потусторонних сил и самого Господа Бога! Есть Он там или нет на самом деле – большой вопрос, но если даже есть, вряд ли стал бы заниматься такой мелочовкой.

Но тут уж, как говорится, клиент всегда прав... Альвина как раз вчера нашла в Интернете новый ритуал, выложенный на сайте darkness.ru, и решила опробовать его на очередной посетительнице. А почему бы и нет, в конце концов? Пусть побегает по лесу, оторвется от сериалов по телевизору, котлет, борщей и пылесоса!

Кажется, кошке надоело терпеливо дожидаться обеда. Одним точным, упругим

движением она запрыгнула к хозяйке на колени, ткнулась головой в ладонь и призывно заурчала.

– Ладно, киска, пойдем! Ты права, засиделась я что-то сегодня, задумалась, – приговаривала Альвина, поглаживая гладкую черную шерсть, – пора обедать.

Она встала и отправилась на кухню. Кошку действительно пора покормить. В конце концов, Мара исправно «работает реквизитом» и не даром лопает свой «Вискас». Альвина высыпала в миску хрустящие кусочки из пакета, и Мара, жадно урча, принялась за еду.

Себе она приготовила легкий ужин – сандвич с салатом и кусочком нежирной курятины, добавила чуть-чуть сливочного соуса, налила в высокий стакан густой томатный сок и уж совсем было собралась сесть к столу, но в этот момент произошло досадное маленькое происшествие, которое выбило ее из привычной колеи.

Пододвигая к себе тарелку, Альвина неловко задела стакан с томатным соком, он упал и со звоном разлетелся на мелкие осколки. Она вскрикнула от неожиданности и застыла на месте, глядя, как на безукоризненно чистом полу, выложенном плиткой «под мрамор», растекается большое алое пятно. «Будто кровь», – рассеянно подумала она.

Какое-то странное, тревожное чувство сдавило сердце. На миг ей показалось, что в ее жизни вот-вот произойдет что-то страшное, нелепое, не укладывающееся в привычные рамки логики.

И она была совершенно права.

Два дня перед первомайскими праздниками Ирина провела в каком-то странном, лихорадочном напряжении. Она почти не замечала ничего вокруг, и даже то, что Витя снова пришел за полночь, уже не так взволновало ее.

Думала она только об одном – как выполнить то, что наказала ей колдунья? Тряпичный сверточек, запятнанный ее собственной кровью, надежно спрятан в самом дальнем ящике комода, но Ирина понимала, что он ни в коем случае не должен оставаться в доме слишком долго. Она просто кожей чувствовала исходящую от него опасность.

Ночью пойти в лес, зарыть под осиной... Легко сказать! Она же городской житель, и в поход ходила в последний раз на первом курсе института. Конечно, в Москве есть какие-то парки, зоны отдыха, но до ближайшего лесопарка – три остановки на метро, да и страшно туда идти. И потом, раз уж нужен именно лес, вряд ли рукотворные чахлые посадки могут послужить полноценной заменой.

Задача казалась неразрешимой, а времени оставалось все меньше и меньше... Ирина совсем было приуныла, когда ее, наконец, осенила идея.

Она мыла посуду на кухне и, чтобы не было скучно, включила маленький телевизор. На экране шел какой-то сериал. Герои громко пререкались, кому достанется дача после смерти бабушки, и две молодые симпатичные женщины, кажется, уже готовы были вцепиться друг другу в волосы. Ирина потянулась было за пультом, чтобы переключить канал на что-нибудь поинтереснее... И в этот момент ее осенило.

Дача! Ну конечно! Как же она сразу не догадалась! Они с Витей всегда мечтали о загородном доме – точнее, она мечтала. Когда Толик был совсем маленький, снимали домик в ближнем Подмоскowie на все лето. Ребенка надо было вывозить на природу – не сидеть же ему, бедному, в пыльной и душной Москве? Конечно, тяжело с малышом без удобств, когда за водой надо ходить на колодец, а до ближайшего магазина почти три километра, но Ирина впрягалась в тяжелую работу – стирала, готовила, убирала, даже успевала обихаживать мужа, когда он приезжал на выходные. И радостно было слышать утром под окнами пение петуха, а не сигналы автомобилей, вдыхать воздух, не отравленный городским бензиновым запахом и бог знает чем еще, а картошка с огорода и парное молоко казались гораздо вкуснее любых деликатесов. Каждый раз Ирина возвращалась в Москву с некоторым сожалением и принималась мечтать – вот если был бы свой дом, собственный!

Потом, когда появились деньги, она уговорила мужа купить участок. Строились несколько лет, зато дом получился – просто загляденье! Каждый год она сажала цветы,

украшала дом нарядными занавесками и половичками, варила варенье... Даже Витя как-то привык, приезжал туда с удовольствием и приглашал гостей на шашлыки.

Пожалуй, это время было самым счастливым. Вспомнив их посиделки за чаем на веранде, Ирина чуть не заплакала. Тогда они были счастливы и в жизни было все, что нужно: любовь, достаток, уютный дом, сын подрастал – здоровый, веселый, умный мальчик... Казалось, все складывается очень удачно и впереди – только хорошее.

В последние годы Виктор как-то охладел к прелестям загородного летнего житья, даже ворчал что-то насчет «дачной каторги» и поговаривал о том, что дом стоило бы продать. Ирина согласно кивала, как всегда, – она привыкла, что всеми делами занимается муж, что он всегда прав и больше нее понимает, но в душе что-то упорно противилось такому решению. Дачу она любила и всегда охотно ездила туда. Отдохнуть от шума и суеты, просыпаться под пение птиц, подышать свежим воздухом – ну разве это не счастье? А еще можно в свое удовольствие покопаться в земле, высаживая тюльпаны и нарциссы под окнами, а потом смотреть, как пробиваются ростки по весне, как раскрываются тугие бутоны, являя миру великолепие цветка, и вечером стоит нежный, сладкий запах...

Но сейчас важно другое – к дачному поселку вплотную подступает лес. И не какой-нибудь, а настоящий, старый, с раскидистыми деревьями... Там и осина растет, это точно! Ирина вспомнила, как когда-то на поляне, куда они обычно ходили с друзьями жарить шашлыки, если хотелось побыть поближе к природе, показывала маленькому Толику тонкое деревце с распускающимися на ветках сережками. Ему надо было выполнить задание по природоведению.

Ирина сполоснула последнюю тарелку горячей водой, аккуратно поставила ее на сушилку и вытерла руки полотенцем. Она улыбалась. На душе сразу стало легко и спокойно. Теперь она знала, что делать!

Первого мая с самого утра зарядил противный холодный дождь. Кажется, кто-то там, наверху, перепутал времена года – будто не май на дворе, а октябрь! О том, чтобы выйти на улицу, даже думать было неприятно, но Ирина ощущала особое лихорадочное возбуждение, своеобразный кураж. Так, наверное, чувствует себя спортсмен перед соревнованиями, артист перед ответственным выступлением или вор, когда идет «на дело».

Наскоро покормив семью завтраком, она сразу же ушла в спальню и начала собираться. Первым делом извлекла из недр шкафа маленький тряпичный сверточек, пропитанный ее кровью, и спрятала в сумку. Нарочно постаралась засунуть подальше, в потайной кармашек на «молнии». Прикосновение к нему было неприятно, даже отдавалось болью в груди, там, где сердце, но Ирина старательно успокаивала себя. Ничего, ничего, совсем немного осталось. Сегодня все кончится, осталось только одно, последнее усилие, а дальше... Дальше все будет хорошо, непременно!

Оставалось только одеться. Ирина натянула через голову старый вязаный свитер с оленями и отыскала в шкафу потертые «дачные» джинсы. «Молния» застегнулась не без труда. Ирина подошла к большому зеркалу и со вздохом посмотрела на свое отражение. Бедра стали тяжелые, шеи совсем не видно, а про талию лучше вообще не вспоминать... Просто колобок какой-то! Смешная тетушка в нелепой одежде.

А главное – сама во всем виновата. Сколько раз она сокрушенно вздыхала, вставая на весы? Сколько раз давала зарок «начать новую жизнь» – заняться спортом, пойти в бассейн, начать бегать по утрам, вместо любимых пирожных перейти на свежавыжатые фруктовые соки? Силы воли хватало дня на три от силы, а потом все возвращается на круги своя – сначала лень, потом неохота, потом «только один разочек!», а потом – «да ну, мне и так хорошо». Можно забыть, где у тебя была талия, и мирно упокоиться на диване.

А ведь когда-то Ирочка Уварова была тоненькой девочкой с русой косой и ярко-синими глазами и считалась самой хорошенькой на курсе, и мальчики за ней ухаживали... Витька, помнится, даже подрался с Сашкой Мамонтовым, который пригласил ее танцевать на дискотеке и слишком сильно прижимался во время медленного танца. Пока

они мутузили друг друга, она бегала вокруг и кричала «Прекратите немедленно!», даже пыталась разнять, но куда там! А где-то в глубине души было очень лестно, что парни дерутся из-за нее. Ирочка ни за что бы в этом не призналась, но все же гордилась собой.

Давно это было.

Ирина вздохнула и печально улыбнулась своему отражению. Что ж, ничего не поделаешь, время идет, и все мы не молодеем... Хотя, к примеру, Светка, которая в институте в красавицах не числилась, с годами только расцвела! Косметика, прическа, хорошая одежда и занятия в спортзале иногда просто чудеса творят.

Неприятно кольнула мысль – а может, если бы она выглядела по-другому, не распускалась, не замкнулась в четырех стенах «квартирного» мирка, умела заботиться о себе, чтобы оставаться привлекательной, то все сложилось бы по-другому? Витя не искал бы приключений на стороне, и ей не пришлось бы сейчас делать то, что она собирается сделать... Может быть, она *сама* сделала так, что ее жизнь пришла к закономерному в общем-то итогу?

Думать об этом было неприятно. Ирина кинула последний взгляд в зеркало, взяла свою сумку и вышла в гостиную. Виктор сидел на диване перед телевизором с газетой в руках. Увидев ее, он удивленно поднял брови.

– Ты куда это собралась? В магазин, что ли?

– Н-нет, не в магазин...

Она долго готовилась к этому разговору, прикидывая про себя так и этак, как бы половчее сказать мужу о своих планах, но сейчас все слова разом вылетели из головы.

Он удивился еще больше, даже газету отложил.

– А куда же?

Ирина почувствовала, что ей стало жарко в слишком толстом свитере. Врать она не любила, но ведь невозможно сказать мужу правду о том, куда и зачем она собирается!

– Хочу на дачу съездить.

Она ужасно боялась, что Витя начнет расспрашивать, зачем ей так срочно понадобилось туда, еще, пожалуй, скажет, что надо ехать вместе... И тогда уж точно ничего не получится.

– Да? А зачем?

– Ну, посмотреть, что и как... – промямлила она, – вон, Хорошиловых в прошлом году обокрали! И потом – цветы посадить, в доме прибраться...

Она говорила, торопясь вывалить как можно больше аргументов в пользу своей поездки, но, против ожидания, Виктор не стал с ней спорить.

– Ну ладно, как хочешь. Не замерзни только там! Учти, прогноз обещает похолодание.

– Ничего, я тепло оденусь!

Он скользнул по ней равнодушным взглядом и снова повернулся к телеэкрану.

Ирина заглянула в комнату сына. Тот, как всегда, сидел уткнувшись в свой компьютер.

– Толик, я на дачу! Завтра утром вернусь, – сказала она почти весело, – суп в холодильнике, и котлет я еще с вечера нажарила.

– Что, мам? – встрепнулся он. – На дачу? А-а, ну ладно.

Взгляд у него был совершенно отсутствующий, словно только что разбудили. Если бы на землю спустились марсиане, мальчик бы, наверное, тоже этого не заметил! В другое время Ирина подсадовала бы про себя, что сын слишком увлекся виртуальным миром и реальности почти не уделяет внимания, но сейчас она была только рада, что все обошлось так легко и просто.

Она вышла в прихожую, достала удобные туристские ботинки на толстой подошве, надела куртку с капюшоном... Вот, кажется, и все. Пора идти. Ирина в последний раз оглядела квартиру, словно вспоминая, не забыла ли чего, и решительно шагнула через порог.

Ехать пришлось долго. Сначала – добираться на метро до Курского вокзала. Ирина удивилась, сколько народу вокруг, несмотря на плохую погоду. Вроде бы первомайские

демонстрации отменили давно, а все равно люди едут куда-то, лица все больше радостные, оживленные... Молодежь целуется прямо на эскалаторах, дети несут смешные шарики, и даже старушки выглядят принаряженными и торжественными. Все-таки в массовом сознании этот день был и остается праздником!

Даже завидно стало немного.

Вокзал встретил ее привычной суетой. Люди сновали туда-сюда, волоча за собой огромные сумки-баулы или чемоданы на колесиках, успокаивали хнычущих детей, жевали подозрительно пахнущие чебуреки, кого-то встречали или провожали, кто-то кланчил денег «на хлебушек», милиционеры неумолчиво проверяли документы у лиц подозрительных национальностей, и только до нее в этом копошащемся людском муравейнике никому не было дела.

В первый момент Ирина совсем растерялась. Она и забыла, когда последний раз ездила на электричке! Витя обычно отвозил ее на машине и так же забирал обратно, а теперь она никак не могла сообразить, куда идти, где покупать билет, где стоят поезда... Людской поток оглушил ее, опутал сознание неумолчным гулом и суетой, ее толкали, наступали на ноги, а она могла только бормотать что-то вроде «извините, пожалуйста!».

Она чувствовала себя совершенно беспомощной и обрадовалась от души, когда металлический голос объявил по радио: «Электропоезд Москва-Тула отходит с платформы номер четыре через пять минут. Остановки по всем пунктам».

Вот, как раз то, что нужно! Можно сказать, повезло. Правда, времени остается всего ничего, надо торопиться.

– Как на четвертую платформу пройти? – спросила она у какой-то тетки, торгующей газетами.

– Сейчас через зал, потом налево и по переходу! – ответила она довольно нелюбезно. Весь вид говорил – я вам не справочное бюро. – Там указатели есть, – буркнула продавщица и принялась перекладывать свой товар.

– Спасибо!

Ирина почти бегом припустилась по длинному переходу, обгоняя приезжих с тяжеленными баулами и стараясь случайно не задеть нищих и бомжей.

Не опоздать бы! Вот, наконец, четвертая платформа. И электричка стоит, будто ее дожидается! Ирина купила билет, долго не могла сообразить, как засунуть его в прорезь турникета. Она чуть не плакала от своей беспомощности и непрактичности. Было очень страшно, что, пока она тут возится, поезд уйдет, и придется ждать неизвестно сколько.

Наконец контролерша сжалилась над ней и показала, как правильно. На индикаторе турникета загорелся зеленый огонек, и Ирина вышла на платформу. Успела, успела! Может быть, если ее поездка началась удачно, то и дальше все будет хорошо?

В тамбуре нестерпимо воняло мочой и прокисшим пивом. Ирина от души пожалела тех несчастных, что живут в пригородах и вынуждены искать работу в Москве, а потом каждый день так добираться в город и обратно.

Задержав дыхание насколько можно, она вошла в вагон. Против ожидания, народу оказалось совсем не так уж много. А ведь обычно на майские все отправляются на свои «фазенды» – кто копать, кто сажать, а кто и шашлыки жарить. Наверное, погода всех распугала, но ей это только на руку. Вряд ли кто из соседей приедет.

Ирина устроилась на жестком сиденье у окошка. Кажется, теперь можно немного расслабиться.

Электричка медленно, лениво ползла через всю Москву. За окнами мелькали какие-то заборы, дома, улицы, кишачие машинами, люди все время входили и выходили (больше, конечно, входили!), и, когда город остался позади, в вагоне уже было не протолкнуться.

Толстенная бабища в веселеньком розовом плаще-накидке выставила в проход ящик с помидорной рассадой, поставила под ноги огромную корзинку и плюхнулась с Ириной рядом, заняв почти все сиденье. Сразу стало очень тесно и неудобно, но пожаловаться она не посмела. Попробуй только скажи что-нибудь такой мамонтихе! Сразу нарвешься на

грубость, а то и похуже что-нибудь...

От сознания собственной незащитности Ирина совсем загрустила. В самом деле, долгие годы она прожила под защитой крепкого и надежного мужского плеча, и ей почти не доводилось сталкиваться с миром, где человеку ежедневно приходится бороться за выживание. Где-то там, далеко, люди месяцами не получали зарплату или зарабатывали такие гроши, на которые невозможно свести концы с концами, сидели без света и горячей воды, а то и вовсе оказывались без крыши над головой... Когда Ирина видела в новостях по телевизору подобные сюжеты, она, конечно, сочувствовала несчастным, но это было далеко, как голод в Центральной Африке. К ней все это не имело никакого отношения.

А что будет теперь, когда жизнь дала трещину? У нее нет ни профессии, ни полезных навыков, на даже той жизненной хватки, которая вырабатывается с годами и помогает бороться с трудностями. Как зверь, выпущенный из клетки, погибнет на свободе, не умея самостоятельно добывать пищу и спастись от врагов, так и она, покинув свой тесный, но такой уютный и привычный квартирный мирок, рискует потеряться и сгинуть.

Мысли были неприятные. Ирина попыталась закрыть глаза, отвлечься немного, успокоиться... Она старательно повторяла про себя, словно заклинание «все будет хорошо... все обойдется...». Под мерное покачивание вагона женщина и сама не заметила, как задремала. Во сне она вздрагивала, шептала что-то невнятное, даже стонала, так что соседка – та самая слоноподобная бабища – пересела от греха подальше на другую скамейку, ворча себе под нос что-то вроде: «Ну ее, припадочная какая-то!»

Ей снилось, будто она пробирается сквозь густую чащу. Странный это был лес – мертвый, словно после пожара. На небе, затянутом тяжелыми низкими тучами, чуть светила бледная луна. Кругом – только черные деревья, тянущие к небу обгоревшие ветки, лишенные листьев, горы валежника, сухая трава, маленькие озерца, наполненные черной, словно смола, водой... Идти было трудно, ноги подкашивались при каждом шаге, в горле першило от гари и копоти, но Ирина – или та женщина, которой она была сейчас, – упорно двигалась вперед.

Но еще страшнее стало, когда какое-то шестое чувство подсказало ей, что здесь, в этом лесу, она вовсе не одна! Ирина просто спиной чувствовала чей-то взгляд – неотрывный, внимательный... *очень* заинтересованный. Голос здравого рассудка (по крайней мере, той его части, которая могла сохраниться в такой ситуации) кричит: «Не оборачивайся! Не смотри на него!» – но она медленно повернула голову и увидела такое, от чего ноги как будто приросли к земле.

На нее в упор смотрели ярко-желтые глаза. Кому они принадлежали – она не могла рассмотреть, как ни старалась. Это существо не имело определенной формы – просто сгусток темноты, вроде большого облака, и в то же время оно было горячим, плотным, вполне осязаемым. Ирина чувствовала нестерпимый жар, исходящий от него, а еще – огромную силу, перед которой она была словно кролик перед удавом.

Непонятное создание смотрело внимательно, словно изучало ее. Хотелось бежать – но руки и ноги не двигались, хотелось крикнуть – но горло сковало, и невозможно было выдать ни звука.

Она стояла перед ним, обмирая от страха, и понимала, что сейчас произойдет что-то ужасное, непоправимое, такое, чего она и представить себе не может...

«Станция Теплые Ключи!» – прокаркал металлический голос из динамика.

Ирина вздрогнула всем телом и проснулась. Надо же, чуть не проехала! Она вскочила, подхватила свою сумку и рванулась к выходу, спотыкаясь и наступая на чьи-то ноги. Вслед ей неслись возмущенные возгласы:

– Вы что, женщина, спите, что ли? Внимательнее надо быть!

– Извините... Извините... – рассеянно бормотала Ирина. В последний момент она выскочила на платформу – и тут же автоматические двери захлопнулись за спиной.

Поезд тронулся. Ирина проводила его взглядом. Вагоны быстро пронесли мимо, и вот уже она осталась совсем одна. Она поежилась от холода и поглубже спрятала руки в карманы куртки. Ее немного знобило, и сон казался дурным предзнаменованием... На миг

захотелось забыть про свою затею, дожидаться другой электрички и вернуться в Москву.

«Нет, нет, нельзя поддаваться слабости!» – одернула она себя. Просто сидела неудобно и в вагоне было слишком душно, вот подсознание и среагировало таким странным и неожиданным образом... Ирина как-то смотрела научно-популярную передачу по телевизору, где седенький профессор с бородкой клинышком долго рассказывал о том, как проблемы в реальной жизни человека трансформируются в ночные кошмары. Ничего удивительного, что приснилось такое! Уж чего-чего, а неприятностей и переживаний у нее в последнее время было достаточно.

К тому же и погода не радует... Окружающий пейзаж казался серым и безрадостным. Это летом, когда все цветет и зеленеет, здесь просто рай, а сейчас солнца не видно из-за серых туч, моросит мелкий противный дождь, деревья под ветром качают ветками, словно пытаются разогнать облака, и даже небо кажется таким холодным и хмурым.

Ирина спустилась с платформы по выщербленным ступенькам, перешла железнодорожные пути, миновала приземистое кирпичное здание билетных касс с наглухо заколоченным окошечком и маленький магазинчик под гордой вывеской «мини-супермаркет». Глупость, конечно, если вдуматься – все равно что «жареный лед». Самым ходовым товаром здесь была дешевая водка и лапша в пластиковых корытцах, а за прилавком всегда стояла продавщица Клава, которая иногда, под настроение, отпускала местным алкашам водку и пиво в долг. Ирина почему-то немного побаивалась ее – слишком уж самоуверенный вид был у этой бабы в несвежем халате, с вытравленными перекисью до соломенной желтизны волосами, всегда слишком ярко накрашенной и увешанной штампованным золотом. Она даже в магазин старалась не заходить без крайней необходимости и всегда просила Витю привозить из города все, вплоть до мелочей вроде соли и спичек.

Но сейчас магазин закрыт и на дверях висит тяжелый замок. Наверное, все, кто хотел, уже отоварились и отмечают праздник по домам...

Теперь прямо перед ней простиралось бывшее колхозное поле, где когда-то сажали картошку. Колхоз «Светлый путь» развалился давным-давно, и теперь на его угодьях только одуванчики растут. Правда, кое-где на участках, которые ушлый председатель подсуетился продать, строятся «новорусские» кирпичные коттеджи и вокруг них день и ночь суетятся смуглые рабочие из южных республик, которых местные почему-то прозвали «талибами». Некоторые из сельчан, оставшихся не у дел, сумели найти работу в Москве, другие выращивают клубнику и овощи на приусадебных участках, но большинство проводят дни и ночи в беспробудном пьянстве, зимой заходят в пустующие дачи и тащат, что попадется под руку, вплоть до постельного белья и компотов из погреба, сдают на пункты приема цветных металлов все, что смогут унести, – от кастрюль до кладбищенских оградок... Вон в прошлом году кабель срезали, так неделю без света сидеть пришлось!

«Остается только надеяться, что к нам не забрались!» – с тревогой подумала Ирина. Только этого еще не хватает...

Вдалеке сквозь серую морось дождя чуть виднеются дачные домики, огороженные высоким забором, а еще дальше начинается лес. Ирина тряхнула головой и решительно зашагала по узкой утоптанной тропинке прямо через поле.

День уже клонился к вечеру, когда она наконец-то добралась до своей дачи. Ирина устала, замерзла, ноги промокли, и в ботинках противно хлюпала вода. Фирменная обувь из дорожного магазина не выдержала российской грязи, потерпев позорное поражение.

Дом встретил ее промозглым холодом. Хорошо бы, конечно, камин затопить, чтобы долго-долго смотреть на огонь, слушать, как трещат дрова, но с поленьями возиться было неохота. Ирина сняла промокшие насквозь, вымазанные грязью ботинки, надела теплые вязаные носки, включила отопление на полную мощность (хорошо еще, что Витя настоял поставить ОГВ!), присела на диван, закутавшись в пушистую вязаную шаль, и задумалась.

Чем меньше оставалось времени до полуночи, тем беспокойнее становилось у нее на

душе. Сейчас, когда Ирина оказалась лицом к лицу с тем странным и пугающим действием, которое придется исполнить, решимость оставила ее. Впервые она задумалась – а что будет дальше? Сработает ли колдовство? Или, проделав все, что приказала Альвина, она так и останется ни с чем и надежды окажутся напрасными?

Ирина даже подсадовала на себя немного, что заварила всю эту кашу. Вот дурочка, поверила шарлатанке! Хорошо еще, что деньги она не потребовала отдать сразу... Хотя в этом повезло. Честная оказалась ведьма, как-то странно даже.

Но сама-то хороша! Как могла она, взрослая и умная женщина, всерьез воспринять какую-то мистическую чушь? Сидела и кивала развесив уши... Просто сумасшествие какое-то, темное, дремучее суеверие! Не иначе как эта самая колдунья владеет техникой гипноза, чтобы дурачить таких, как она, простофиль.

«Вот и сиди теперь, как дура, в холодном доме! – строго сказала себе Ирина. – И это еще цветочки! Надо еще в лес идти, зарыть под осиной этот проклятый узелок, к которому даже прикоснуться противно, да еще так, чтобы никто не видел! Просто шпионский детектив какой-то».

Впрочем, как раз это предупреждение вполне резонное. Женщине опасно бродить в одиночку. Можно нарваться на пьяных сельчан или гастарбайтеров с соседней стройки. Один Бог знает, что может им взбрести в голову – убьют, ограбят, изнасилуют...

Ирина почувствовала, что еще немного – и она просто никуда не пойдет. Разумные аргументы окажутся сильнее детской наивной веры в чудо, она не посмеет выйти за порог в ненастную ночь, просидит до утра на диване, жалея себя и размышляя над несправедливостью судьбы. А утром утрет слезки, вернется в город...

И лишит себя последнего шанса хоть как-то наладить свою жизнь.

Ирина откинула прядь волос, упавшую на лоб. Нет, так не пойдет! Если уж она решилась идти до конца, то должна прогнать прочь все сомнения – если, конечно, и правда хочет чего-то добиться. Другого выхода все равно нет, и если остается хоть самая маленькая возможность – нужно попытаться. Иначе потом всю оставшуюся жизнь она будет корить себя и гадать – а вдруг *это* помогло бы? Вдруг можно было вернуть Витю и все у них наладилось бы, стало как прежде – а она отказалась, струсил, отступила в последний момент?

Она посмотрела на свои маленькие наручные часы – да так и ахнула. Ничего себе, уже почти одиннадцать! Странно, она не заметила, как бежит время. Казалось, что просто присела на диван передохнуть на несколько минут, а на самом деле – вон сколько прошло!

Надо поторапливаться, до полуночи осталось не так уж много.

Ирина встала, надела куртку и с сомнением покосилась на промокшую обувь. Нет, так не годится! Еще не хватает воспаления легких схватить. В кладовке она отыскала резиновые сапоги, в которых обычно ходила за грибами, и натянула поверх шерстяных носков. Стало гораздо теплее и уютнее, Ирина даже приободрилась немного, и предстоящая ночная прогулка по лесу уже пугала не так сильно. Она бережно достала тряпичный сверточек и положила в карман.

Она глубоко вздохнула, как человек, который собирается прыгать в холодную воду, и вышла из дому.

К ночи сильно похолодало, и ветер бросал в лицо холодные капли дождя пополам со снегом. На небе, сквозь плотную пелену облаков, почти не видно было луны. Только шагнув за порог, Ирина поежилась. Ее бил озноб, не столько от холода, сколько от страха. Хотелось вернуться обратно в дом, закрыть дверь на замок, разжечь камин и сидеть перед ним до самого утра, поддерживая огонь, чтобы не пустить ночную темноту в дом, а холод – в сердце... Ну ее, эту ведьму с ее дурацкими обрядами! Может, еще как-нибудь все образуется?

Нет. Не нужно себя обманывать. Она вспомнила лицо Виктора, его равнодушный взгляд, резкий, отрывистый голос по телефону и этот ужасный запах чужих духов. Само по

себе ничто не образуется, это ясно как дважды два. Она и так уже слишком долго находилась в блаженном неведении, так хотя бы теперь надо смотреть правде в глаза.

Ирина тщательно заперла дверь и, обогнув дом, пошла к калитке по дорожке, аккуратно вымощенной гранитной плиткой. Ветка старой яблони, которую Витя давно собирался спилить, да все руки не доходили, зацепилась за рукав куртки. Казалось, даже дерево пытается ее удержать...

Ирина резко высвободилась, и с дерева на нее обрушился целый град холодных капель. Она вышла за калитку, зачем-то оглянулась по сторонам. В тусклом свете бледной луны, чуть выглядывающей из-за облаков, все вокруг казалось призрачным, неживым. Даже соседские дачи выглядели как-то зловеще, словно дома с привидениями из дешевых ужасиков. Ни в одном окне не горит свет... Значит, никто из соседей не приехал, всех погода распугала.

«Это даже хорошо! – успокаивала себя Ирина, шагая через глубокие лужи. – По крайней мере, меня никто не увидит...» Сработает колдовство или нет – еще неизвестно, а вот дурацких вопросов точно не избежать. Марья Петровна, например, – ужасная сплетница.

Ирина на мгновение представила себе сморщенное, как печеное яблоко, лицо соседки с горящими любопытством глазами. «А куда это вы, Ирочка, ходили среди ночи? Да еще в такую погоду? Я прямо испереживалась вся – не случилось ли с вами чего-нибудь!» – «Ах, не волнуйтесь, Марья Петровна! Просто грибочков хотела набрать... А если правду говорить – собиралась приворожить мужа, чтобы он не бегал по девочкам, как борзой кобель, но из-за вас теперь ничего не получится».

Представив себе этот диалог, Ирина чуть не прыснула от смеха. На мгновение она позабыла и холод, и страх, но тут где-то далеко залаяла собака – зло, надрывно, хрипя на цепи. Потом замолкла на мгновение и вдруг завывала, горестно и безнадежно, словно по покойнику.

Ирина ускорила шаг. От веселого куража не осталось и следа. «Тоже мне, нашла время шутить! – думала она. – Надо как-то... настроиться, что ли. Ведь не шишки собирать иду».

Она старательно думала о том, что все у нее получится, что Витя вернется к ней, снова будет таким же заботливым и милым, а она никогда ни словом, ни взглядом не упрекнет его... И он не узнает, на что ей пришлось пойти, чтобы сохранить их счастье. Как Стелла Фергюссон в романе «Падающие листья», которая взломала секретные коды в швейцарском банке, когда любимому мужу понадобились деньги на операцию из-за опухоли мозга. Может, она и нарушила закон, но с другой точки зрения эта женщина вовсе не преступница, а героиня!

Впереди показались высокие железные ворота, открывающие въезд на территорию дачного кооператива. Ирина отодвинула засов, и тяжелые створки со скрипом распахнулись перед ней.

Влево идет дорога на станцию. Ну, дорога – это слишком громко сказано, просто грунтовый проселок. В дождливую погоду его размывает, так что проехать становится трудно, дачники на собрании регулярно «поднимают вопрос» о том, что надо бы, наконец, заасфальтировать подъездные пути как следует, но этим дело и заканчивается. Собирать деньги, составлять сметы, согласовывать вопрос в местной управе и потом следить за ходом работ – дело нелегкое, требующее немало времени и сил, а заниматься этим некому. Потому и дорога из года в год остается в том же плачевном положении – рытвины да ухабы...

Но если свернуть на тропинку, пройти вдоль забора, то, как только дачные домики останутся позади, окажешься в лесу, на просеке, ведущей в никуда. Кто и зачем когда-то затеял прорубать ее – неизвестно, но она заканчивается метров через триста. А дальше – только узенькие тропинки, протоптанные грибниками и туристами. Когда-то Ирина ходила сюда с маленьким Толиком, но каждый раз она чувствовала себя в лесу очень неудобно. То пить хочется, то комары кусают, то ребенок отошел на два шага – и пропал в густых зарослях пышного папоротника, так что она изволновалась вся... И все же ходила, словно отрабатывая какую-то повинность, – должен ведь мальчик узнать, что такое лес! По правде

говоря, она опасалась, что сын начнет бегать туда с деревенскими сверстниками, а это совсем неподходящая для него компания.

Ирина шла и просто не узнавала дачный подмосковный лесок – такой знакомый, привычный, исхоженный вдоль и поперек. Сейчас, ночью, под дождем он выглядел совершенно иначе... Деревья раскачивались на ветру, и ветки их, с едва проклюнувшейся молодой листвой, выглядели как высохшие руки узников неведомой темницы. Даже тонкие березки, такие милые и нежные, казались ей теперь зловещими, словно девы-плакальщицы из старинных легенд. Все время раздавались какие-то шорохи, скрипы, один раз Ирине показалось даже, что совсем рядом она услышала тонкий пронзительный крик. Сердце бешено колотилось, и каждый удар отзывался болью в груди. Не хватает еще концы отдать прямо здесь, в этом чертовом лесу!

Она схватилась за корявый ствол, чтобы не упасть, и несколько минут стояла так, стараясь дышать медленно и размеренно, пока сердце не вошло в привычный ритм и дыхание не успокоилось немного.

«Ничего-ничего, это всего лишь минутная слабость!» – уговаривала она себя. Не время ей предаваться сейчас, когда предстоит пусть и неприятное, но совершенно необходимое дело.

Может быть, самое важное в жизни.

Ирина повыше застегнула «молнию» на куртке, накинула капюшон и зашагала дальше. Ноги не слушались, предательски подгибаясь при каждом шаге. Утешало только то, что до заветной полянки, где росла та самая осина, оставалось уже совсем недалеко.

Ближе к полуночи дождь совсем прекратился. На небе показалась полная луна. Сквозь кроны деревьев, лишенные листвы, хорошо был виден ее бледный лик. В воздухе не чувствовалось ни ветерка, и в лесу стало как-то удивительно тихо. Серебристый свет заливал все вокруг, и деревья теперь стояли торжественно и гордо, словно ждали чего-то важного, что вот-вот должно произойти.

Лес стал понемногу редеть. Вот и заветная полянка показалась впереди... В лунном свете Ирина видела на удивление ясно и четко, так что, кажется, каждую веточку могла разглядеть. Вот и место от кострища, а чуть дальше – та самая осинка, что когда-то показывала Толику. Дерево заметно подросло, но это было оно, несомненно оно! Ирина обрадовалась, что память не обманула ее. Близость цели прибавила сил. Она посмотрела на часы – и ахнула. Без пяти двенадцать! Время на исходе, его почти совсем не осталось... Она почти бегом пустилась к заветному дереву. Думала только об одном – если не успеет, все будет зря! Быстрее, быстрее, ведь совсем немножко осталось...

Она упала, больно стукнувшись коленом о торчащий из земли древесный корень, и чуть не заплакала от досады. Руки содраны в кровь, одежда в грязи, и, кажется, даже губа разбита... Рот наполнился чем-то теплым и противно-соленым. Кровь. Даже передний зуб шатается слегка. Ирина чуть не заплакала от жалости к себе. Встать было очень трудно, но все же она справилась и, еле передвигая ноги, качаясь, словно пьяная, побрела к осинке. Вот и она, наконец-то!

Воздух был безветрен и тих, но даже сейчас ветки ее мелко-мелко тряслись, словно дерево дрожало от страха. Ирина подошла к нему с некоторой опаской, зачем-то потрогала ствол...

Только сейчас она сообразила, что не взяла с собой никакого инструмента, чтобы выкопать ямку, даже небольшую и неглубокую. Но не возвращаться же назад! Она опустилась на колени и принялась голыми руками разгребать землю. Это оказалось непросто – плотный, слежавшийся дерн никак не хотел поддаваться. Содранные ладони отчаянно болели, она сломала ноготь на указательном пальце, и кровь потекла на землю, но она не остановилась до тех пор, пока не получилась ямка глубиной сантиметров в пятнадцать. Рыть глубже не было сил.

Она достала из кармана куртки маленький сверток, опустила его в ямку, старательно присыпала землей и еще ногой утоптала, чтобы наверняка. Ну вот, кажется, и все! Ирина

бросила последний взгляд на творение своих рук и повернулась к лесу.

В этот миг вокруг снова потемнело. Луна спряталась за тучами, но не это заставило Ирину застыть на месте от ужаса. Совсем рядом она увидела ярко-желтые глаза из своего сна! То существо, которое так напугало ее, было совсем рядом. Ирина почувствовала, что вот-вот потеряет сознание. Голова кружилась, во рту еще стоял противный солоноватый привкус собственной крови, но главное – это страшное *нечто*, рожденное из темноты, подчинило ее своей власти. И прямо сейчас оно может сделать с ней что угодно...

Собрав последние силы, она закрыла лицо руками, дико и страшно закричала и бросилась бежать.

Обратный путь Ирина помнила смутно. Она брела наугад, не разбирая дороги, несчетное количество раз спотыкалась и падала, оскальзываясь в раскисшей грязи, поднималась на ноги – и снова шла вперед. Больше всего она боялась, что у нее не хватит сил встать, и тогда она осталось в этом проклятом заколдованном лесу навсегда.

Она выбилась из сил, когда в просвете между деревьями показалась просека. Наконец-то! Совсем немножко осталось! – подбадривала она себя.

Тяжелые железные ворота громко заскрипели, и снова залаяла собака, но теперь Ирина обрадовалась ей, как старой знакомой. Этот лай означал близость жилья, людей, обжитого пространства... Как ни спешила Ирина попасть домой, но все же тщательно задвинула железный засов и еще подергала для верности.

Дальше – уже легко. Путь до своей дачи Ирина преодолела в считанные минуты, словно второе дыхание открылось. Соседские дома больше не казались ей зловещими, наоборот – сейчас они выглядели такими симпатичными и милыми, почти родными. Даже темные окна уже не пугали.

Она вошла в калитку, взбежала по ступенькам крыльца и принялась шарить по карманам в поисках ключей. Был страшный миг, когда ей показалось, что она выронила их где-то в лесу, и теперь всю ночь до утра ей придется провести под холодным дождем, но тяжелая связка отыскалась за оторвавшейся подкладкой. Дрожащими руками Ирина вставила ключ в замочную скважину и, когда дверь распахнулась перед ней, готова была расплакаться от счастья.

Не зажигая света, она сбросила сапоги прямо посреди комнаты, сняла измазанную глиной куртку и повалилась на продавленный диван. Раздеваться не было сил. Спать, спать, все остальное потом...

Но в последний миг, перед тем как провалиться в темноту, ей показалось, что будто совсем рядом кто-то есть. Прямо над ухом Ирина услышала тяжелый вздох, потом тихий, но ясный голос горестно произнес:

– Ах, Ира, Ира, что же ты наделала!

К утру совсем распогодилось, тучи рассеялись, и небо сияло яркой весенней синевой. В окна сквозь ситцевую занавеску заглядывало солнце. Еще не проснувшись, Ирина почувствовала на лице его теплое, ласкающее прикосновение и чуть улыбнулась. Настроение было замечательное – как можно не радоваться, когда наконец-то закончилась такая долгая зима и впереди – лето?

Открыв глаза, она не сразу сообразила, почему лежит одетая на диване, и к тому же не в городской квартире, а на даче. Приехала прибраться, подготовиться к новому сезону? Тогда почему такой беспорядок вокруг? Куртка валяется на полу, резиновые сапоги брошены посреди комнаты, и возле них натекла целая лужица грязной воды, мебель покрыта слоем пыли и сам воздух в доме какой-то затхлый, нежилой...

Хороша хозяйка!

Ирина приподнялась, чтобы отдернуть занавеску, – да так и ахнула, увидев собственные руки. Грязные, все в ссадинах, ногти обломаны... Только сейчас она вспомнила, что делала прошлой ночью и *зачем* приехала сюда. Перед ее внутренним взором на миг появился лес, дрожащая осина и она сама, закапывающая злосчастный узелок под корнями.

И глаза, глаза из темноты...

Нет, нет, не надо этого вспоминать! Такого просто не может быть, и существо это просто привиделось ей, померещилось со страху.

Ирина еще продолжала себя успокаивать, но хорошее настроение сразу исчезло. Яркость и чистота весеннего утра, синева неба, омытого дождем, первая нежная зелень уже не радовали глаз. Даже солнце виделось ей теперь каким-то сероватым, словно подернутым пылью, как лампочка, которую сто лет не протирали.

Она встала, чувствуя себя разбитой, немощной, словно древняя старуха. Все тело ломило, как после тяжелой работы, голова кружилась, руки и ноги не слушались, будто чужие... Самый воздух здесь казался ей каким-то давящим. Хотелось немедленно бежать прочь из дома, который Ирина когда-то так любила.

Нет, нельзя! Не оставлять же после себя такую грязь!

Ирина тяжело вздохнула и принялась за уборку. Она мыла полы, вытряхивала коврики во дворе, протирала стекла до хрустального блеска с каким-то угрюмым ожесточением, словно пыталась создать разумное объяснение для своего приезда, вычеркнуть из памяти события прошлой ночи, но теперь больше не думала ни о муже, ни о его любовнице, ни о том, что будет дальше с ней самой.

Нехорошая история с Витиной изменой отступила куда-то далеко и казалась ей мелким происшествием, не стоящим особого внимания. Что такое запах чужих духов по сравнению с взглядом внимательных желтых глаз существа, рожденного темнотой? Сушая безделица. Ощущение *непоправимости* совершенного поступка упорно не оставляло Ирину.

Отмывая в тазике заляпанные грязью резиновые сапоги, она чувствовала себя как убийца, пытающийся скрыть следы преступления. И пусть это не кровь, а всего лишь размокшая глина, но почему так погано на душе? Почему ничто не радует? Руки движутся, как заведенный агрегат, а сердце щемит, и думать не хочется ни о чем.

Когда солнце перевалило за полдень, весь дом сиял чистотой. Но нехорошая это была чистота, неживая. словно после похорон прибирались... Ирина в последний раз оглядела дом хозяйским взглядом, выключила отопление, запихнула сапоги обратно в кладовку. Вот теперь, кажется, все.

Надо возвращаться домой, больше здесь делать нечего.

Часть вторая ЛЕТО

В конце июля на Москву обрушилась жара. Многомиллионный мегаполис задыхался, синоптики говорили что-то о температурных аномалиях, из-за перегрузки ломались кондиционеры, и от раскаленного асфальта поднималось удушливое марево.

Люди, одуревшие от зноя, пытались пережить жару каждый в меру своих возможностей и пристрастий. Одни передвигались короткими перебежками по маршруту дом – автомобиль – офис, другие – отправлялись на дачу или к морю, а кому повезло меньше – просто шли к ближайшему пруду или озерцу, чтобы хоть немного освежиться, погрузив разгоряченное тело в воду, и таблички «Купаться запрещено» никого не останавливали.

И когда только кончится это пекло!

Ирина грустно смотрела на кусок парной вырезки и в который раз думала – что лучше приготовить? Бефстроганов или гуляш? Или сделать тефтели в соусе? Пускай до вечера еще далеко, но на приготовление хорошего блюда всегда уходит немало времени, так что лучше сделать все заранее.

Когда Витя придет домой, его непременно должен ждать горячий ужин. Так уж всегда было заведено у них в семье, но теперь на то были и свои, особенные причины...

С некоторых пор есть Виктор мог только дома. Как-то, сразу после майских праздников, водитель Сережа доставил его домой в таком состоянии, что краше в гроб кладут. Лицо Виктора заливала смертельная бледность, он держался за живот и тихо стонал.

Видно было, что ему очень плохо... Ирина только охнула и кинулась было к телефону вызывать «скорую».

– Не надо! – остановил ее муж. – Воды дай... И поскорее.

– Да, да, сейчас, конечно... – засуетилась она. – Вот, выпей.

Жадно, большими глотками Виктор осушил стакан. Сережа бережно усадил его на диван в гостиной, и он сразу же заснул, откинувшись на подушки. Бледность ушла, лицо его порозовело... Кажется, лучше стало человеку! Ирина немного успокоилась, но все же попыталась набрать 03. Со здоровьем не шутят, надо бы вызвать врача. Ответом ей были только длинные гудки. В сердцах она швырнула трубку на рычаг и приступила с вопросами к Сереже:

– Что случилось? Как это произошло?

– Да сам не знаю, Ирина Сергеевна! – Он беспомощно развел руками. – Виктор Александрович на переговоры поехал, в ресторан «Констракшн», ну, возле Маяковки. Сколько раз туда ходил, все нормально было, а тут... Сами видите. Минут двадцать как зашел, только аперитив заказал, отхлебнул мартини, и сразу плохо ему стало. Хорошо еще, меня с собой взял, чтоб я за рулем был, так я сразу понял, что с ним неладно!

Ирина прикусила губу. Что можно сделать, если взрослый человек совсем себя не бережет? Прямо как дитя малое. Даже хуже, потому что у ребенка всегда можно отобрать опасную игрушку, а мужчины почему-то полагают себя хозяевами жизни и бахвалятся собственной лихостью, а потом женщинам приходится разгребать все, что они наворотили!

Наверное, взгляд слишком красноречиво выражал ее мысли. Заглянув ей в лицо, Сережа как-то смутился и попятился к двери:

– Ну, я пойду? Вы звоните, если что!

– Да, да, конечно... – рассеянно ответила она, – до свидания.

В тот день Виктор на удивление быстро пришел в себя, а к вечеру даже попросил поесть. Конечно, не следовало бы этого делать... Но, глядя, как муж уплетает жареную картошку прямо со сковородки, Ирина не посмела возразить.

С тех пор все его походы в ресторан заканчивались одинаково. Виктор попробовал пару раз – и закаялся. Он потом еще долго возмущался по поводу отвратительного качества пищи, даже в суд подать собирался, но теперь ел только дома. Даже на работу с собой брал бутерброды, что Ирина делала каждое утро. Ломтик нежирной докторской колбаски, кружочек помидора, огурчик... И веточка петрушки сверху, для красоты.

И если бы только это! Виктор вообще сильно изменился за последние месяцы. Иногда Ирине казалось, что она видит перед собой совсем другого человека, и она не знала, как относиться к произошедшим переменам – то ли радоваться, то ли совсем наоборот.

С одной стороны, тревога по поводу его любовных похождений если не исчезла, то отступила далеко на задний план. Поводов волноваться вроде бы не осталось. Теперь Виктор, как образцовый муж, возвращается домой сразу после работы – хоть часы сверяй! Бесконечные «переговоры» и «неотложные дела» благополучно канули в прошлое. Все свободное время он проводит рядом с ней, и этот проклятый запах чужих духов больше не витает в воздухе. Казалось бы, все в порядке, живи и радуйся.

Ирина немного воспрянула духом и пыталась угодить мужу, чем только могла, – готовила его любимые блюда, каждый вечер встречала с улыбкой, подкрашивала губы и ресницы... Даже специально купила в фирменном магазине «Безумная гортензия» дорожный вышитый пеньюарчик, чтобы не ходить дома в халате. Правда, иногда казалось, что, если надеть противогаз, муж даже не заметит, но все равно она старалась.

А по ночам все чаще лежала без сна, пытаясь не вспоминать лес, освещенный полной луной, трепещущие тонкие ветки осинки... А главное – глаза, ярко-желтые глаза из темноты.

Но наступало утро, и Виктор был рядом. Пусть немного угрюмый, неразговорчивый, зато свой, родной, любимый. Очень хотелось верить, что никакое колдовство тут ни при чем, его не существует! Просто Витя одумался, понял, что был не прав, и решил не рисковать семейным благополучием ради сомнительных приключений на стороне. Как говорится,

перебесился...

Но сердце знало, что это не так, совсем не так.

Из весельчака, рубахи-парня, вмиг становящегося душой любой компании, Виктор превратился в человека замкнутого и угрюмого. Даже с друзьями общаться перестал, хотя раньше недели не проходило без посиделок и застолий. Даже если Ирина робко намекала, что можно бы пригласить гостей, посидеть в тесном кругу или самим сходить куда-нибудь, он только досадливо морщился и цедил сквозь зубы:

– Вот тоже придумала! Я и так на работе устаю.

Теперь каждый вечер был похож на другой, как клонированная овечка Долли на свою генетическую маму. Приходя домой, Виктор даже не смотрел в сторону Ирины. Он равнодушно съедал приготовленный ею ужин и усаживался на диване перед телевизором. Но даже это простое времяпрепровождение теперь выглядело каким-то новым, незнакомым и даже пугающим. Раньше он интересовался политикой (зачем – бог весть!), шумно комментировал новости или полемизировал с телеведущим, старался не пропускать футбольных матчей и очень эмоционально болел за нашу многострадальную сборную... А теперь просто сидел часами, уставившись в экран и бесцельно щелкая пультом. Кажется, сейчас ему вообще стало все равно, что смотреть – прогноз погоды, новости, футбол, выступление танцевального ансамбля или рекламу. Пару раз Ирина даже видела, как на экране мелькают кадры знакомых сериалов, которые муж раньше просто на дух не переносил!

Ровно в одиннадцать он вставал с дивана и отправлялся в спальню, аккуратно вешал одежду на плечики в шкафу, ложился в постель и сразу же засыпал.

Если только...

Несмотря на страшную жару, Ирина почувствовала, как озноб пробежал по всему телу, от макушки до пяток. О сексе она вообще не могла теперь думать без нервной дрожи. Раньше, когда случалось такое, Виктор сначала игриво посматривал в ее сторону, потом обнимал со словами: «Ну, иди сюда, что ли, мать! Пошалим немножко на ночь глядя»... И пусть Ирина никогда не считала себя очень страстной и к интиму относилась спокойно, по принципу «есть – хорошо, а нет – и не надо», близость эта была ей приятна. Теперь все происходило совсем по-другому... Виктор молча наваливался сверху, двигался быстро, почти грубо и даже не смотрел на нее, словно она была не человеком, а надувной куклой. В этом соитии было что-то механическое, неживое...

И страшное.

В горле запершило, и глазам стало как-то подозрительно горячо изнутри... Вот только расплакаться сейчас не хватает! Ирина провела рукой по лицу, словно стирая неприятные воспоминания.

Ничего, переживем, перетерпим и это! Главное – что Витя никуда не уйдет, и у них еще, может быть, все наладится... Ей не придется начинать все сначала почти в сорок лет – без профессии, без денег, без поддержки, и сын не останется без отца.

Правда, в последнее время Толик бывал дома все реже и реже. Ирина пыталась поговорить с ним, но сын упорно отмалчивался, бормотал что-то невнятное о приближающихся экзаменах – и снова исчезал.

Лучше подумать о чем-нибудь более приятном – например, о том, что совсем скоро можно будет наконец-то сделать ремонт в квартире. Года два уже собирались, но теперь Ирина решила твердо, что дальше тянуть нельзя. Хотелось все поменять, чтобы жить в обновленном доме, где ничто не напоминало бы о тоске и унижении.

Благо и возможность появилась. Витя, который раньше был не то чтобы скуповат, но весьма и весьма расчетлив, стал вдруг совершенно равнодушен к деньгам. Когда Ирина лишь заикнулась о том, что хорошо бы наконец-то обновить интерьер, может быть, даже дизайнера пригласить, – он отреагировал на удивление спокойно. Сказал только:

– Надо – делай. Мне все равно.

Ирина ходила по магазинам, приценивалась, выбирая плитку, обои, кафель и

сантехнику, искала по Интернету ремонтные фирмы, даже посетила мастерскую дизайнера, предлагающего услуги по обустройству «стильного дома», – и сама себе удивлялась. Почему-то теперь это занятие не доставляло ей никакого удовольствия. Она равнодушно рассматривала каталоги, часами бродила по торговым центрам – и уходила, ничего не купив. Ну какая разница – зеленые обои или голубые, плитка под мрамор или под гранит?

Даже к любимым прежде романам она как-то охладела и спокойно проходила мимо книжных развалов, заполненных яркими обложками. Чужие страсти перестали ее волновать, и следить за развитием любовных историй стало совершенно неинтересно. Выдуманные персонажи, порожденные буйной фантазией писателей, стали казаться какими-то картонными, плоскими, скучными...

На дачу она так больше и не ездила ни разу. В такую жару тяжело, конечно, сидеть в квартире, но Ирина старательно убеждала себя, что просто не может оставить своих мужчин одних, без присмотра. Они же тут грязью зарастут по уши! К тому же у Толика – выпускные экзамены, а потом будут вступительные в институт, и мужа оставлять одного как-то боязно... Теперь Ирина думала, что Виктор был прав, когда говорил, что дом лучше продать. Она точно знала, что больше не сможет приезжать туда, как раньше, и проводить там лето, а деньги всегда пригодятся! Летом бы самое время этим заняться, подыскать покупателя, но муж не заговаривал об этом, а она сама как-то не решалась.

Теперь Ирина все время и силы отдавала домашнему хозяйству. Она без устали стирала, гладила, готовила все более сложные и трудоемкие блюда, снова и снова пылесосила ковры и протирала мебель полиролью. Ей все время казалось, что в доме беспорядок, и каждую пылинку, каждое пятнышко она воспринимала как угрозу своему хрупкому благополучию, купленному такой дорогой ценой.

Да, кстати о цене... Ирина почувствовала легкий укол совести. В который раз подумала о том, что надо все-таки отдать деньги колдунье, а то как-то нехорошо получается. Почему Виктор вернулся – неизвестно, но ведь не скажешь, что Альвина ее обманула!

Дальше тянуть нельзя. Три месяца уже прошло... Конечно, две тысячи долларов – сумма немалая, но быть чьей-то должницей Ирина не хотела. Тем более – ведьминой. Если эта женщина и впрямь может так легко управлять чужими судьбами, то лучше ее не сердить, а то мало ли что в голову прийти может?

Так что лучше отдать, что обещала, – и забыть о ней навсегда.

Посмотрев на настенные часы, расписанные синими узорами «под гжель», Ирина сообразила, что уже почти полчаса стоит, тупо глядя на кусок мяса. Надо же, задумалась так надолго! В последние дни такое с ней часто случалось. Ирина как будто уходила в свои мысли, не замечая ничего вокруг, и потом, словно очнувшись, с удивлением обнаруживала, что время не стоит на месте.

Она вытерла руки кухонным полотенцем и направилась в комнату. Вот они, деньги, отложенные на ремонт, лежат себе спокойненько в ящике стенного шкафа. Виктор специально снял с карточки и отдал ей. Ирина перебирала в руках стодолларовые купюры, пытаясь сосчитать, сколько же здесь, но почему-то все время сбивалась. В конце концов она бросила это занятие, отложив положенную сумму, и вернула пачку зеленых купюр на место.

Интересно только, что сказать Вите, если он спросит, куда подевались две штуки баксов? Хотя это вряд ли... Деньги отданы в ее распоряжение, он никогда не пересчитывает. Больше или меньше – даже не заметит. В конце концов, на дизайнера можно и сэкономить. Неужели она не способна сама решить, в какой цвет покрасить стены и какую плитку положить в ванной?

Теперь нужно только позвонить Альвине и назначить встречу. Приходить просто так, без предупреждения вроде бы неудобно... Ирина спрятала приготовленные деньги в конверт, положила его в сумку, на самое дно. Она долго, старательно искала ту самую салфетку с телефоном и ругала себя, что так и не удосужилась переписать его куда-нибудь еще. В записную книжку, например, или хоть в мобильный телефон...

Хотя, с другой стороны... Записной книжки у нее просто нет. Несколько нужных ей

номеров она давно помнит наизусть, так что необходимости просто не возникало, а что до мобильного... Ирина никогда не могла бы в этом признаться, но она так и не научилась управляться со своим навороченным аппаратом с кучей функций, подаренным Виктором на прошлый день рождения.

Она перерыла сумку, поискала по карманам, даже в Витином письменном столе посмотрела зачем-то, но проклятая бумажка словно в воду канула. Ругнув себя за неаккуратность, Ирина набрала Светкин телефон. На этот раз ответили сразу. Трубку взяла не секретарша, а сама Светлана. Голос ее показался очень веселым и бодрым. Сразу было заметно, что сейчас, в середине лета, Светка на работе не зашивается и вполне искренне рада ее слышать.

– Ир, ты, что ли? Привет! Я тебя не узнала сразу... Наверное, богатой будешь!

– Ага, буду непременно... – рассеянно ответила она.

Подруга тараторила без умолку:

– Куда пропала-то? Сто лет тебя не видела, не слышала! Волновалась даже, что у тебя там и как. Ты давай рассказывай, как дела, что нового!

– Да все нормально... – нехотя ответила Ирина. Просто так болтать «за жизнь» ей почему-то совершенно не хотелось. А Светка, как нарочно, все не унималась:

– Ой, я тут в отпуск съездила! Турция надоела, в Египте жарко, в Греции леса горят, так я решила – махну на Канары! Там на пляжах песок черный, представляешь? И парк есть такой – просто чудо! Попугаи на свободе летают, фламинго гуляют, дельфины...

Кажется, про Канары она готова была рассказывать бесконечно. В другое время Ирина бы сначала слегка позавидовала, а потом постаралась расспросить подругу как можно подробнее обо всем – сколько стоит тур, где покупала, в каком отеле останавливалась, про рестораны, магазины, экскурсии... И все – чтобы постараться сподвигнуть Виктора на такую поездку. Глядишь, и сами слетали бы куда-нибудь!

Но сейчас эти разговоры только утомляли и раздражали ее. Какой смысл отправляться куда-то за тридевять земель, потратив бешеные деньги, чтобы поплавать в море и поглазеть на попугаев? Светка давно уже не девочка, а все скачет, словно попрыгунья-стрекоза. Курорты, пляжи, дискотеки, мимолетные романы... Давно уже пора бы стать серьезнее!

Ирина наконец решила вставить слово в поток впечатлений:

– Света, я хотела тебя попросить... Телефон Альвины у тебя сохранился? Ну, той самой, ты мне в прошлый раз давала.

– Альвины? – Света как-то сразу осеклась, и голос стал сухо-деловым. – Да, конечно есть. Подожди, сейчас найду.

На том конце провода воцарилось молчание, и только слышно было, как шелестят какие-то бумаги. Ирина покорно ждала и очень боялась, что подруга и сама потеряла нужный телефон. Что тогда делать?

– Нашла, записывай!

Ирина схватила ручку и принялась тщательно выводить цифру за цифрой. Продиктовав номер, Света осторожно спросила:

– А ты... так и не собралась к ней?

– Собралась, – сухо ответила Ирина, – теперь только деньги отдать надо.

– Значит, все получилось? И Виктор больше не гуляет? Ну, молодец, поздравляю!

– Да, все нормально, спасибо тебе, – получив требуемое, Ирина уже торопилась закончить этот разговор, – извини, говорить сейчас долго не могу, на следующей неделе созвонимся.

– Ну хорошо... – немного обиженно протянула Света, – если ты так занята, то конечно. На следующей так на следующей.

Ирина повесила трубку. Она вовсе не хотела быть грубой, но почему у некоторых людей совершенно отсутствует чувство такта? Та же Светлана, к примеру... Занята только собой и даже мысли не допускает, что у других людей могут быть собственные проблемы, когда совершенно не хочется слушать ее истории про попугаев и фламинго?

Некая часть ее сознания понимала, что она была не права, что не стоило бы отталкивать единственного человека, который искренне стремится ей помочь, и, в конце концов, к Светке она несправедлива. Ирина знала, что рано или поздно почувствует угрызения совести, захочет все исправить, позвонит ей снова и, может быть, извинится и постарается объяснить свое поведение... Но сейчас это было не важно. Хотелось поскорее связаться с Альбиной, чтобы покончить с неприятным, но необходимым делом. Все остальное – потом.

Она посидела немного, обдумывая предстоящий разговор, и набрала номер Альвины.

– Альвина? Здравствуйте, это Ирина Соловьева, вы меня помните?

– Да.

Голос ее был совершенно спокоен – впрочем, как и всегда. Ирина снова смутилась, заранее заготовленные фразы мигом вылетели у нее из головы. Повисла неловкая пауза. Первой молчание нарушила Альвина.

– Что вы хотите? – спросила она так же невозмутимо.

– Я хотела бы деньги вам отдать. За сеанс.

– Хорошо. Когда вас ждать?

Отлучиться из дому, тем более надолго, лучше всего днем, когда Виктор на работе. Ирина уже хотела было сказать, что может приехать часов в одиннадцать – двенадцать, но вместо этого, неожиданно для себя самой, ляпнула совсем другое:

– Когда вам удобно... Я свободна, в любое время могу.

Собственный голос показался таким жалким, неуверенным и робким, словно она не деньги собралась отдавать, а просить в долг без отдачи. «Разве можно так унижаться? – промелькнуло в голове. – Когда ты, наконец, научишься разговаривать с людьми?» На мгновение Ирине показалось, что рядом с ней находится какая-то совсем другая, новая женщина – сильная, мудрая и спокойная. Такая, какой могла бы стать она сама – и не стала...

Она прекрасно понимала, что стоило бы прислушаться к этому новому внутреннему голосу и вести себя по-другому, но все равно продолжала покорно ждать, что скажет Альвина.

– Тогда завтра в десять вечера, – отрезала она и отключилась.

Да уж, колдунья не утруждает себя излишней любезностью! Ирина еще долго сидела зачем-то с трубкой в руке. Она была недовольна собой. Ну как можно быть такой размазней? Все время идти на поводу у кого-то, жить чужой волей и не сметь заявить о собственных планах. А в результате – сплошные проблемы, как сейчас, например. Время выбрано совершенно неподходящее. Во-первых, в восемь Виктор вернется с работы, и как она сможет объяснить ему, куда собралась уходить на ночь глядя? Еще заподозрит, что она отправилась к любовнику! Хотя это вряд ли. Уж себе-то можно признаться, что ему совершенно все равно и он с трудом замечает ее присутствие. Так только – подать ужин, постелить постель, вымыть посуду...

Но даже не это главное. Ходить по городу в такое позднее время ей вовсе не хотелось. Она и так-то всю жизнь считала себя трусихой, боялась грабителей, маньяков и просто пьяных, а теперь, после своей ночной вылазки в лес, о которой так не хотелось вспоминать, и вовсе старалась не выходить из дому после наступления темноты.

А теперь вот снова придется, раз сама напросилась. Ничего не поделаешь, в десять так в десять. Ну да ладно, ничего, ведь это – в последний раз!

Ирина вернулась в кухню. После разговора с колдуньей она чувствовала себя усталой и разбитой, но готовить-то все равно надо! Как говорится, война войной, а обед по распорядку. Она снова посмотрела на мясо, истекающее соком на тарелке, и принялась решительно греметь кастрюлями и сковородками.

Нет, все-таки лучше бефстроганов!

К вечеру жара ничуть не спала, но небо затянули низкие свинцово-серые тучи. В воздухе повисла тяжелая, давящая духота. Парило невыносимо. Ветер гонял по земле клубы пыли, и понятно было, что вот-вот разразится гроза. Редкие прохожие опасливо поглядывали на небо и, ускоряя шаг, спешили поскорее добраться до дому.

Только рыженькой девушке в ярком топике, что почти бежит по улице, все как будто нипочем. Волосы разметались по плечам, зеленые глаза сверкают, и, кажется, каждая веснушка искрится, словно солнечный зайчик. Что ей гроза, ураган, тайфун, землетрясение!

Наташа Орлова летела как на крыльях, не чувствуя ног под собой. Еще бы! Такое событие... Поступила! Поступила! Столько трудов и тревог осталось позади, зато теперь она – студентка, да не простого вуза, а МГУ, самого престижного учебного заведения в стране! Просто самой не верится.

Сегодня утром Наташа пришла к заветным дверям с замиранием сердца. Списки обещали вывесить к одиннадцати, но почему-то их там еще не было. Парни и девушки маялись от жары и скуки и коротали время кто как мог. Одни курили, травили анекдоты, кое-кто уже успел сбегать за пивом, им как будто все было нипочем! Другие волновались, просто стояли и ждали, словно боясь спугнуть свою удачу.

Солнце палило немилосердно. Платья и рубашки, промокшие от пота, прилипали к спинам, но те, кто прошел экзаменационный марафон до конца, держались стойко, и домой никто не спешил. Как тут уйти, когда, можно сказать, судьба решается? Именно сейчас выяснится, кому из них суждено окунуться в веселую и шумную студенческую жизнь, одержав первую в жизни победу, а кому – уйти ни с чем, чтобы снова и снова штурмовать эту высоту или просто смириться с клеймом неудачника. Можно, конечно, выбрать институт попроще, куда конкурс не такой высокий, как не раз осторожно советовала мама, но Наташа решила твердо – хотя бы раз она должна попытаться! Лучше жалеть о сделанном, чем о несделанном.

Все эти дни Наташа так переживала, что даже толком спать не могла. Мама отпаивала ее валерьянкой и уговаривала, что на одном университете жизнь не кончается, если что – можно попробовать на следующий год, она же не парень, в конце концов, ей в армию не идти... И вообще, все будет хорошо, будет непременно, она ведь такая замечательная девочка, самая умная и талантливая на свете!

Но мамины утешения помогали мало. За время экзаменов абитуриенты успели не то чтобы подружиться, но познакомиться. Наташа уже знала, что папа Нины Ганской – успешный бизнесмен, мама Саши Старикова работает в мэрии, а у Валерки отец вообще фээсбэшник... По тому, как небрежно подрастающие отпрыски обращались с деньгами, на каких машинах приезжали, как одеты были девушки, видно было, что они ни в чем не привыкли знать отказа.

Среди этой поросли золотой молодежи Наташа себя чувствовала не очень уютно. В самом деле, кто они и кто она? У нее только мама, трудится бухгалтером в небольшой фирме, да бабушка-пенсионерка, и лишних денег в семье нет. В жизни ей придется рассчитывать только на себя. Она хорошо это понимала и старалась изо всех сил – записалась на подготовительные курсы и дома занималась каждую свободную минуту... На экзаменах было очень страшно – а вдруг да попадется особенно сложный вопрос?

И все-таки ей повезло. Словно кто-то нарочно подкладывал билеты, которые Наташа знала особенно хорошо! Несмотря на волнение, отвечала она вполне уверенно и на экзаменаторов, кажется, сумела произвести благоприятное впечатление. Та седая тетенька с высокой прической, что ставила ей в экзаменационный лист заслуженную пятерку по истории, одобрительно кивала и улыбалась, когда Наташа, увлекшись, начала излагать гумилевскую теорию этногенеза...

Если бы не та несчастная четверка за сочинение, ей бы вообще не о чем было волноваться. А теперь она впритык укладывалась в проходной балл, а конкурс-то о-го-го! Наташа прекрасно понимала, как много значат деньги и связи. Уж конечно, побольше, чем хорошее знание школьной программы... И все равно – никто не может запретить человеку надеяться на лучшее. Может быть, не все в жизни продается и покупается? Может быть, и у нее есть шанс пробиться?

Наконец, в половине третьего, стуча каблучками, вышла девушка из деканата и принялась развешивать листки на стенде. Заждавшиеся абитуриенты ринулись туда и тут же

принялись жадно высматривать себя. Есть или нет? Повезло – не повезло? Со всех сторон раздавались то радостное «йес!», то нечто вовсе непечатное.

Протиснувшись между высоким парнем в драных джинсах (не абы как драных, а *правильных*, из дорогого магазина!) и девушкой со смешными косичками а-ля Пеппи Длинныйчулок, Наташа наконец-то увидела заветные списки. Ольховская, Ольгерт, Онучева... Хотелось крикнуть – а где же я? Она уже готова была разреваться и убежать, когда в самом низу страницы увидела: «Орлова Наталья Юрьевна».

В первый момент ей казалось, что сердце выскочит из груди от радости. Наташа зажмурилась на мгновение, потом потрясла головой и снова открыла глаза. Она словно хотела убедиться, что все это не сон и собственная фамилия в числе избранных действительно красуется здесь!

И это действительно оказалось правдой. Насмотревшись, Наташа отошла в сторону, достала мобильник и дрожащими от волнения руками принялась набирать домашний номер.

– Алло! Бабуля, привет. Представляешь, я поступила!

– Правда? Вот и умница, слава богу.

Голос у бабушки звонкий, молодой. По телефону ее часто путают с Наташиной мамой. Хотя к внучкиным устремлениям она относилась без особого энтузиазма, повторяя «лишнее учение только во вред идет», но сейчас чувствуется, что она рада.

– Домой-то скоро придешь?

– Ну... не знаю даже.

Наташа замялась. Давным-давно они с Катей – ближайшей школьной подругой – договорились о том, что, если Наташа поступит в университет, это событие надо непременно отметить в кафе «Баллантайн». Катя почему-то просто обожала это заведение.

– Бабуль, ты извини, у меня тут еще дела... И с Катей надо повидаться, книжку ей отдать, ты же помнишь, я брала, когда к экзаменам готовилась...

Наташа немного стеснялась этой маленькой лжи, но что поделаешь, если уж обещала! И правду сказать неудобно...

К счастью, бабушка, кажется, вовсе не обиделась.

– Ну и хорошо! Значит, на рынок сходить успею, пирог испеку к вечеру... Ну и к Троице зайду, свечку за тебя поставлю.

С тех пор как неподалеку от дома построили небольшой храм (говорят, на пожертвования бывшего авторитетного бандита, который, чудом избежав смерти от пули конкурента по криминальному бизнесу, уверовал в Бога и часть доходов непременно отдает на добрые дела), бабушка ходит туда регулярно.

Подумав о бабушке, Наташа на мгновение замедлила шаг. Сейчас она, наверное, уже кладет поклоны перед иконами, молится, тихо шевеля сухими губами, а потом положит записочку «за здоровье рабы Божьей Натальи» и пойдет на рынок, тяжело ступая и опираясь на палочку...

Наташа немного волновалась за нее – все-таки в такую жару выходить из дому старому человеку опасно, может давление подскочить или с сердцем стать плохо, но разве бабулю остановишь! Она всю жизнь верующая, даже в тюрьме из-за этого сидела когда-то. Рассказывать об этом Полина Алексеевна не любила, и, когда Наташа случайно нашла в альбоме с фотографиями пожелтевшую, истертую на сгибах бумажку с почти нечитаемым машинописным текстом, она не поверила своим глазам. Вверху страницы было написано «Справка об освобождении»...

Невозможно было даже представить, что бабушка, такая добрая и справедливая, могла совершить преступление! Но когда та зашла в комнату и застала ее с этим листком в руках, лицо у нее сразу изменилось, стало какое-то жесткое и суровое. Наташа почувствовала себя неловко, словно ее застукали на месте преступления, но все же осмелилась спросить:

– Бабуля, ты что, правда...

Она не решилась выговорить «сидела в тюрьме», но бабушка спокойно ответила:

– Да, было такое.

– За что?

– За веру, девочка, за веру. Положи, где взяла, и не трогай больше.

Наташа послушно сложила вчетверо ветхий листок и совсем тихо спросила:

– Неужели за это судили?

– Тогда за все судили, – сухо ответила бабушка, и Наташа поняла, что лучше к этой теме не возвращаться.

Вот и кафе. Наташа толкнула тяжелую дверь с вычурной бронзовой ручкой под старину и вошла внутрь. Здесь работал кондиционер, и после раскаленного пыльного воздуха повеяло живительной прохладой. Хоть отдышаться можно!

Катя опаздывала. Наташа уселась за столик возле входа, чтобы не пропустить подругу, заказала себе колу (пить хотелось просто ужасно!) и стала ждать.

Посетителей почти не было. Только в дальнем углу ворковала какая-то парочка, да у окна сидел высокий темноволосый парень, несмотря на жару, одетый во все черное. Наташа невольно залюбовалась им. Хорош... Действительно хорош! Гордая посадка головы, широкие плечи, темно-каштановые чуть взлохмаченные волосы и – голубые глаза. Кожа тронута золотистым загаром – наверное, успел отдохнуть где-нибудь на море. На вид лет двадцать пять, может, двадцать восемь, фигура стройная, спортивная, но главное – в каждом движении, в повороте головы чувствовались спокойная сила и уверенность в себе.

Наташа поглядывала на него искоса, потом, как бы случайно, встретила с ним глазами – и аж мурашки по спине побежали. Взгляд был такой ласковый, обволакивающий – и в то же время было в нем что-то тревожащее, властное, почти гипнотическое. Наташа чувствовала его на себе почти физически, словно прикосновение горячих рук.

«Кажется, я ему нравлюсь! – подумала она. – Наверное, сейчас подойдет, захочет познакомиться...».

Наташа от души пожалела, что не успела утром накраситься как следует. Она поправила волосы, чуть одернула юбку, сняла неизвестно откуда взявшуюся пушинку, приставшую к футболке...

«А может, это моя судьба? – мелькнула в голове непрошенная мысль. – Если беда не приходит одна, то и счастье, наверное, тоже... Было бы просто здорово в один день и в университет поступить, и познакомиться с таким парнем!»

Наташа мечтательно улыбнулась – и принц за соседним столиком улыбнулся ей в ответ. Он поднял свой стакан с соком, как будто чокаясь с ней, выпил до дна, поставил стакан на стол... Вот сейчас, кажется, уже решился подойти познакомиться! Наташа замерла в ожидании. Он уже встал и сделал шаг по направлению к ней...

И тут все надежды рассыпались в прах.

В кафе вошла новая посетительница – высокая загорелая крашеная блондинка «модельных» параметров. Наташе всегда казалось, что такие девушки встречаются только на обложках глянцевого журналов, а вот поди ж ты, по улицам ходят... Странно даже. Талия девушки была такой тонкой, что ее, казалось, можно было охватить пальцами, узкие джинсы, низко сидящие на бедрах, открывали на всеобщее обозрение безупречно плоский живот с пирсингом в пупке, а в вырезе трикотажной кофточки с модным принтом от Пуччи виднелась такая грудь... Даже завидно стало.

Увидев ее, парень замер на месте на секунду, словно споткнувшись о невидимую преграду, и больше не смотрел на Наташу, словно она перестала для него существовать, превратилась в пустое место. Теперь все его внимание было занято незнакомкой.

Она тоже почувствовала на себе его взгляд – тряхнула длинными волосами и остановилась у барной стойки как будто в нерешительности. Молодой человек подошел к ней, обаятельно улыбнулся, потом перемолвился несколькими словами и подозвал бармена. Тот кивнул, достал бутылку мартини, налил в маленький стаканчик, булькнул туда кубик льда и протянул очаровательной посетительнице. Пока она пила, парень наблюдал за ней с улыбкой и что-то рассказывал, а девушка слушала его вполне благосклонно и только изредка отрывалась от своего стакана, чтобы поддержать беседу. Наташа не слышала, о чем они

говорили, но по лицу этой красотки было вполне понятно, что она не прочь продолжить знакомство. Когда на дне остался только чуть подтаявший кубик льда, он наклонился к ней, что-то шепнул на ухо. Девушка улыбнулась, кивнула, и они вместе вышли на улицу.

Наташа видела, как пара направилась к машине – темно-синему «фольксвагену». Не «мерседес», конечно, не «бентли» или «порше» – удобный, спокойный, не слишком дорогой автомобиль. Именно на таком должен ездить уважающий себя молодой человек... Он галантно распахнул перед своей спутницей дверцу и только потом сел за руль сам. Сразу видно хорошее воспитание!

Машина скрылась из вида, а Наташа еще долго смотрела ей вслед и думала про свое несостоявшееся счастье. Конечно, она понимала, что мимолетная встреча – это еще не судьба, что таких, как она, у него, наверное, десятки, если не сотни, что бегать за мужчиной недостойно порядочной девушки, и если ему нужна раскрашенная «гламурная» кукла – то скатертью дорога...

И все-таки было обидно.

Настроение у Наташи совсем упало. Куда только девалась недавняя радость? Сейчас она казалась себе такой серенькой, убогой, несчастной... А главное – обреченной на пожизненное жалкое и скучное прозябание. Как мама, которая в конце месяца вздыхает, пересчитывая остатки зарплаты, и выгадывает на всем, чтобы купить новое пальто или сапоги. Лет через двадцать и она станет такой же. Не будет в ее жизни ни прогулок на яхте где-нибудь в Средиземном море, ни цветущих каштанов в Париже весной, ни номеров в шикарных гостиницах с шелковыми простынями... Смуглый голубоглазый красавец останется такой же несбыточной мечтой. Если кто-то и появится рядом, то, скорее всего, им окажется унылый очкарик, каких называют «ботанами».

А где-то рядом ходят совсем другие девушки – красивые, смелые, обеспеченные... Им доступно все, о чем она может только мечтать.

«Ну чем, чем она лучше меня? – тоскливо думала Наташа. – Хотя, конечно... Она выглядит как модель, а я что? Самая обыкновенная, и одета с вещевого рынка, наверное, это сразу заметно...»

Она с грустью покосилась на свою кофточку и юбку. Да уж, Черкизон¹ – он и есть Черкизон. Такой красавчик, пожалуй, и рядом с ней пройтись постесняется! Это только в сказках рядом с Золушкой однажды появляется принц, а в жизни все обстоит совсем иначе. Остается только признать, что они – люди совсем разного круга! У него, наверное, обеспеченные родители, квартира в центре города, а не в многоэтажке на окраине, где у подъезда вечно тусуются местные алкоголики, а из окна МКАД видно и вечный шум и пыль от проезжающих автомобилей...

Наташа вздохнула и повернулась спиной к окну. Может, и правду мама говорит, что нельзя иметь все и сразу? Или, может быть, «мужчина ее мечты» и эта модельная дылда давно знакомы и просто договорились встретиться здесь сегодня? Слишком уж легко она пошла за ним...

Хотя с другой стороны – какая бы отказалась?

Она уже готова была встать и уйти, но тут на пороге кафе появилась Катя. Она стояла, рассеянно озираясь вокруг, близоруко щурила глаза, пока Наташа не махнула ей рукой. Узнав ее, подруга заулыбалась, замахала в ответ... «Вот глупая! – с неожиданным раздражением подумала Наташа. – Плохо видит, а очки не носит. Хоть бы линзы себе заказала, что ли, а то ходит как ежик в тумане!»

Тем временем Катя подошла к столику и уселась напротив.

– Привет, Наташка! Ну, поздравляю. Давай рассказывай, как все было, – потребовала она.

– Ну, тут и рассказывать особо нечего... – протянула Наташа. Поступление в

¹ Имеется в виду Черкизовский вещевой рынок в Москве.

университет стало казаться ей уже не таким значительным и важным событием, как всего пятнадцать минут назад. – Пришла, посмотрела списки, увидела свою фамилию. Волновалась, конечно, но экзамены-то я сдала вполне прилично! Ты же знаешь – две пятерки, одна четверка, так что в проходной балл уложилась.

– Ой, Наташка, ты молодец, я тебя поздравляю! Вот и мне бы так...

Катя мечтательно закатила глаза. В науках она не блистала, даже репетиторы, что нанимали ее родители, не очень-то помогли, потому теперь на семейном совете было решено: образование для девочки не самое главное в жизни! Надо получить нормальную профессию, замуж выйти и детей рожать. Осенью Катя идет в колледж – учиться на повара, и теперь уже понятно, что их пути расходятся навсегда и старой детской дружбе вот-вот придет конец. Но сейчас, в это последнее лето, когда они еще не взрослые, но уже и не дети, так хотелось почувствовать эту близость, когда подруги становятся ближе родных сестер, когда понимают друг друга с полуслова и делятся всеми секретами...

Катя порывисто чмокнула ее в щеку.

– Давай по этому случаю – шампанского, а?

– Давай!

Скоро на столе появилась бутылка с обернутым серебряной фольгой горлышком. Официант разлил шампанское по бокалам, и на языке зашипало от холодных пузырьков... Казалось, что веселое игривое вино течет в крови, мягкими толчками отдаваясь в голове. Они с Катей болтали, смеялись, вспоминая школу, одноклассников, директрису Изольду Викторовну, и совсем скоро Наташа совершенно позабыла о красивом незнакомце, так взбудоражившем ее воображение.

Они вышли из кафе, когда время уже подползало к одиннадцати. Наташа спохватилась только тогда, когда ей на мобильник позвонила встревоженная мама. Да, конечно, банкет пора заканчивать. Еще ведь и домой надо добраться!

Не успели девушки дойти до метро, как где-то вдалеке послышался удар грома. С потемневшего вечернего неба упали первые тяжелые капли дождя.

– Катька, давай быстрее! А то сейчас как ливанет... – торопила подругу Наташа. Чуть полноватая, медлительная Катя с трудом поспевала за ней.

Но поздно. Дождь хлынул сплошной стеной, и через несколько секунд они вымокли до нитки. В небе сверкали молнии, но почему-то это было совсем не страшно, а, наоборот, очень весело! Они бежали под дождем, смеялись и дурачились, и гроза казалась Наташе чем-то вроде праздничного салюта. Теплые упругие струи как будто смывали все плохое и неприятное – и страхи, и волнения, и горечь неосуществленных надежд...

Наташа явилась домой за полночь, мокрая, улыбающаяся и счастливая. Мама и бабушка поахали немного, напоили ее горячим чаем с бабушкиным пирогом и отправили спать. Уже засыпая в своей постели, она снова вспомнила темноволосого красавца, но теперь он казался таким далеким, как Том Круз или Леонардо Ди Каприо, и обида не жгла ее сердце. «Ну, нет – и не надо! – решила Наташа. – У меня еще все будет! Все ведь только начинается...»

Она сладко потянулась под одеялом и стала думать о том, что в сентябре начнутся занятия, что к этому времени надо непременно сделать перестановку в комнате, купить новые туфли, завести хороший ежедневник и начать копить деньги на компьютер... Конечно, это стоит недешево, но, может быть, поговорить с мамой, чтобы она согласилась взять его в кредит? Ведь теперь она не просто школьница, а студентка, и ей хороший компьютер был бы очень нужен! Да и маме самой станет проще сводить свои балансы.

А пока лето еще не кончилось, и можно спокойно, с чистой совестью отдохнуть. Например, поехать к Кате на дачу, почитать любимые книги, просто побездельничать...

Думать обо всем этом было приятно, и Наташа незаметно заснула. Сон ей приснился какой-то непонятный и путанный. Она была в том же кафе, но почему-то здесь ей снова нужно было сдавать экзамены и тянуть билеты, да так, чтобы не ошибиться. За столом сидит строгий экзаменатор, лица его Наташа не видела, оно было в тени, но почему-то очень его

боялась. Какая-то часть ее сознания понимала, что здесь речь идет не о поступлении в институт, а о чем-то куда более важном! Может быть, о самой жизни. Надо решиться, медлить дальше нельзя. Вот и белый прямоугольник в руках... Она хотела было посмотреть на билет – и проснулась.

Вокруг было темно. В окна барабанил дождь, и молнии сверкали так, что сквозь занавеску видно. Наташа почувствовала странное, смутное беспокойство. С чего бы только – непонятно... Ведь все хорошо вроде! Она накрылась одеялом с головой, как делала, когда была совсем маленькая. В таком «домике» было тепло и уютно, и места хватало только для нее одной, а все, что происходит снаружи, больше не пугало и не тревожило. Постепенно она заснула снова, крепко и спокойно, и больше в ту ночь ей ничего не снилось.

Наташа Орлова действительно поступит в университет, но не закончит – уйдет с третьего курса после рождения первенца. Сейчас она бы очень удивилась, если бы узнала, что выйдет замуж за священника и станет матерью большого семейства, членами которого будет искренне считать не только собственных отпрысков, но и прихожан храма, где будет служить ее муж, отец Виталий. Но как говорится, неисповедимы пути Господни... Даже внешне Наташа изменится почти до неузнаваемости. Вместо джинсов и коротких ярких топики – скромное платье, вместо восторженных рыжих кудряшек – строгий пучок и белый платочек, но какая красота, какое достоинство появятся в ее лице! И недаром все окрестные жители, встречая ее на улице, будут останавливаться и почтительно здороваться, величая ее «матушкой». Она проживет еще долгую жизнь, в которой будут и горести, и радости, и бесконечные заботы...

До самой смерти Наташа так и не узнает, что свой самый счастливый билет она вытащила в тот жаркий летний день, когда незнакомый красивый парень ушел из кафе с другой.

Кажется, ничего не забыла.

Ирина придирчиво оглядела тщательно сервированный стол в гостиной. Теперь она решила твердо – хватит посиделок на кухне! И каждый семейный ужин старалась обставлять с некоторой торжественностью, чтобы все было красиво – и свежая льняная скатерть, и салфетки, и посуда, и начищенные до блеска серебряные ложки и вилки...

Ну и сама еда, конечно, должна быть безупречной. Сегодня ей пришлось немало потрудиться, зато обед удался на славу. Бефстроганов исходит вкусно пахнущим паром под крышкой в кастрюльке, молодая картошка, чуть обжаренная с лучком, как Витя любит, выглядит очень соблазнительно, клюквенный морс в хрустальном кувшине отливает рубиновым блеском...

Ирина старательно выкладывала на тарелку кусочки мяса, заливала соусом, посыпала укропом картошку. От еды поднимался манящий аромат, но ей самой есть почему-то не хотелось.

Виктор вышел из ванной, на ходу вытирая руки полотенцем. На лице его застыло странное, отсутствующее выражение, как у человека, занятого решением сложной задачи. Казалось, он не замечал ничего вокруг – наверное, поэтому небрежно отбросил полотенце в сторону и даже не заметил, что оно упало на пол. Ирина поспешно нагнулась, подняла и быстренько отнесла в корзину для белья.

Виктор уселся к столу, подцепил на вилку кусок мяса и стал жевать с таким же отсутствующим выражением лица. Ирина тоже принялась за еду, но почему-то вкуса не почувствовала. За все время, пока они ужинали, никто не проронил ни слова. Тягостное молчание висело в воздухе.

Понятно, почему Толик в последнее время так редко бывает дома! – вздохнула про себя Ирина. В такой атмосфере даже цветы вянут. Ну ничего, главное – семью сохранить, а там, глядишь...

Покончив с едой, Виктор так же молча отодвинул тарелку, встал и уселся на любимое место перед телевизором. Ирина быстро и ловко убрала со стола, отнесла на кухню посуду,

сложила скатерть... Она не сразу заметила, что муж беспомощно шарит руками по дивану. Почему-то в этот момент он казался похожим на робота со сбившейся программой из старого фильма.

– Витя, что с тобой?

– Куда подевался пульт? Почему в этом доме ничего найти нельзя?

На лице мужа появилась недовольная гримаса. Ирина поспешно принялась искать пропажу.

– Вот он, Витюша! Под подушку завалился.

Она очень старалась быть понимающей, терпеливой, покорной и нежной, особенно теперь, когда у них все стало налаживаться.

Виктор включил телевизор и, как всегда, начал перескакивать с одного канала на другой. Перед глазами мелькали то яркие тропические пейзажи, то умирающие деревни российского Нечерноземья, то «говорящие головы» из новостей. Тележизнь шла своим чередом – две блондинки из рекламы жвачки хозяйничали в чужих ртах каким-то аппаратом, похожим на большой пылесос, неземной красоты девушки с развевающимися длинными волосами бегали по пляжу, а какой-то страшный мужик в арестантской одежде рвал рубаху на груди с криком «Порешу гниду!».

Непрерывный и бессмысленный информационный поток изрядно раздражал. Хотелось выключить этот чертов телевизор и выбросить пульт в окно, но Ирина старалась не подавать виду. Она медленно перелистывала глянцевого журнала с картинками интерьеров, пытаясь сосредоточиться. Все-таки надо, наконец, что-то выбрать... Как нарочно, ей ничего не нравилось, и чужие дома, тщательно и со знанием дела запечатленные профессиональными фотографами, казались холодными и неудобными, как магазинные витрины. Ну да, может, и красиво, но разве кому-то захочется там жить? Ей – уж точно нет.

У Виктора во внутреннем кармане пиджака требовательно и громко зазвонил мобильник. Увидев номер, он недовольно поморщился, но все же ответил и сразу же зачем-то пошел в ванную с трубкой в руке.

Очень странно. Ирина сразу насторожилась и отложила журнал в сторону. Неужели снова появились какие-то секреты? Если так – она непременно должна знать, что происходит!

На цыпочках она прошла на кухню. Стена соседствует с ванной, и, если постараться, можно услышать, о чем говорят. Подслушивать было очень стыдно, но она ничего не могла с собой поделать. К тому же сейчас именно на кухне у нее уйма дел – надо навести порядок, помыть посуду...

Руки привычно мыли, протирали, расставляли, а сама Ирина как будто превратилась в слух. Каждый звук, доносящийся из-за закрытой двери, казался для нее невероятно важным. Виктор говорил тихо, но все же через тонкую стенку сквозь шум льющейся воды Ирина сумела разобрать слова:

– Нет. Не могу. Ну, я сказал – не могу сейчас! Да, объясню. Потом объясню. Оля, ну сколько можно! Да, сейчас не время. Созвонимся, конечно... Все, пока.

Услышав женское имя, Ирина почувствовала, как в голове начали стучать маленькие молоточки. Конечно, может быть, это всего лишь сотрудница или деловой партнер... Но сотрудницы не звонят в столь позднее время, если только в офисе не начался пожар или не случилось что-нибудь столь же экстраординарное. Опять любовница? Но он же сказал: «Не могу сейчас!» – значит, все-таки семья ему безразлична. Может, эта девица преследует его? Шантажирует? Или, не дай бог, конечно, нагуляла где-то ребенка и хочет повесить его Виктору на шею?

Нужно что-то делать. Может быть, попытаться поговорить с ним? Ведь когда-то они отлично понимали друг друга!

Когда муж вернулся в комнату и вновь уселся на диван перед телевизором, вид у него был удрученный и недовольный. Только сейчас Ирина впервые заметила, как одрябли его щеки и лысина, просвечивающая на макушке, стала заметно больше... Какой же он стал

старый! – подумала она. Неизвестно откуда к сердцу нахлынула почти материнская жалость. Хотелось обнять его, прижать к себе, погладить по голове, словно маленького. Она протянула руку, но, стоило ей прикоснуться к нему, Виктор высвободился резко, почти грубо:

– Ах, оставь меня, пожалуйста!

Ирина покорно отстранилась. От обиды слезы навернулись на глаза, но она изо всех сил старалась не поддаваться чувствам. Ну да, конечно, у них сейчас сложный период, но, может быть, просто нужно время? Как говорила мама когда-то, «все перемелется – мука будет». Вместе они справятся, справятся непременно! Нужно всего лишь немного доверия и теплоты, и тогда они снова станут близки.

Она старалась не обращать внимания на тихий, но внятный внутренний голос, который упорно твердил: нет! И ни к чему себя обманывать. Тут скорее уж не мука, а мука! В смысле – сплошное мучение.

И все равно, все равно... Никто ведь не обижается на капризы тяжелобольного, а тут почти то же самое! Видно, что человек страдает, и она непременно должна ему помочь.

Ирина подсела рядом, накрыла его руку своей и осторожно спросила:

– Витя... Я давно хотела с тобой поговорить.

– Ну, говори.

В голосе его звучала усталая обреченность. Куда, мол, от тебя денешься?

– Скажи, что с тобой происходит последнее время?

– Ничего не происходит, не выдумывай, пожалуйста.

– А кто тебе звонил сейчас?

Вот этого говорить явно не стоило. Виктор вскочил с дивана и нервно заходил по комнате.

– Только не надо сейчас начинать скандала! Не надо! Очень тебя прошу. И так проблем достаточно. Знаешь, что у меня на фирме творится? Одни проблемы! Со здоровьем теперь вот тоже... Пообедать толком не могу, сразу плохо становится! Бутербродами перебиваюсь! И дома покоя нет от твоих дурацких разговоров. Скучно тебе, да? Больше заняться нечем, кроме как меня доставать? А вот попробовала бы, как я, по двенадцать часов, чтобы ни дня, ни ночи не видеть...

Он снова плюхнулся на диван, словно вспышка активности отняла его последние силы, и попросил устало:

– И вообще... Ты уйди, пожалуйста, не мелькай, а?

Ирина видела, как побледнело его лицо, виски запали и в глазах появилось выражение тоскливой безнадеги. Она до боли прикусила губу и вышла из комнаты. На кухне осталось полно немытой посуды, надо еще убрать в холодильник остатки ужина, а тут еще и Толик задерживается... Где он только ходит в такое время?

– Привет, родители! – раздалось из прихожей.

Слава богу, пришел! Ирина вышла к нему навстречу, торопливо вытирая руки кухонным полотенцем.

– Привет! А что так поздно? Где ты был? Есть хочешь?

– Да так, гулял ребятами... И есть не буду, мы в «Макдак»² зашли.

Ирина собралась было разразиться целой тирадой насчет того, что надо не болтаться неизвестно где, а заниматься, ведь экзамены совсем скоро, что еда в «Макдональдсе» – чистая отравка и не стоило бы портить здоровье смолоду, а главное – хотела выспросить поподробнее, с кем сын проводит время и что они там делают, но... Сейчас она чувствовала себя такой усталой, разбитой, измученной, что педагогический пыл иссяк совершенно.

– Ну ладно, как хочешь... – только и сказала она.

Дверь в комнату сына закрылась перед самым носом. Ирина вернулась на кухню и

² Имеется в виду кафе «Макдоналдс».

снова принялась за свое занятие. Она мыла тарелки, по рукам струилась теплая мыльная пена, а по щекам текли слезы. Ну почему, почему все так неудачно складывается?

Нет, не надо думать об этом. Время позднее, она устала, лучше не мучить себя напрасными мыслями и тревожащими душу вопросами, на которые нет ответа. Лучше вымыть посуду, прибрать со стола – и спать...

А завтра начнется новый день, будь он неладен.

Ночью над городом разразилась настоящая буря. Ирина проснулась оттого, что под порывом ветра резко захлопнулось окно, да так, что стекла жалобно зазвенели.

Она вскочила с постели. Тюлевая занавеска развевалась, словно парус, надутый ветром, створка окна, что она оставила открытым на ночь из-за жары, хлопала снова и снова, а на подоконник ручьями лилась вода.

Ирина поспешно закрыла окно. Не дай бог, Виктор проснется, а ему рано вставать на работу! Мало разве давешней ссоры, не хватает еще новой вспышки раздражения. Она с беспокойством оглянулась на мужа, но тот мирно похрапывал, развалившись на кровати.

А самой Ирине что-то совсем расхотелось спать. Она еще долго стояла у окна, глядя, как гнутся под ветром деревья, как молнии сверкают в небе... Голубые сполохи напомнили ей о колдунье и ее магическом шаре. При одной мысли, что завтра (точнее, уже сегодня!) ей снова предстоит встретиться с этой женщиной, Ирина почувствовала, как во рту мигом пересохло и предательски задрожали колени.

Лучше бы, наверное, вообще никогда ее не видеть!

На мгновение полная луна блеснула из-за туч – и вновь скрылась. Ирина вспомнила ту ночь, когда шла через лес, обмирая от страха, вспомнила трепещущую осинку и янтарно-желтые глаза из темноты, так напугавшие ее... Тогда тоже было полнолуние!

Она с неожиданной обидой покосилась на мужа, так же безмятежно спящего. «Витя, Витя, какой же ты стал... Холодный, даже грубый, но самое страшное – чужой, совсем чужой. Иногда кажется даже – и не человек вовсе. Неужели ради него я проделала все это?» – с горечью думала Ирина.

Она прижалась лбом к холодному стеклу. Дождевые капли текли по нему, оставляя длинные мокрые дорожки, а ей казалось, что это вовсе не вода, а ее собственные слезы. Такие же холодные и бесконечные... Разве может человек столько плакать? Тем более сейчас, когда все случилось как она хотела – муж приходит домой, смотрит телевизор, ест приготовленные ею обеды и никуда не рвется по вечерам. Все выходные теперь проводит рядом с ней и денег не жалеет – вон, сразу же согласился на ремонт! Наверное, если теперь ей захочется купить норковую шубу или кольцо с бриллиантом, он тоже спорить не станет.

Но много ли от этого радости?

Глядя на ночное небо, на молнии, сверкающие тут и там, Ирина вдруг с ужасом поняла, что все это он делает *не по своей воле*! Невидимая, но мощная сила приковала его к дому, к семье, к ней самой крепче любых цепей. И теперь он будет страдать сам (еще бы! Кто же в неволе радуется?), будет мучить ее, бесконечно срывая раздражение, но не уйдет никогда и никуда.

Это неожиданное открытие так напугало ее, что Ирина задрожала всем телом. Совсем как та осинка в лесу, на холодном ветру... А сколько еще таких дней и ночей предстоит пережить?

Ирина представила на секунду, что пройдет еще десять, двадцать, может быть, даже тридцать лет – а она все так же будет обихаживать супруга, стирать, готовить, чтобы наткнуться на его больной, затравленный, ненавидящий взгляд. Так заключенный смотрит на тюремщика или дворовый пес, прикованный цепью к своей будке, – на злого хозяина.

Хотелось крикнуть – я не виновата! Она ведь и в самом деле не хотела ничего плохого, только пыталась оградить свою семью, свое счастье от чужого вмешательства! Разве это плохо – бороться за свою любовь, пытаться вернуть близкого человека? Неужели она должна была покорно смотреть, как он обманывает ее? Или отойти в сторону, чтобы не мешать,

проглотить обиду и ждать, пока сам образумится?

Хуже нет вопросов, на которые нет ответа! Теперь она точно знала только одно – ничего хорошего у нее не вышло. На секунду в памяти всплыло бледное лицо колдуньи, длинные черные волосы и низкий голос: «Тебе решать – тебе и отвечать за все».

Ирина сжала губы. Все так, все правда. Верно говорят: «Насильно мил не будешь», нельзя заставить полюбить себя, и никакое колдовство тут не поможет. Она сама совершила ошибку – и теперь расплачивается за нее полной мерой.

Но не век же каяться? Ведь поправимо все, кроме смерти! Ирина напряженно думала, как ей поступить дальше, и в этот миг сверкнула новая, ослепительная вспышка молнии. На миг она осветила все вокруг пронзительно-ярким светом, и в голове у женщины так же внезапно появилось решение.

Не нужно ей такого счастья. Она ведь не тюремщица, не садистка! Пусть Виктор живет как хочет, пусть уходит, в конце концов, если разлюбил ее и дома стало невмоготу... Но пусть он снова станет живым человеком, а не тенью самого себя!

Она пойдет к этой колдунье. Пойдет, как обещала, и деньги отдаст... В конце концов, она их честно заработала. А еще – попросит снять колдовство. Ведь если она умеет наводить чары, то должна уметь и снимать их! А потом... Что ж, будь что будет.

Странно, но эта мысль принесла ей некоторое успокоение. Осторожно ступая босыми ногами по холодному полу, Ирина вернулась в постель. Скоро она заснула снова, но даже во сне вздрагивала от каждого удара грома и куталась в одеяло, словно пытаясь защититься от какой-то непонятной, но совсем близкой опасности.

К утру дождь прекратился, и в небе сияло солнце. День должен быть жарким... Около семи часов пенсионер Албухин вышел в Лосиноостровский парк выгуливать свою собаку – бело-рыжую дворняжку Альму.

Поначалу настроение у старика было совсем никуда – ну, в самом деле, кому охота подниматься из теплой постели ни свет ни заря! Но что ж поделаешь, если скулит собака, просится на улицу, поскребывая входную дверь лапой для пущей убедительности. Пора, мол, хозяин! Солнышко встало уже, а ты спишь. Пришлось вставать, одеваться и, наскоро поплескав в лицо холодной водой, выходить из дому, ведя на поводке заждавшуюся псину.

Старик шел, шаркая разношенными ботинками по тротуару, а в душе плескалась досада, мутная и кисловатая, как позавчерашний суп. Эх, старость – не радость... Всю жизнь работал честно, а теперь что? Пенсия – гроши, только на хлеб хватает, жена умерла пять лет назад, сын с невесткой не зайдут навестить лишний раз... Все некогда им, понимаешь, то дела, то работа, то на дачу ехать, а что ему тяжело одному – всем плевать! Позвонят раз в неделю – и ладно. Еще небось ждут не дождутся, пока квартира освободится.

А тут еще новая напасть – собака эта самая. Внук Петенька притащил с улицы брошенного щенка. Пожалел, значит, ага... У невестки Ксении кругом ковры, мебель полированная, а звереныш начнет грызть все, лужицы опять же, шерсть кругом, и псиной пахнуть будет. Ей такое счастье совсем ни к чему, она сразу сказала – девай его куда хочешь! Так Петька и примчался – выручай, мол, дед! Ну, дед и растаял, дал слабинку... А теперь возись на старости лет – корми, гуляй, да еще и вредливая псина попалась – норовит то колбасу стащить со стола, то тапочки погрызть, то гадость какую-нибудь сожрать на помойке.

Вот и парк. Зелень, омытая ночным дождем, казалась особенно яркой, по небу плыли редкие белые облачка, и солнце еще не палило, а только пригревало землю. Кое-где в низинах еще видны были клочья утреннего тумана, на дорожках стояли лужи, но таким радостным и свежим выглядел мир в это погожее летнее утро! Казалось, что каждая травинка, каждый листочек тянутся к солнцу, радуясь хорошей погоде, теплу, и тихо переговариваются о чем-то друг с другом, шелестя о своем, о вечном...

Даже у старика плохое настроение постепенно прошло, испарилось, как мелкая лужица в жаркий день. Он шел, вдыхая свежий воздух, напоенный ароматами травы, земли и

прошедшего дождя. Хотелось распрямить спину, забыв про радикулит и высокое давление, улыбнуться солнцу, проглядывающему сквозь густую листву старых деревьев, смотреть на птиц, порхающих с ветки на ветку, на любопытных белок, слушать, как шелестит листва над головой...

Альма радостно резвилась в густой траве, то пыталась погнаться за бабочкой, то гавкала на ворону, усевшуюся на дерево, то сосредоточенно вынюхивала что-то, словно вообразив себя служебно-разыскной собакой.

Старик думал о том, как хорошо, что парк совсем рядом с домом – никакой дачи не надо! А еще сегодня вечером должны показывать футбол по телевизору, и сын обещался заехать в гости в конце недели, и Петенька закончил восьмой класс без троек, так что, может, выучится, человеком станет... Так что все совсем не так уж плохо, грех жаловаться.

Он так погрузился в свои мысли, что даже не заметил, как собачка вдруг пропала из виду. Спохватившись, он принялся тревожно оглядываться вокруг, но ее нигде не было.

Вот этого еще не хватало!

– Альма, Альма! Иди ко мне сейчас же!

Старик ускорил шаг, почти побежал. В этот миг он совсем забыл про радикулит, хрустящие суставы, давление... Ведь пропадет собачка в лесу! Она молодая еще, глупая, убежит куда-нибудь, а там или бродячие собаки загрызут, или бомжи зажарят.

Только сейчас он почувствовал, как дорога ему Альма. Ведь, пожалуй, она – единственное близкое для него существо! Домой приходишь – радуется, хвостиком виляет, в глаза заглядывает, с ней и поговорить можно, и на улицу погулять выйти лишний раз...

– Альма! Альма! Альма...

Старик снова и снова выкрикивал ее имя. Он совсем умаялся, когда, наконец, увидел бело-рыжий пушистый хвост, гордо поднятый, словно флаг. Вдоль тропинки тянулся неглубокий овражек, заполненный ветками, прошлогодними листьями и всяким мусором, и теперь собачка с любопытством обследовала его содержимое.

– Вот ты где, зараза эдакая! А ну, иди ко мне сейчас же! Фу, я сказал! Что ты там нашла?

Но Альма и не подумала послушать хозяина. Вела она себя очень странно – то рычала, то жалобно повизгивала и все рыла землю лапами, словно пыталась извлечь на свет божий что-то важное.

Ну нет никакого сладу с этой собакой!

Он подошел ближе, взял Альму за ошейник и только хотел было пристегнуть поводок, чтобы увести прочь упрямую животину, когда взгляду его предстало ужасное зрелище.

На дне овражка, чуть присыпанная ветками и землей, лежала мертвая девушка. Ее лицо посинело, а пустые открытые глаза глядели прямо в небо. Блузка разорвана в клочья, на груди заметны какие-то пятна, и шею пересекает уродливая темно-синяя полоса... В пупке блестела какая-то странная блестящая штучка, похожая на большую каплю росы в золотой оправе. На теле покойницы она выглядела особенно неуместно и дико.

На секунду старик почувствовал, как земля уходит из-под ног. Перед глазами потемнело и больно сдавило сердце...

– Что ж такое делается, Господи! Что же делается! – шептал он побелевшими губами.

Дрожащая рука с трудом нащупала валидол в кармане куртки. Старик положил таблетку под язык, подождал, пока лекарство подействует... Потом постоял немного, подумал – и достал старенький мобильный телефон. Сын, когда купил себе новый, подарил. Сказал еще – носи, мол, с собой, мало ли что...

Вот и пригодился.

– Алло, милиция? Тут такое дело...

Через час возле места происшествия стояла милицмейская машина, и вокруг тела девушки ходили хмурые, невыспавшиеся молодые люди.

Старик Албухин, приосанившись, польщенный вниманием к своей персоне, давал подробные показания:

– Ну, иду я, значит, никого не трогаю... А тут собака моя, Альма, убежала куда-то, роется там, скулит. Я подошел посмотреть, думал – падаль какую нашла, вижу – она лежит... Ну, девушка эта. Я сразу, конечно, вам звонить.

Впервые за долгие годы он чувствовал себя важным, значимым человеком и готов был говорить еще долго, но высокий оперативник с лицом наемного убийцы из второсортных американских фильмов довольно невежливо оборвал его:

– Ты, отец, протокол подпиши – и иди себе домой. Надо будет – вызовем.

– Да, да, конечно... – засуетился старик, – конечно, разве ж мы не понимаем...

Он неловко поставил закорючку внизу страницы и пошел прочь. Бело-рыжая собачка трусила следом, поджав хвост, словно страшное зрелище и ее не оставило равнодушной.

Никто не смотрел им вслед – слишком уж заняты были. Странно было видеть мужчин, суесящихся вокруг тела мертвой девушки, – одни что-то писали, другие осматривали все вокруг, заглядывая под каждый куст, водитель копался в моторе, уныло матерясь, и только она одна казалась совершенно безразличной к происходящему. Даже милиционеры старались не смотреть в искаженное предсмертной мукой, посиневшее лицо.

Медэксперт – сутулый мужик лет сорока, с рыжими усами, в потертом, выдавшем виды коричневом пиджаке – распрямил согнутую спину, стянул с рук резиновые перчатки и устало сказал:

– Можно забирать.

– Причина смерти? – Полноватый, коротко стриженный крепыш в синей прокурорской форме снял фуражку, утирая пот со лба.

– Асфиксия. Видишь след от удувки? Какой-то шнурок тонкий или что-то в этом роде. Ну и ожоги еще, синяки, пальцы сломаны... Похоже, ее пытали перед смертью.

– Изнасилование?

– Нет, вроде бы не похоже. Но подробности, как всегда, после вскрытия.

– Досталось же девчонке... – Высокий оперативник, тот, что только что отправил домой не в меру ретивого пенсионера, нервно прикурил сигарету, и видно было, что пальцы у него дрожат. – Сколько работаю, кажется, а к такому до сих пор привыкнуть не могу.

– Да уж, Серега, за девчонками теперь глаз да глаз нужен! Тебе-то хорошо, твои маленькие еще, а подрастут... – начал было следователь, но другой оперативник не очень вежливо остановил его:

– Помолчи. Ты лучше скажи, Михалыч, – обратился он к медэксперту, – давно она умерла? Ну, хотя бы примерно.

– Отчего же примерно, – отозвался он, – часов пять-шесть, не больше. Еще сегодня ночью барышня была в добром здравии. Если бы не старик этот... ну, который с собакой, ее бы сто лет тут не нашли.

– Понятно... Ну что, коллеги, какие версии? Ограбление? – преувеличенно бодро заговорил прокурорский сотрудник. Видно было, что и ему не по себе, и все же он изо всех сил старался показать себя крутым профессионалом. Кому надо знать, что раньше он занимался исключительно взятками – пока сам не попал под подозрение – и это убийство для него – первое?

– Да нет, на грабеж не похоже.

Молодой парень, похожий на Иванушку-дурачка из детских сказок, протянул следователю маленькую лакированную сумочку.

– Вот, смотрите, паспорт, кошелек, ключи – все на месте. Денег почти пять тысяч, кредитка, мобильник опять же... Даже брюлики в ушах целы. Вор бы точно не побрезговал.

– Ну, хоть личность устанавливать не придется, – покопавшись в сумке, следователь раскрыл красную книжицу, – значит, Тихорецкая Анастасия Игоревна, восемьдесят пятого года рождения... Проживала на проспекте Вернадского. Кой черт ее сюда-то занес? Да еще в такую погоду? Не гулять же она пришла?

– По моему скромному разумению, наш злодей и занес, – отозвался медэксперт.

– А почему вы так думаете?

– Не здесь ее убили. Видишь – грязь кругом, ночью дождь был, а на ногах – ничего! Туфли лакированные, а в них – хоть смотрись. Так только, чуть забрызгало. И каблук высокие, а грязи на них почти нет. Земля мягкая, если бы сама шла, хоть совсем немного – угваздалась бы по самое не балуйся. Не на крыльях же она сюда прилетела? Значит, привез кто-то.

– Следы есть?

– Да какое там! Дождь все смыл.

Высокий оперативник, которого звали Серегой, пожал плечами:

– Ну что ж, надо связи отрабатывать, девочка-то, видать, не простая была.

– Надо-то надо, только...

Медэксперт зачем-то копался в своем потертом, выдавшем виды чемоданчике, словно искал там что-то важное – и никак не мог найти.

– Что – только? Ты, Михалыч, договаривай, не томи!

Тот помолчал недолго и ответил как будто неохотно, глядя в сторону:

– Серия это, мужики. Помяните мое слово. Я такие дела печенкой чувю.

Его слова повисли в воздухе, словно облако тяжелого, удушливого дыма. И пока тело, накрытое простыней, грузили в машину, оперативники стояли хмурые, курили, не глядя друг на друга. Все понимали, что значит «серия». Если человека убили из мести, ревности или хоть из-за денег, то разыскать злодея возможно. Ищи, выясняй, кому убиенный мог перейти дорогу, кому была прямая выгода от его смерти, и в конце концов выйдешь на убийцу.

Другое дело – маньяк... Понять его логику – дело почти безнадежное, и убийство красотки в лесополосе автоматически превращается в глухой «висяк», который заметно портит статистику раскрываемости и отношения с начальством. А если какой-нибудь ушлый журналист об этом пронюхает – тут вообще неприятностей не оберешься.

Но главное... Где-то совсем рядом на свободе гуляет нелюдь, одержимый манией убийства. А значит – надо ждать новых сюрпризов.

В комнате, затянутой черным бархатом, было прохладно и тихо. Ни один лучик солнца, ни звук, ни запах не проникают сюда снаружи. Горят свечи, вставленные в массивные старинные канделябры, да вьется легкий дымок над бронзовой курильницей.

У стола, заваленного пожелтевшими старинными рукописями, сидел высокий статный мужчина с короткой светло-русой бородой. Он молчал, глядя в пространство, лицо его было спокойно и даже безмятежно, но в глубине ярко-синих глаз притаилось такое, чего лучше бы никогда не видеть обычному человеку.

Он жил на свете так давно, что даже имя свое забыл много лет назад. Да и к чему оно ему? Те немногие, составляющие близкое его окружение, почтительно именовали его Грандмастером, а остальным и знать незачем³. Во все времена магия была и остается тайным делом, а ею он занимался, сколько помнил себя. За долгие годы он видел многое – люди рождались и умирали, приходили и исчезали в небытие земные владыки, целые империи рассыпались в прах, так что даже имени от них не оставалось...

Неизменным оставалось лишь одно – человеческая природа. Настолько загадочная, противоречивая, что понять ее гораздо сложнее, чем проникнуть в самые сокровенные тайны мироздания! Гранд мастер до сих пор не уставал удивляться, как прихотливо сочетается пытливый ум – и всепобеждающая глупость, неистребимая жажда жизни – и тяга к саморазрушению... Только человеку может быть свойственна безоглядная смелость, когда ради того, во что веришь, можно пойти на костер и на плаху, – и липкий страх, что заставляет подличать и лгать, предавать и себя, и самых близких и в последний смертный миг целовать руки своим палачам в безумной надежде – а вдруг пощадят? Только он может жертвовать собой ради других – и безжалостно убивать себе подобных, без усталости искать

³ Подробнее историю Грандмастера читайте в романе В. Борисовой «Окно в пустоту».

тайное знание – и тут же непременно употребить его себе же во вред... Воистину темна душа человеческая!

Наверное, этого никому не дано понять до конца, даже ему.

Чуть шевельнулась тяжелая бархатная портьера, словно кто-то стоит за ней и не решается войти. Грандмастер прислушался, повернул голову и негромко сказал:

– Входи, Тринадцатый! Я знаю, что ты здесь.

Портьера колыхнулась снова, и из-за нее появился высокий, очень худой молодой мужчина.

Он выглядел смущенным, неловко переступая по ковру длинными ногами, непрерывно тербил рукав рубашки, смотрел куда-то в пол, словно школьник, застигнутый за недозволенным занятием.

– Прости, учитель. Я не хотел мешать твоим размышлениям, но...

– Так что же привело тебя сюда? – строго спросил Грандмастер. – Садись и рассказывай.

Его собеседник опустился в тяжелое резное кресло с высокой спинкой и заговорил медленно, тщательно подбирая слова:

– Сегодня ночью погибла девушка. Утром ее нашли в парке...

На секунду в воздухе возникло призрачное видение – деревья, старик с собакой и мертвое тело в овражке... Видно было как будто сквозь легкую кисею, чуть подсвеченную разноцветными фонарями.

– Мастер, это не простое убийство.

Тринадцатый вымолвил это тихо, но твердо.

По лицу Грандмастера на миг пробежала тень. Он сделал легкое движение рукой, словно разгоняя дым, – и видение исчезло.

– Ты забыл наш закон? Мы не можем вмешиваться в людские дела... Без крайней на то необходимости. Тебе, Тринадцатый⁴, это должно быть известно лучше, чем кому-либо другому.

Голос его звучал мягко и в то же время строго. Тринадцатый опустил голову.

– Знаю, Мастер. Но это... Это как раз такой случай.

– В самом деле? – В глазах Грандмастера на мгновение промелькнула искра интереса. – И почему ты так решил?

– Это человек из моего прошлого. Из *той* жизни.

Тринадцатый вымолвил это совсем тихо, почти шепотом. Лицо его застыло, словно маска, взгляд стал отсутствующим, устремленным в пустоту, и Грандмастер видел, что в глазах его отражается не тихое пламя свечи, а зловещие багровые отблески совсем другого огня.

Он сам на секунду почувствовал запах дыма от костра, услышал крики несчастных, сжигаемых заживо, и восторженный рев толпы... Как давно это было! Больше четырех веков прошло с тех пор, как в славном городе Шлоттенбурге после страшной засухи устроили жестокую охоту на ведьм. Ярнес Тибад, Тринадцатый страж порога, тоже погиб тогда, и много лет прошло до той поры, когда его душе суждено было возродиться вновь.

– Ты уверен? – тихо спросил Грандмастер.

Тринадцатый кивнул:

– Да. Это было перед тем, как я... умер.

Его руки повисли вдоль тела, словно плети. В свете свечей лицо казалось изможденным – провалы глаз, впалые щеки, бледная кожа... Но Грандмастер знал, какая сила таится в этом чахлам с виду теле. Мало кому из наследников Древней Крови, чудом сохранившейся еще с тех времен, когда ангелы прельстились красотой дочерей человеческих, удалось выжить и осознать себя во враждебном мире, где каждого, кто не похож на других, всегда стремятся

⁴ Подробнее о нем читайте в повести В. Борисовой «Тринадцатый».

укротить, обезличить... А не получится – убить.

А вот Тринадцатый смог совершить невероятное. Он вернулся от самых ворот смерти, сумел найти свой путь и занять уготованное ему место в Круге.

Но сейчас он выглядел совершенно растерянным и беспомощным, сбитым с толку.

– Я уверен, что знаю его. Знаю... Но не помню.

– И ты не можешь его увидеть? – Грандмастер удивленно поднял брови.

Для мага найти любого из живущих, увидеть, чем он занимается, даже проникнуть в его мысли – задача вовсе не сложная, стоит только сосредоточиться на несколько мгновений и произнести про себя короткое заклинание. Но Тринадцатый отрицательно покачал головой:

– Нет. Он безумен. Более того – он *знает*, кем был раньше! Его душа заблудилась между миром живых и мертвых, и теперь он опасен, как бешеный зверь.

Тринадцатый вскочил и принялся расхаживать по комнате, меряя пространство большими шагами. Казалось, ему тесно здесь. Он морщил лоб, нелепо взмахивал руками, становясь похожим на большую птицу, которая пытается взлететь – и не может.

– Его надо остановить, остановить непременно!

Пламя тонких восковых свечей, вставленных в массивные канделябры, чуть дрогнуло. Словно та сила и страсть, с которой были сказаны эти слова, всколыхнула их, подобно неожиданному порыву ветра.

– Успокойся и сядь. От тебя в глазах мелькает.

Тринадцатый покорно опустил на свое место. Он помолчал недолго и добавил с невеселой усмешкой:

– Мастер... Позволь мне. Я ведь тоже когда-то был сумасшедшим!

На мгновение его глаза стали пустыми и совершенно прозрачными, ледяными от ужаса... Эх, Тринадцатый! Досталось же ему. Десять лет, проведенные в скорбном доме, где влачат свое жалкое существование те, кого принято считать неизлечимыми душевнобольными, не прошли для него даром. Только чудом он избежал гибели и даже теперь еще не совсем свыкся со своим положением⁵.

Грандмастер задумался. Если где-то рядом бродит неприкаянная душа, воплотившаяся в убийцу, и Тринадцатый чувствует особую связь с ним, такое действительно нельзя оставлять без внимания! Кто знает, чем это может обернуться? Хрупкое равновесие между добром и злом и так слишком часто нарушалось в пользу последнего...

Из-под груды бумаг на столе Грандмастер извлек пожелтевшую таблицу с изображением небесных светил, испещренную его собственными пометками, и долго изучал ее, бормоча себе под нос что-то вроде:

– Сатурн в Весах, тригон Марс – Юпитер... Ах, какой неудачный узел! Созвездие Змеелова в оппозиции к Альдебарану...

Тринадцатый терпеливо ждал. Наконец Гранд-мастер отложил свои вычисления и снова обратился к нему:

– Будь по-твоему. Когда Луна обернется темной стороной, убийца получит то, что заслужил.

– Мастер, ждать нельзя! Та девушка в парке – она ведь уже не первая. А потом... Будут и другие. Он спешит, и я должен опередить его!

Грандмастер нахмурился:

– Все в свой черед. К тому же завтра праздник Ламмас, и я не хотел бы омрачать его.

– Но...

– Снова повторяется старая история? Жалость застилает твой разум. Один раз ты уже умер из-за этого, помнишь? И жертва твоя была напрасна... Думаешь, за полтысячелетия что-то изменилось?

– Нет.

⁵ Подробнее историю Сергея Белова читайте в повести В. Борисовой «Тринадцатый».

– Разве люди стали умнее или добрее друг к другу?

– Нет.

– Тогда зачем ты снова...

Но Тринадцатый перебил его. Грандмастер хотел было возмутиться этой дерзостью, но в голосе ученика звучала такая мольба, что он отвел взгляд.

– Прошу тебя! Я знаю, кто погибнет следующим, и хочу предотвратить новое убийство. Дай мне этот шанс!

Грандмастер с сомнением покачал головой.

– Ну хорошо. Если это так важно для тебя – можешь попытаться. Но – предупредить, только предупредить!

Он встал, давая понять, что аудиенция окончена.

– Мастер, благодарю тебя! – Тринадцатый почтительно склонился перед ним. – Этого будет вполне достаточно!

Его лицо осветила радостная и благодарная улыбка. Он поспешно вышел, словно боясь, что Грандмастер передумает.

Снова оставшись в одиночестве, он взял в руки хрустальный шар. Тысячи граней отражали пламя свечей, отблески играли как живые, переливаясь всеми цветами радуги. Откуда-то издалека донеслась нежная мелодия, и женский голос тихо, одним дыханием напевал:

Земля – наша плоть,
Вода – наша кровь,
Все, что умрет,
Родится вновь...

Если бы Грандмастер хоть на миг сомневался, что Ярнес Тибад, Тринадцатый страж порога, вернулся в теле Сергея Белова, родившегося более чем через четыреста лет после его смерти, эти сомнения сейчас рассеялись бы окончательно. Тот тоже слишком жалел людей – даже когда они были вовсе не достойны этой жалости. Из-за того и погиб... Он сам отдал себя в руки священной инквизиции, пытаясь остановить безумие охоты на ведьм, и умер под пытками. Само существование ковена⁶ оказалось тогда под угрозой, и всем им пришлось бежать под покровом ночи, бросив обжитые места...

А костры продолжали пылать. Почти двести лет миновало до тех пор, пока люди не избавились от панического ужаса перед колдовством. Маятник качнулся в другую сторону, религию потеснила наука, человек возмнил себя хозяином земли, способным поставить себе на службу все тайны материи...

И все-таки рано или поздно каждый спрашивает себя: кто я? Откуда? Зачем пришел в этот мир и куда иду? Что будет *там*, после смерти, за темной завесой, куда никому не дано заглянуть?

Грандмастер долго вглядывался в прозрачную глубину кристалла, словно хотел увидеть там ответ на вечные вопросы. Все люди бессмертны, но не все знают об этом. Одни верят до сих пор в ад и рай, другие полагают, что после смерти наступает небытие, а кто-то и вовсе не думает об этом, полагая, что нужно взять от жизни все, что возможно, а что там дальше – не важно.

Но каждому суждено умирать, сбрасывая тело, как изношенное платье, и рождаться вновь, чтобы, снова приходя в этот мир, узнавать под новой личиной тех, кого любил когда-то, расплачиваться за прошлые грехи, искать свое предназначение...

Почти никому из живущих не дано знать, кем он был раньше, – может быть, и к счастью. Когда-то древние греки верили, что милосердные боги погружают души умерших в

⁶ К о в е н – сообщество колдунов и ведьм из тринадцати человек.

Реку Забвения, чтобы при новом рождении освободить их от воспоминаний о прошлых жизнях, чтобы ни боль, ни чувство вины не омрачали их существование в следующем воплощении.

Остаются только сны и видения наяву, мечты и беспричинные страхи, влечение к давно забытому времени или месту и странное, будоражащее душу чувство дежавю, но мало кто знает, что все это лишь отблески прошлой жизни. Человек не всегда понимает, почему он поступает именно так, а не иначе, но очень часто необъяснимые вроде бы поступки продиктованы стремлением сделать все, что не успел прежде.

И пусть Тринадцатый – не совсем человек, но и с ним происходит то же самое. Сейчас, как и в прошлой жизни, сердце его разрывается от жалости и душа бьется в отчаянной попытке остановить, вразумить, спасти...

Все повторяется.

Василий Гаршев шел по Страстному бульвару. Иногда он любил пройтись просто так, без определенной цели. Особенно в такие дни, как сегодня...

Каждый раз после Акта Правосудия он чувствовал прилив силы во всем теле, легкость в движениях, а главное – в душе пело и переливалось особенное чувство, наполняющее его пьянящей радостью, придающее особенный смысл жизни.

Он был счастлив. Ну, почти счастлив, ибо нет в мире совершенства. И все-таки... Никогда человек не может быть ближе к Богу, чем в тот час, когда он честно выполняет свой долг.

Сегодня ночью еще одна ведьма покинула этот мир. Еще одно грязное и грешное создание не сможет больше ступать по земле, отравлять воздух своим ядовитым дыханием, не сможет вредить людям! Она ушла, чтобы занять уготованное ей за грехи место в аду, и не будет больше вселять дурные мысли, что сводят с ума, разбивают семьи, толкают людей на отчаянные и нелепые поступки, за которые потом приходится расплачиваться всю жизнь, доводят до самоубийств...

Он не устал удивляться, как глупы и слепы могут быть люди, не замечая порой самых очевидных вещей. Так ребенок, играющий в траве, не видит змею или принимает ее за пестрый шнурок, тянет ручки, пока ядовитое пресмыкающееся не укусит его...

Земля переполнена злом! И носителями его в большинстве своем являются женщины. Они так суетны и лживы, так стремятся к низменным плотским наслаждениям, что готовы предаться дьяволу за самую ничтожную выгоду. Склонность ко злу содержится в самой женской природе. Даже в Библии написано, что она была сотворена из грудного ребра, как бы отклоняющегося от мужчины! Конечно, это метафора, но удивительно точная и верная. Женщина всегда обманывает. Она – всего лишь несовершенное животное, преисполненное телесной скверны и не способное воспринять ничто высокое и духовное.

В прежние времена люди понимали опасность и умели с ней бороться. Женщина занимала подобающее ей место, а те грешницы, что из-за природного злонравия или суетной гордыни пытались обрести власть над душами и телами других людей и вступали ради этого в сделку с врагом рода человеческого, быстро находили свой печальный конец. Верные слуги Господа всегда стояли на страже, вовремя выявляя злодеек и предавая их суду и казни, а церковь в милосердии своем давала им возможность раскаяться перед смертью и назвать сообщниц своих злодеяний, чтобы облегчить свою участь, представ перед Богом, и, может быть, даже обрести спасение.

Но время шло, и люди постепенно забыли свои обычаи, разучились бороться со злом, что несут ведьмы, а главное – перестали даже *замечать* его! Ослепленные гордыней и безверием, находясь в плену у материализма, они верят только в то, что можно потрогать руками, взвесить, измерить или обнаружить с помощью хитрых приборов.

А дьявол, как известно, не спит... И верные его прислужницы быстро поняли, что больше им ничто не угрожает. «Просветители» и «гуманисты» направили людей по ложному пути, и теперь можно не опасаться заслуженной кары. Женщины бесстыдно выставляют

напоказ свое тело, красят лицо, виляют бедрами, зазывно улыбаются... Недаром ведь сказано еще в древних писаниях, что не найдется мужчины, который бы так стремился угодить Всевышнему, как старается женщина – будь она не совсем уродом – понравиться мужчине. И не просто понравиться, а завлечь, поработить, превратить в игрушку и орудие для ненасытного сладострастия, а в конце концов – украсть его душу...

У старого раскидистого дерева совсем молоденькие девицы – наверное, лет по пятнадцать – шестнадцать, не больше! – собрались в кружок. Они курили, пили пиво, передавая бутылку из рук в руки, громко смеялись... Несмотря на юный возраст, печать порока уже легла на их лица. Василий с отвращением покосился на ярко покрашенные рты, короткие майки, обтягивающие драные джинсы, всклокоченные волосы, выкрашенные во все цвета радуги... Если в прежние времена только ведьмы в подобном виде собирались на свои богомерзкие шабашы, и даже они хотя бы днем старались соблюдать приличия, то теперь у женщин вовсе не осталось стыда! Видеть такое было неприятно. Он чуть ускорил шаг, но одна из девиц неправильно истолковала его взгляд.

– Молодой человек! – крикнула она и помахала рукой. – Идите к нам! Смотри, вроде ничего себе кекс, – обратилась она к подруге, – интересно, какой у него...

Она что-то шепнула ей на ухо, и обе девицы закатились от смеха.

Василий понял, *что* именно она имела в виду, – и сразу почувствовал, как кровь застучала в висках от гнева. Глаза на мгновение заволокло багровой пеленой. Хотелось сейчас же заткнуть рот этой наглой твари, ударить, может быть, даже убить... Но Василий изо всех сил старался не подавать виду. «Нельзя, нельзя сейчас... – твердил он себе, – день, вокруг полно народу, их слишком много...» Надо поскорее уйти прочь, миновать опасное место, пока он еще может контролировать себя.

Он почти бежал по бульвару, а вслед ему неся издевательский смех и похабные шуточки:

– Ну, ты, Тигра, напугала чувака! Вдруг он еще девственник!

– Ага, а еще трезвенник и язвенник!

– А может, он мальчиков любит?

Василий сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Когда развеселая компания осталась далеко позади, он замедлил шаг и, наконец, без сил опустился на скамейку.

Все удовольствие от прогулки, от ясного и теплого летнего дня было напрочь испорчено. Пот струился по лицу, руки и ноги противно дрожали. Спокойно, только спокойно... Пытаясь справиться с накатившим волнением, он старался дышать размеренно и глубоко, а про себя вновь и вновь твердил запавшие в память строки из Екклесиаста: «Я нашел, что женщина горче смерти, она – петля охотника. Ее сердце – тенета, а ее руки – оковы. Кто угождает Богу, тот ее избегает. Грешник же будет ею уловлен».

Обиднее всего было ощущать собственное бессилие. Да, он делает все, что может, но не дано ему будет переделать этот мир! Все равно что муравью перетаскать по песчинкам высокую гору. Скольких бы явных и тайных колдуний и их пособниц, погубивших свои души, он ни сумел уничтожить – все равно их много, слишком много... Просто руки опускаются!

Иногда, в минуты слабости – вот как сейчас, например, – он думал над тем, почему же случилось такое, что именно ему предназначено было стать охотником за ведьмами, их судьей и палачом – возможно, последним на земле? Может быть, вся его жизнь была только предисловием, подготовкой к той великой Миссии, которую теперь приходится выполнять...

Жарким летом восьмидесятого года Москва принимала у себя Олимпийские игры. Это было важное политическое событие, призванное не столько выяснить, кто из спортсменов быстрее бегает или выше прыгает, сколько продемонстрировать всему миру преимущества самого передового социалистического строя. Власти старались как могли – ограничили въезд в город, чтобы «колбасные» электрички из Рязани или Калуги не позорили лицо столицы очередями страждущих заполучить батон колбасы за два двадцать, предусмотрительно

выселили за сто первый километр все подозрительные элементы, на прилавках магазинов появились дефицитные товары и продукты, чтобы ни у кого не возникало сомнений – да, мы всегда так живем! В стране победившего социализма, где все делается исключительно на благо человека, и быть не может иначе...

В тот день, когда переводчица Нелли Гаршева – отличница, спортсменка, комсомолка и просто красавица! – должна была сопровождать делегацию из Алжира на обзорную экскурсию по городу, ей слегка нездоровилось с самого утра. Нелличка находилась на седьмом месяце беременности, и до декрета ей оставалось совсем недолго. Можно было бы, конечно, и бюллетень взять, но в те короткие дни Олимпиады-80 хороших переводчиков отчаянно не хватало. На собрании коллектива было сказано четко – никаких отпусков, больничных, отгулов и прочих отговорок! Дело важное, политическое, это понимать надо. Вот закончится Олимпиада, разъедутся гости – тогда пожалуйста, сколько угодно, можешь хоть вообще не выходить до самого декрета.

И Неля, как сознательная девушка, все понимала правильно. Надо так надо... В конце концов, она же советский человек! Да и самой было ужасно интересно поработать с настоящими иностранцами. Когда еще выпадет такой случай?

Несмотря на легкую слабость, в то утро настроение у Неллички было отличное. В самом деле, чего еще желать? У нее в жизни все складывалось замечательно, просто разыгрывалось как по нотам! Есть семья, где ее холили и лелеяли. Папа – отставной генерал КГБ – просто надышаться не мог на обожаемую дочку, а мама, всю жизнь проработавшая в ЦК профсоюзов, хоть и была с ней строга временами, но тоже любила. Всего два года назад она закончила с отличием Институт иностранных языков, и теперь есть интересная работа, а в перспективе – загранкомандировки, служебный рост, общение с интересными людьми...

А год назад произошло знаменательное событие – Неля вышла замуж. Любовь была – ну просто как в кино! Стасик носил ее на руках, дарил цветы, стоял под балконом... Подумав о муже, она улыбнулась кокетливо и нежно, поправляя непослушный локон. Его красивое лицо, его сильные руки просто сводили ее с ума. Пусть давно миновал медовый месяц (молодые провели его в Юрмале), а Неля была влюблена, как в первый день. Ее Стасик – лучше всех на свете, самый умный, самый красивый, самый талантливый! Конечно, он приехал из провинции, закончил физкультурный институт, и пусть мама презрительно морщилась от его манер и часто повторяла что-нибудь вроде «это человек не нашего круга», но папа только позвонил кому надо (а влиятельных знакомых у него немало!) – и вот, пожалуйста! Стасик шустро двинулся по карьерной лестнице и за три года успел дорасти до второго секретаря райкома комсомола.

Так что теперь у нее есть все, что нужно для счастья. Даже квартира на Ленинском проспекте – уютное трехкомнатное гнездышко для молодой перспективной семьи. Еще раз спасибо папе-генералу! А вот теперь совсем скоро родится их первенец – желанный, любимый, будущий дипломат, писатель или киноартист...

Неля почему-то была совершенно уверена, что у нее будет мальчик.

Уже выходя из дома, она бросила последний взгляд в зеркало – и осталась вполне довольна собой. Модное платье прямого покроя выгодно скрывало ее положение, а открытые туфельки на высоких острых каблучках – даже сейчас она не могла от них отказаться! – делали фигуру совсем стройной, летящей...

Возможно, именно они и стали причиной того, что случилось дальше.

Весь день Неля чувствовала противный звон в ушах и несильную, но ощутимую боль внизу живота, и все-таки старательно улыбалась. К вечеру ноги сильно опухли, ремешки от туфель глубоко врезались в кожу, оставляя красные полосы, но Неля мужественно порхала во главе колонны гостей из братской Африки и вымученно улыбалась.

Экскурсия уже подходила к концу, когда Нелли неудачно ступила на высокую ступеньку «Икаруса», нога соскользнула, и она упала прямо на раскаленный за день асфальт.

Что было дальше – она не помнила. Тело пронзила такая боль, что Нелли уже не могла реагировать ни на что другое. Кажется, вокруг суетились люди, кто-то вызвал «скорую»...

Потом все утонуло в черно-багровом облаке, и Неля уже не могла думать ни о чем, кроме боли.

Когда она пришла в себя, вокруг было темно. Нелли не сразу поняла, что она не у себя дома, что лежит на больничной кровати, а главное – что больше не чувствует ребенка! Ей было больно, она с трудом могла пошевелиться, губы пересохли, и язык словно не помещался во рту. Рядом с кроватью стояла какая-то штука с длинной прозрачной трубочкой, и из нее в вену на руке стекала прозрачная жидкость. То ощущение *другой* маленькой жизни в собственном теле, к которому она успела привыкнуть за месяцы беременности, исчезло.

Неля очень испугалась. Она хотела крикнуть: «Где мой ребенок? Что с ним?» – но из горла вырвался только хриплый стон. Пришла старенькая медсестра, стала ее успокаивать, накапала валерьянки... Она что-то говорила, поглаживая ее по плечу высохшей морщинистой рукой, но Нелли не сразу сумела вникнуть в смысл ее слов. Она поняла главное – теперь она стала матерью! Ее сын, которого они так ждали, родился слабенький, недоношенный, но живой. Скоро она вновь заснула, одурманенная лекарством, и всю ночь ей снился ее ребенок.

Дальше потянулись бесконечные дни, наполненные тревогой и страхом.

Впервые увидев ребенка – крошечного, с тонкими ручками и ножками и странно сморщенным личиком, похожего на маленького старичка, – Нелли разрыдалась. Сколько раз в мечтах она представляла себя гордой счастливой матерью, держащей на руках щекастого бутуза! В жизни получилось совсем не так, и она чувствовала себя виноватой. Врачи и сестры старательно уверяли ее, что все будет хорошо, но за их бодрыми словами, утешениями и улыбками Неля видела совершенно другое.

Как-то вечером, проходя через бесконечно длинный больничный коридор, она случайно подслушала разговор двух медсестер на посту. Одна, молоденькая, сменялась с дежурства, снимала шапочку и озабоченно говорила:

– У Гаршевой-то совсем плох ребеночек. Глотать не может, ночью опять задышался, думали – до утра не доживет.

Другая, постарше, зевнула и равнодушно ответила:

– Может, оно и к лучшему. Молодая еще, нового родит.

Неля аж задохнулась от гнева. Эта самая медсестра была всегда так любезна, охотно принимала маленькие подарки и уверяла, что все обойдется, а за глаза вон что говорит! Хотелось подбежать к ней и крикнуть прямо в лицо: не смей! Не смей так говорить о моем ребенке!

Но Неля сдержалась и проскользнула мимо тихо как мышка. Она понимала, что не может дать волю своим чувствам.

Целый месяц она каждый день ездила в больницу. Каждый раз она поднималась по лестнице с замиранием сердца, боясь, что врачи вдруг начнут отводить глаза, будут уговаривать не волноваться, а потом отведут в маленький кабинетик, пропахший нашатырем и валерьянкой, и скажут: ваш ребенок умер. Так уже было с Таней, молодой круглолицей девушкой, похожей на героиню старого фильма «Свинарка и пастух», и Неля навсегда запомнила ее крик, трясущиеся руки, слезы, беспрерывно текущие по щекам...

Не дай Бог никому перенести такого!

Каждый раз Неля со всех ног бежала к сыну, спешила удостовериться, что он жив, увидеть его... Он лежал в каком-то ящике с прозрачными стенками, похожем на большой аквариум, весь опутанный трубочками, и выглядел таким несчастным, жалким и одиноким! А ей нельзя было даже подойти, чтобы взять на руки свое дитя, погладить это тощенькое, слабое тельце.

Хотелось крикнуть – отдайте мне ребенка! Неля от души верила, что стоит ей забрать сына домой – и все будет хорошо, уж она-то сумеет выходить, вырастить, вернуть здоровье... Ветру на него дохнуть не даст!

И наконец этот день настал. Такси подкатило не к парадному входу, откуда обычно

выписывали счастливых мамаш после положенной недели пребывания в роддоме, а к какой-то неприметной боковой двери. По дороге домой Неля снова и снова вглядывалась в крошечное личико, чуть прикрытое краем кружевного конверта, пытаясь разглядеть в нем черты будущего красивого, сильного и умного мальчика, в которого со временем он обязательно вырастет. Ребенок спал, чуть причмокивая губами, а Неля тихо плакала от радости.

Она не знала, что самое трудное только начинается.

Хотя мальчик и выжил, но все равно был очень слабенький. Он был такой хрупкий, что его и на руки-то было взять страшно! Поначалу маленький Вася (Неля так назвала его в честь отца, как будто забыв про то, что раньше они со Стасиком колебались между Никитой и Денисом), даже молоко сосать не мог самостоятельно, плохо глотал, и приходилось терпеливо, капля за каплей кормить его через пипетку, постоянно согреть, чтобы, не дай бог, не простудился, протирать лосьоном сморщенную кожу...

Молодая хорошенькая женщина всего за несколько лет превратилась в нервное, издерганное существо неопределенного возраста. Весь ее мир теперь был сосредоточен только вокруг ребенка. Врачи, уколы, массажи, бесконечный ежедневный уход... Даже ночью Неля спала вполглаза, ежесекундно прислушивалась – как там сыночек? Не кричит ли? Не плачет? Не раскрылся ли во сне, не замерз? Больше всего Неля пугалась, когда Вася начинал закатываться от крика, все его тельце выгибалось дугой, и крошечное личико заливала страшная, мертвенная синева. В такие минуты она чувствовала свою беспомощность и ужасно боялась – а вдруг он умрет сейчас прямо у нее на руках?

Ребенок подрастал, но легче не становилось. Он не держал головку, не пытался ползать и переворачиваться, не проявлял свойственной здоровым детям любознательности... Участковый врач – усталая немолодая женщина – только головой качала:

– А что вы хотите, мамочка? Задержка в развитии. Заниматься надо с ребеночком!

И Неля занималась. С утра до ночи она то разминала его ручки и ножки, то кормила, то играла в развивающие игры, то спешила на консультацию к очередному специалисту...

Муж недолго смог выносить такую жизнь. Рядом с больным ребенком и вечно озабоченной женой он как-то растерялся. Сначала обижался и часто повторял: «Ты совсем не уделяешь мне внимания», потом стал задерживаться на работе, а то и вовсе пропадал где-то на несколько дней. В конце концов – Васе как раз исполнилось три года – он собрал вещи и ушел насовсем. Развод, конечно, большой минус для карьеры, но даже это его не остановило. Много позже Неля случайно узнала, что Стасик женился на дочери очень влиятельного человека и, вовремя уловив ветер перемен, успешно занялся бизнесом...

Пока он собирался, Неля сидела молча, ссутулившись как старуха, и как будто даже не понимала, что происходит. Когда за спиной мужа громко хлопнула дверь, она вздрогнула от неожиданности, вскочила и кинулась к детской кроватке. Единственная мысль была: «Не разбудил бы ребенка! Васенька так пугается резких звуков, это может спровоцировать приступ...»

Дальше стало совсем плохо. С работой Неле, конечно, пришлось распрощаться. О том, чтобы отдать Васю в ясли, и речи быть не могло! Хорошо еще, удалось пристроиться в бюро переводов, а там можно было брать работу на дом. Неля без устали переводила статьи, диссертации, даже повести и романы. Стучала по ночам пишущая машинка, и женщина, кутаясь в пуховый платок, старалась нажимать на клавиши осторожно, чтобы не разбудить мальчика.

А утром все начиналось снова. Если бы не помощь бабушки Софьи Аркадьевны, Неля бы вообще не справилась. Выслушав горестный рассказ дочери о муже-подлеце, она только вскинула голову, увенчанную короной седых волос, и процедила, поджав губы: «Я же тебе говорила! Это человек не нашего круга. Ему нельзя было доверять».

Неля покорно кивала. Она знала, что мама совершенно права, и чувствовала себя виноватой за то, что не смогла удержать мужа, за то, что отец, крепкий еще мужчина, как-то сразу сник и постарел, а главное – за то, что не смогла доносить ребенка до конца срока,

родить его сильным и здоровым. Ведь именно с этого начались все несчастья в семье! Если бы не та ступенька в автобусе, все могло сложиться совершенно по-другому...

Теперь у нее в жизни только одна цель – поставить сына на ноги. Ради этого Неля не жалела ни сил, ни времени, ни средств. Каждый год она возила его к морю, искала и находила все новые и новые методы лечения, обращалась то к профессорам с мировым именем, то к знахарям...

Заметных результатов это не приносило. Вася оставался таким же слабеньким, переболел всеми детскими инфекциями – и корью, и свинкой, и коклюшем, – а говорить начал только в четыре года. Неля плакала по ночам от бессилия. Когда очередное светило медицины – старенький профессор с седой бородкой клинышком – как-то обронил «в конце концов мальчик перерастет», она только презрительно поджала губы и вышла, ни слова не говоря.

В это ненаучное «перерастет» Нелли совершенно не верила. За долгие годы хождений по врачебным кабинетам она сама научилась разбираться в многочисленных болячках сына не хуже любого медика, умела делать массаж, могла сделать укол, по самым незначительным признакам умела определять приближение приступа... И твердо знала одно – лучше ее никто не сумеет позаботиться о ее ребенке!

В школу Васенька ходил редко. Там – бесконечные инфекции, сквозняки, нерегулярное питание, драчливые дети и придирчивые учителя, которые не смогут понять, что мальчику трудно выдержать ежедневную нагрузку. При малейшем недомогании Неля вызывала врача, и дома мальчик проводил гораздо больше времени, чем со сверстниками.

А время менялось, и жизнь не становилась легче. В тот августовский день, когда на Лубянке подцепили краном памятник Дзержинскому и он висел в свете прожекторов, словно казненный, Нелин отец Василий Степанович долго смотрел на телеэкран, словно не мог поверить своим глазам, потом вдруг как-то странно, утробно замычал и упал лицом на стол. Приехавшая «скорая» констатировала смерть от обширного инсульта.

И Неля, и ее мать были совершенно ошарашены горем, сбиты с толку, растерянные... Но надо было жить дальше, и это было совсем непросто. Совсем скоро оказалось, что персональная пенсия превратилась в смешные копейки, и хотя переводы оплачивались неплохо, но цены росли каждый день, а Неля совершенно не умела находить выгодные заказы, договариваться, настаивать на своем... Оплату все время задерживали, и, когда деньги оказывались у нее в руках, они успевали обесцениться в несколько раз.

Надо было как-то сводить концы с концами, и Неля с мамой решили, что гораздо удобнее им будет поселиться вместе. Генеральскую квартиру на Кутузовском пришлось сдать заезжим коммерсантам, и, хотя Софья Аркадьевна плакала, покидая обжитое гнездо, и величаво-скорбно, словно королева, отправляющаяся в изгнание, просила постояльцев ни в коем случае ничего не трогать и не менять, но деньги были ох как кстати. Бесплатная медицина как-то постепенно стала превращаться в платную, а Васю надо было лечить, покупать фрукты и витамины, возить к морю летом...

И все же старенький доктор оказался прав. К пятнадцати годам Василий сильно вытянулся, раздался в плечах, голос у него стал ломаться, над верхней губой появились темные усики. Бесконечные хвори постепенно сошли на нет, щеки налились здоровым смугловатым румянцем, и под рубашкой бугрились мускулы... Мальчик даже записался в секцию восточных единоборств и три раза в неделю пропадал вечерами на тренировках.

Неля только ахала, даже ходила к тренеру и требовала прекратить издеваться над больным ребенком, но сын твердо сказал «нет». Впервые в жизни он посмел спорить с ней! В тот же вечер он принес справку из поликлиники, где черным по белому было написано «практически здоров», ни слова не говоря положил ее на стол перед матерью и вышел из комнаты.

Казалось, что впервые за долгие годы можно немного передохнуть, да что там – радоваться надо! Однако Неля наблюдала за переменами со страхом и недоверием.

Всю жизнь она выхаживала, вытягивала сына с того света, а теперь, когда ее заботы

вдруг стали не нужны, она не знала, что делать дальше! Будто не замечая, что сын перестал быть крошечным болезненным существом, нуждающимся в ежесекундной опеке, она продолжала варить протертые супчики и каши, стряпала котлетки на пару, овощные легкие салатики – в общем, исключительно диетическую и полезную еду. Она не забывала пощупать лобик по утрам, проследить, чтобы сын надел курточку и не забыл застегнуть верхнюю пуговицу, а стоило ему чихнуть или кашлянуть – моментально укладывала в постель и вызывала врача.

Вася никогда не спорил. Он был очень воспитанным мальчиком – покорно глотал безвкусную еду, мыл руки по десять раз на дню, принимал витамины, укутывал горло противным колючим шарфом, говорил «спасибо» и «пожалуйста», во всем слушался маму...

И ненавидел ее до дрожи.

Каждый раз, когда мать подходила к нему, он сжимался, словно в ожидании удара, а если прикасалась – весь передергивался от отвращения. Ну почему, почему эта женщина считает его своей собственностью и вечно лезет со своими советами, помощью, ненужной лаской, слюнявыми поцелуями и бесконечными причитаниями по любому поводу? Он знал наизусть все ее жесты, слова, вечно поджатые губы, вечные жалобы вроде «жизнь несправедлива», «твой отец нас бросил на произвол судьбы» и неизменное, коронное – «я тебе всю себя отдала, без остатка!».

Хотелось крикнуть – не отдавала бы! Не надо!

Не отставала и бабушка. К старости ей стало тяжело ходить, она передвигалась опираясь на палку – грузная, оплывшая седая старуха. Она очень любила подолгу рассказывать о своих болезнях, словно находя в этом своеобразное удовольствие, и вспоминать прошлое, когда при муже-генерале жила как королева. До сих пор она никак не могла свыкнуться с тем, что это время прошло. Софья Аркадьевна как-то упустила из виду, что рядом больше не было ни домработницы, ни шофера, ни сиделки, что раньше присылали на дом по первому требованию, а потому вся тяжесть забот легла на дочь.

– Неля! Уже восемь часов, а ты опять забыла про мои капли! Принеси, пожалуйста. Неужели так трудно запомнить, что мне надо принимать их утром и вечером? Вот когда жив был твой отец...

Вся квартира пропахла лекарствами, диетической едой, как будто нарочно приготовленной так, чтобы есть было невкусно, а главное – особенным, затхлым запахом старости. Бабушка очень боялась сквозняков, и окна почти никогда не открывали. Иногда казалось, что в этом доме просто нечем дышать.

Жить под опекой двух женщин – вечно усталых, озабоченных, недовольных всем на свете – было куда как тяжело. Вася отмалчивался и старался поскорее уйти к себе в комнату. Но и там он не чувствовал себя спокойно. Непременно войдет мама с какой-нибудь очередной таблеткой, теплым молоком или бесполезным разговором или бабушка попросит принести ей капли, пуховый платок, чаю или еще чего-нибудь... Обычно этим занималась мать, но, когда ее не было дома, капризы упрямой старухи приходилось выносить Васе.

Выхода из этой опостылевшей жизни было не видно, и Вася терпел, стиснув зубы покрепче. А что еще оставалось? Иногда вечерами, лежа в постели, он мечтал, как когда-нибудь станет взрослым и сможет уйти отсюда, чтобы никогда не видеть их обеих, а главное – сумеет совершить что-то важное, имеющее значение не только для него самого, но и для всех людей, станет знаменитым и могущественным...

Но мечты оставались мечтами. Наступал новый день, и все возвращалось на круги своя. Надо было вставать, идти в школу, сидеть на уроках, потом возвращаться домой... Посмотрев как-то фильм «День сурка», Вася подумал, что его жизнь очень похожа на судьбу незадачливого героя. С той лишь разницей, что у него-то этот самый день начался еще с рождения и другой жизни он не знал вовсе.

Немного оживлялся он только в те дни, когда ходил на тренировки. В спортзале, среди ребят, отрабатывающих удары и броски под команды сэнсэя, куда больше было воздуха, простора и пахло совсем иначе – кожей от матов, здоровым потом и немного пылью. Даже

это очень нравилось Васе. Пусть не сразу все получалось, и все тело болело, особенно вначале, зато здесь, среди сверстников, он наконец-то чувствовал себя свободным от унижительного бабского контроля и удушающей заботы. Он упорно, почти фанатично тренировался, отрабатывая каждое движение по многу раз, и вскоре кое-что стало получаться... Даже тренер хвалил. Вася расцветал от гордости и чуть ли не в первый раз в жизни чувствовал себя почти счастливым.

Но дело было не только в этом. В тот год у него появилась собственная, тщательно оберегаемая от посторонних глаз тайна.

В секции с ним занимался Андрей Смоляков – спортсмен, отличник, гордость школы... Но главное – парень был красив как бог! Каждый раз, когда Вася видел его, смотрел в его смелые и дерзкие голубые глаза, он чувствовал, как нежно и сладко замирает что-то в груди. Когда отрабатывали удары и броски в парах, было очень страшно причинить ему боль. Прикосновения к его телу, его запах вызывали и вовсе странное волнение и трепет... Тренер еще ругался:

– Ты бей как следует! Что ты гладишь его, как девчонку? Эх, учи вас...

Что бы он понимал!

А в душевой Вася украдкой разглядывал безупречные линии его тела, прекрасного, как греческая статуя Аполлона на картинке из учебника истории, и просто млел от счастья и смутных мечтаний. Очень страшно было, что кто-нибудь заметит его взгляд, и Вася радовался, что маленькая тесная помывочная всегда была заполнена клубами пара.

Постепенно они подружились. Андрей был парень не злой, не заносчивый и как будто даже не замечал своего физического совершенства. Они вместе ходили домой после занятий, благо жили почти по соседству, говорили о музыке (обоим нравились группы «Пикник» и «Сектор Газа»), о новых фильмах, ну и о спорте, конечно...

Все кончилось в один день. Вася возвращался домой из школы. Стояла середина осени, когда неба не видно от серых туч и промозглый холодный ветер навевает самые мрачные мысли, вгоняя людей в простуды и осеннюю депрессию, но у него настроение было хорошее. Подумаешь, погода! Вася думал о том, что сегодня опять тренировка, он пойдет в зал, и Андрей будет там, как всегда...

– Эй, Васек, привет!

Он обернулся – и увидел приятеля, машущего ему с противоположной стороны улицы. Да не одного, а с Ленкой Зубаревой, что училась с Васей в одном классе, считалась самой красивой девочкой и вечно строила глазки парням. Молодой учитель истории Николай Петрович, которого за глаза все звали просто Коленькой, почему-то всегда краснел, вызывая ее к доске...

А теперь она была рядом с Андреем! Они шли по улице обнявшись и то и дело останавливались, чтобы поцеловаться. Вася застыл на месте в полном замешательстве, но Андрей ничуть не смутился.

– Привет, Васек! А я сегодня забить решил на тренировку. Мы тут с Ленкой в кино собрались... Хочешь с нами? Леночка может подружке какой-нибудь позвонить...

Вася не ответил. Он развернулся на месте и почти побежал прочь, лишь бы не видеть их. Горло перехватило от обиды, и в глазах стояли злые, невыплаканные слезы, обжигая изнутри. Какая грязь, какая гадость! Он посмел променять их дружбу на какую-то девку!

Предатель!

С того дня Андрей перестал для него существовать – и спорт тоже. На радость маме Вася бросил тренировки. Теперь все вечера он проводил дома, сидя за книгами. Ей он говорил, что готовится к поступлению в институт, но на самом деле просто читал все, что попадалось под руку, благо библиотека в доме была богатая.

Снова потянулись серые, унылые дни, похожие один на другой. Вася закончил школу, по настоянию мамы поступил на юридический, ходил на занятия... Однокурсников он также сторонился, а девицы не вызывали ничего, кроме раздражения.

Он чувствовал себя как пассажир, отставший от поезда на глухом полустанке, который

стоит на перроне и терпеливо ждет. Должен ведь когда-то появиться другой состав, чтобы унести его из этой глуши? Правда, иногда казалось, что поезд уже никогда не придет...

В такие дни его охватывало отчаяние. Совершенно непонятно было – зачем нужно просыпаться по утрам, идти в институт, слушать дурацкие лекции, а потом возвращаться домой и снова видеть те же опостылевшие стены, выслушивать материны нравоучения и бабкины бесконечные капризы?

Немного легче было летом. Дача в Тыльянове – старом, обжитом месте, овеянном легендами прошлого, где когда-то ходили по дорожкам известные писатели, актеры, ученые, и военные, – давала хотя бы временное спасение. Вася уходил в лес, ложился на траву и долго-долго смотрел на высоченные сосны, словно подпирающие небо, на облака, медленно плывущие над ним... В такие минуты иногда казалось, что он – всего лишь малая частица огромной и вечной Вселенной, что он *нужен* ей и рано или поздно непременно найдет свое, только ему уготованное место.

Только такие минуты давали ему силы жить дальше, тянуть постылую лямку и ждать, ждать ответа...

И ответ пришел – как всегда, совершенно неожиданно.

Летом 2002 года, когда от сумасшедшей жары вокруг Москвы горели торфяные болота, над городом стояло удушливое марево. В воздухе пахло дымом, от него слезились глаза и першило в горле, люди кашляли и задыхались, у многих обострялись хронические заболевания, и «скорая» не успевала выезжать на вызовы.

Софья Аркадьевна стала совсем плоха. Она постоянно жаловалась на сердце и уже с трудом вставала с постели. Прихварывала и Неля – от запаха гари у нее начались астматические приступы. Конечно, переносить жару за городом, на природе, было бы гораздо легче, но в тот год Вася уже заканчивал институт, впереди была защита диплома, и о том, чтобы ехать вместе с ними, и речи быть не могло.

В конце концов, после долгих колебаний, Неля с Софьей Аркадьевной уехали на дачу, оставив его одного в городской квартире. После прощальных напутствий, объятий и поцелуев Василий чувствовал себя смертельно уставшим, словно вагоны с углем разгружал. Неужели эти женщины не могут хоть иногда помолчать?

В первые дни он просто не знал, что делать с наконец-то обретенной свободой. Диплом был давно написан, в институте делать было особенно нечего, и Вася зачем-то бродил часами по улицам, заходил в кафе и рестораны, сидел там, подолгу глядя на прохожих... Часто он ловил на себе заинтересованные взгляды девушек – и тут же брезгливо отворачивался, словно боясь испачкаться.

Он уже почти отчаялся, когда, наконец, произошло то самое событие, которого он ждал всю свою жизнь.

Это произошло совершенно случайно – какой-то тип на улице всучил ему листок с рекламой тренинга развития личности. Удалось ему это с большим трудом, потому что Василий к подобным развлечениям относился весьма скептически. К тому же и зазывала выглядел очень уж странно и нелепо – длинный, худой, в потертом плаще с разномастными пуговицами... Стоя на углу возле метро, он радостно улыбался, вручая прохожим свои листки, словно Дед Мороз, раздающий детишкам новогодние подарки.

Когда листок, отпечатанный на плохом черно-белом принтере, оказался у него в руках, Вася в первый момент хотел было выбросить его в ближайшую урну. Но почему-то мусорки рядом не оказалось, а сорить на улице он не хотел. Точнее, не мог. Мама с бабушкой всегда очень трепетно относились к порядку...

Вася просто скомкал бумажку, сунул в карман рубашки – и тут же забыл об этом. Уже дома он достал листок, но почему-то не выбросил его, а аккуратно расправил и принялся читать.

«Если вы чувствуете себя одиноким,
если жизнь кажется бессмысленной и скучной,
если выхода не видно...»

Он невесело усмехнулся. «Ну, прямо про меня все написано... Интересно, что ж там дальше?»

«Не отчаивайтесь!

На свете есть тот, который готов стать вашим лучшим другом, помощником и советчиком. Он всегда может ободрить вас, указать правильный путь, ответить на любой вопрос, помочь и утешить в беде. Он ждет того дня, когда вы сможете прийти к нему».

«Ну да, не иначе какой-нибудь новый гуру объявился, – думал Василий, – придите, говорит, и не забудьте принести все свои деньги...»

«Если хочешь узнать, кто он такой, просто переверни эту страницу».

Василий ожидал увидеть все, что угодно, – фотографию какого-нибудь самозваного пророка или изображение индийского многорукого божества, лик святого или козлиную морду дьявола... Но на обратной стороне листка крупными буквами было набрано:

«ЭТОТ ЧЕЛОВЕК – ВЫ САМИ!»

И чуть ниже, уже обычным шрифтом:

«Авторский тренинг Никодима Сорокина, построенный на основе современных психотехнологий в сочетании с древнейшими оккультными практиками, поможет вам научиться использовать скрытые резервы вашей психики».

Ночью Вася никак не мог уснуть. В квартире было тихо, не слышно ни бабушкиного тяжелого дыхания, и мама не выходила ночью на кухню, шаркая тапочками, а он все ворочался в постели. Может быть, это действительно то, что он искал так долго? Конечно, за тренинг нужно было заплатить, но, в конце концов, что такое деньги? Особенно сейчас, когда, впервые оставшись в одиночестве, он мог не отчитываться за каждую копейку. Ведь другого такого шанса может и не быть...

Василий думал почти до самого утра, прикидывал так и этак и – решил пойти! Он и сам не знал, что рассчитывает отыскать там, но все же стало интересно. Почему бы и нет, в конце концов?

Ехать пришлось на самый край Москвы, в спальный район. Впервые за то лето день выдался прохладный, накрапывал противный мелкий дождь, и Василий от души пожалел, что пошел на эту авантюру.

Он с трудом отыскал неприметное приземистое кирпичное здание где-то на задворках, в узком проулке между многоэтажными домами. Вывески не было, только на дверях в полуподвальное помещение висело объявление, написанное от руки на листе ватмана: «Клуб „Непознанный мир“».

Когда Василий спускался по крутым ступенькам, сердце тревожно екнуло. На миг показалось, что сейчас должно произойти что-то очень важное, чего, может быть сам того не подозревая, он ждал всю свою жизнь. Он безропотно отдал деньги улыбчивому юноше-администратору, сидящему за обшарпанным канцелярским столом в коридоре, и вошел в дверь, выкрашенную в противный грязно-зеленый цвет. Там, за ней, судя по всему, и должен находиться этот самый непознанный мир, куда он вступал с трепетом и надеждой...

Поначалу он был разочарован. Более чем скромная обстановка не располагала к каким-либо откровениям. Оглядев маленький зальчик, разномастные стулья, потертый линолеум на полу и самодельные плакаты с изображением счастливых колобков, катящихся

по дорожке вдаль, Василий брезгливо оттопырил губу и ругнул себя за излишнюю доверчивость. Ну, спрашивается, зачем он сюда пришел? Что ожидал увидеть? Ясно, что в такой убогой обстановке ничего интересного произойти не может. Все было очень буднично, скучно даже. Жаль было впустую потраченного времени – и денег тоже.

Народу собралось немного – человек пятнадцать. Были здесь парни студенческого вида в драных джинсах, некрасивая очкастенькая девица, мужчина лет сорока пяти, в мятом пиджаке, какая-то тетка в разноцветной шали, увешанная амулетами, рокер в кожаной жилетке с длинной седеющей косичкой за спиной... В общем, публика совершенно непрезентабельная. Сразу видно, что здесь собрались одни лузеры⁷ – и такие же лузеры устроили это действо. Василий хотел было уйти сразу же, не дожидаясь начала, и деньги свои потребовать назад, но выходить под дождь очень не хотелось.

Скоро перед ними появился маленький толстенький человечек с абсолютно лысой головой и в больших очках. Казалось, что костюм ему немного великоват, и выглядел он куда как потешно... На великого гуру никак не тянул, это точно.

С лучезарной улыбкой он тепло поприветствовал собравшихся и принялся говорить о космическом сознании, о безграничности Вселенной, о том, что каждый человек является ее отражением и содержит в себе как микро-, так и макрокосм. Стоит только проделать некоторые несложные упражнения, как сразу же открываются такие возможности, которых он сам и предположить бы не мог!

Коротышка еще долго вещал про какие-то там «перинатальные матрицы», которые якобы определяют всю последующую жизнь человека. Слово это было непонятно, но переспрашивать Вася постеснялся. Про матрицу он видел фильм с Киану Ривзом в главной роли и ни черта не понял. Круто было, конечно, когда чувак начинал двигаться быстрее всех и лихо мочил агентов Смитов, но слюнявый поцелуй в финале все испортил...

Василий слушал невнимательно, вполуха. Он напряженно ждал, когда же начнется то самое, главное, ради чего он пришел сюда и выложил свои кровные. Слушать пустую болтовню коротышки было совсем неинтересно. Мучил вопрос: «Неужели меня обманули?»

Когда оратор, наконец, закончил свою речь, появились молодые люди в одинаковых футболках. Василию показалось, что даже внешне они были неуловимо похожи... Всех пришедших пригласили пройти в соседний зал, похожий на спортивный. Там на полу были разложены коврики, в углу стоял навороченный музыкальный центр с мощными динамиками. Инструкторы объяснили, что нужно лечь на коврики и дышать – часто и глубоко, полностью расслабиться и слушать команды.

Пока его соседи укладывались, Вася наблюдал за ними с большой долей здорового скептицизма. Он сразу решил для себя, что ничего подобного делать не будет – просто посмотрит немного, что происходит с другими. Но стоять столбом среди лежащих было как-то неудобно, и в конце концов он тоже решил принять горизонтальное положение. Рядом с каждым в позе лотоса уселся инструктор, потом свет стал каким-то тусклым, рассеянным...

– Вдох – выдох – вдох... Вы очень быстро почувствуете, как меняется привычный ритм дыхания. Вдох – выдох – вдох... И вот уже ваше тело становится легким, невесомым, вы перестаете ощущать его границы.

Зазвучали барабаны. Ритм завораживал, уносил куда-то далеко... Почти против собственной воли он почувствовал, как дыхание становится глубоким и частым, как у животного. Казалось, что дышит все тело – от макушки до пяток. Чувство это было таким новым, не похожим ни на что из того, что приходилось переживать раньше, что Василий даже удивился. Как может дыхание – самый простой, естественный процесс – доставить такие удивительные ощущения?

Вдох – выдох... Словно морские волны накатываются на берег. Все исчезло, осталось только ощущение нереальности происходящего. И музыка. И голос. Не было больше ни

⁷ Лузер – неудачник (молодежный сленг).

убогой обстановки вокруг, ни других людей, ни даже его самого больше не было. Он чувствовал, что тело его уменьшается в размерах, сжимается до маленькой точки и в то же время не имеет границ, расширяется, достигая бесконечности.

Он вдруг очутился в полной темноте. Но она была вовсе не страшная, наоборот – такая теплая, уютная, живая... Такого удивительного, счастливого чувства совершенного покоя, легкости, защищенности и любви он не испытывал никогда в жизни.

Перед глазами появилось легкое радужное мерцание. Как будто переливалась сияющая жидкость... Она была сказочной живой водой, безбрежным океаном, в котором он плыл, подобно медузе, качался на волнах, устремлялся навстречу течению или затаивался на дне.

На мгновение Василий увидел себя со стороны. Он был еще неродившимся младенцем, зародышем человека. Свернувшись калачиком, он сосал большой палец и блаженно улыбался.

Но счастье длилось недолго. Мощный удар сотрясает все вокруг. Ласковые теплые воды, в которых он покоился, окрасились зловещим ало-багровым цветом. В первый момент Вася был оглушен, раздавлен... Казалось, что в его маленьком мирке наступил конец света, сейчас он умрет, погибнет вместе с ним и дальше не будет больше уже ничего.

Но это был еще далеко не конец.

Окружающее пространство сжалось, сдавливая маленькое хрупкое тельце. Это было так страшно, так несправедливо, что Вася даже заплакал от отчаяния и собственного бессилия. Выхода нет, и сейчас он умрет в этом тесном мешке, просто задохнется!

Место райского блаженства превратилось в настоящую камеру пыток. Неведомая сила сдавливает его все сильнее и сильнее, так что невозможно становится дышать. Боль сжимает голову, корежит все тело, кажется – вот-вот разорвет! На несколько секунд наступает передышка – и снова стены надвигаются на него, словно гигантские жернова, перемалывающие хрупкое зернышко.

Это продолжалось бесконечно долго. Наконец, Вася почувствовал, что его грубо выталкивают прочь. Где-то внизу, под ногами, появилась черная точка. Потом она превратилась в крутящийся водоворот, воронку, неумолимо засасывающую его внутрь себя. Он пытается сопротивляться, но куда там!

Дальше стало еще страшнее. Он протискивался в узком тоннеле. Было очень больно, но пути назад уже не оставалось... Вася – или то крошечное существо, которым он был тогда, – продвигался вперед, туда, где чуть маячил свет. Когда это мучительное путешествие наконец закончилось, он даже не почувствовал облегчения – только огромную, смертельную усталость.

Новый мир встретил его неприветливо. Первое, что он почувствовал, – смертельный холод. С первым вдохом в легкие вошел ледяной воздух, отвратительно пахнувший кровью, лекарствами, хлоркой... Стало трудно дышать, и каждое движение причиняло боль. Он хотел крикнуть – и не мог, из горла вырвался только тонкий жалобный писк, но и он тут же затих.

Вся жизнь маленького существа была наполнена почти непрерывным страданием. Вот чужая грубая рука вталкивает в крошечный ротик какую-то трубку, и из нее маленькими каплями сочится сладковатое молоко... Вот его переворачивают, протирают нежную кожу чем-то едким и противно пахнущим... Вот он задыхается, и какая-то неумолимая, жестокая сила вдвухает в легкие воздух... Вдох – выдох, снова и снова, и вот уже жизнь постепенно возвращается в маленькое тельце.

Но не только боль, холод, отвратительные больничные запахи были мучительны для него. Хуже всего было ощущение собственной беспомощности и одиночества. Он лежал в каком-то ящике, как рыба в аквариуме, и никого не было, чтобы подойти, взять на руки, приласкать и пожалеть. Мимо ходили люди в белом, и поначалу он плакал, чтобы привлечь внимание к себе, но лица этих странных существ были закрыты масками, и они умели причинять только боль.

Хотелось уйти отсюда, исчезнуть из этого мира любой ценой. И вот окружающее словно гаснет, расплывается перед глазами... Дальше картины стали меняться быстро, как в

калейдоскопе.

Первое, что он увидел, было яркое синее небо. Под ним простирались зеленые невысокие холмы. Ни одного человека не видно вокруг, и весь пейзаж дышит миром и покоем. С высоты птичьего полета все казалось таким маленьким-маленьким, словно игрушечным, а он как будто плыл по небу вместе с облаками, и душа его была легка и свободна.

Вдали показался монастырь. Вот он все ближе и ближе, так что видны толстые высокие стены, башни, узкие окна-бойницы... И колокольный звон раздается вокруг, плывет над землей. Все здесь казалось таким привычным, узнаваемым и милым сердцу, что Вася чувствовал себя так, будто наконец попал домой после долгой и трудной дороги.

Череда монахов, в одинаковых черных одеждах с капюшонами, подпоясанных веревками, в грубых сандалиях, идет по узкой дорожке к храму, собираясь на молитву, дабы вознести хвалу Господу. Он шел среди них. Каким-то образом Василий точно знал, что его зовут Иоганном, он вырос в монастыре и пять лет назад принял обет служить Богу. Он ревностно изучал богословие, был весьма умен и талантлив, так что святые отцы прочили ему блестящее будущее. При таком усердии молодой человек со временем мог бы стать настоятелем монастыря, а там, глядишь, епископом или даже кардиналом...

Один из послушников оборачивается. Капюшон упал с головы, в свете заходящего солнца его волосы отливают золотом, и на лице лежит теплый отсвет, как у святого отрока на старинной фреске. В этот миг он был так прекрасен, что сердце Иоганна больно сжалось от любви и печали. Хотелось окликнуть его, сказать что-нибудь хорошее, но имя Михаэля (так звали юношу) он не отваживался даже произнести вслух. Монаху – человеку, отрекшемуся от земной жизни во имя Царствия Небесного, – недоступны плотские радости, но разве сам Господь не повелел всем любить друг друга?

В следующий миг он увидел себя в храме, стоящим на молитве. Высокие стрельчатые своды уходят вверх, солнце играет в разноцветных стеклянных витражах, чуть колеблется пламя свечей, хор поет ангельскими голосами, и орган вторит ему... Кажется, что сердце улетает в высоту, прямо к небу. Иоганн чувствовал, как на глазах его выступают слезы умиления. Если где-то есть настоящая радость, мир и покой, то вот они, здесь!

Это видение хотелось удержать подольше, но и оно скоро исчезло. На этот раз картина, представшая перед ним, казалась куда более мрачной... Он видел темноватое помещение с низкими сводами, выложенное из серого камня. Пахло сыростью, плесенью и еще чем-то столь же отвратительным. Вася сразу догадался, что это тюрьма, но здесь он не был заключенным, напротив – лицом, облеченным властью, призванным карать и миловать!

Он снова был монахом Иоганном, но теперь казался гораздо старше, значительнее, что ли... Сидя в кресле с высокой резной спинкой, он перебирал четки и шептал молитву. За столом, заваленным бумагами, расположились еще какие-то люди в богатых одеждах из тонкого сукна и бархата (особенно запомнился один из них – важный седоволосый господин с толстой золотой цепью на шее), а рядом, за маленьким столиком, примостился писец.

В комнату вводят женщину, закованную в тяжелые кандалы. При каждом шаге они звенят, и звук этот эхом отдается под каменными сводами. Вид у нее жалкий: голова обрита, платье разорвано, грязные босые ноги покрыты кровоточащими язвами, глаза горят лихорадочным блеском, и на щеках видны следы от слез. Она сильно измучена, но отец Иоганн не может допустить слабость! Состраданию не место в его сердце. Он знает, что женщина эта – ужасная преступница, хуже, чем воровка или убийца.

Она – ведьма.

Кровь стынет в жилах, когда она начинает признаваться в своих бесчисленных преступлениях!

Вызвав бурю и град, она погубила урожай в окрестностях города и тем обрекла на голод сотни людей. Она насылала порчу и болезни, похищала новорожденных младенцев, дабы убить их и приготовить особое кушанье для шабаша на горе Блогберг, где пировала и плясала с другими колдуньями и даже неоднократно вступала в плотскую связь с самим

дьяволом...

Малой части всех ее злодеяний было бы достаточно, чтобы отправиться на костер, ибо сама земля не может принять столь порочное создание! Седой мужчина (Иоганн только сейчас понял, что это судья) провозглашает приговор. Тяжко, словно удары огромного молота по наковальне, звучат слова: «Обратить в пепел и золу...» Ведьма слушает молча, но – вот чудо! – лицо ее как будто разгладилось и из груди вырвался вздох облегчения. Видно, что она даже рада избавиться от терзающего ее демона и спасти свою душу. В самом деле, что такое краткая боль от костра по сравнению с негасимым огнем в аду?

Быстрее, быстрее... Перед глазами мелькают новые и новые лица. Их было много – юных девушек и дряхлых старух, почтенных матерей семейств и раскрашенных потаскушек, дворянок, разодетых в шелка, и нищих, неграмотных крестьянок... Почти все сначала не хотели признаваться, клялись в своей невинности и даже плакали, молились, богохульно поминая всех святых, Деву Марию и даже самого Христа. Оставалось только снова и снова дивиться коварной и лживой природе каждой женщины. Находясь под властью дьявольской воли, они пытались избежать земного суда, но перед судом небесным все их прегрешения были видны как на ладони. Для того чтобы заставить преступницу признаться, у святой инквизиции есть немало надежных средств! Тиски для пальцев и «ведьмино кресло», плети и «испанские сапоги» исправно служат благому делу, и настоящие слуги Господа трудятся без отдыха.

Отец Иоганн не мог оставаться в стороне. Он присутствовал на допросах, навещал узниц в тюрьме, уговаривая признаться во всем и покаяться, дабы после смерти обрести спасение на небесах, принимал последнюю исповедь осужденных... Каждый раз, когда очередная ведьма корчилась от боли под раскаленным железом, висела на дыбе под потолком или выпускала последний вздох на костре, он чувствовал себя воином Света, защитником людей, очищающим мир от скверны.

Вдох – выдох... Все вокруг снова потемнело, и видения исчезли. Откуда-то издалека доносится музыка – медленная, спокойная, легкая. И голос. Теперь он звучит так мягко, но все же чувствуются повелительные нотки:

– Теперь пришло время отдохнуть. Вы полностью расслаблены от макушки до кончиков пальцев ног.

О да, он устал, он так устал... Василий (или отец Иоганн? Он так и не понял, кем был в эту минуту!) блаженно улыбнулся.

– Представьте себя на природе. Вы идете по лугу, поросшему сочной травой...

Он снова очутился среди зеленых холмов, в том самом месте, где началось его странное путешествие. Так же по небу плыли легкие облака, и даже монастырь чуть виднелся вдалеке. Сердце радостно забило. Он возвращается сюда, в свой единственный и настоящий дом!

– Прямо перед собой вы видите изумительно прекрасную радугу. Таких живых и чистых цветов вы никогда не встречали... Если подойти ближе, можно коснуться ее рукой.

Да, радуга действительно появилась перед ним! Раньше он никогда не видел ничего подобного. Она уходила прямо в небо, словно разноцветный мост, соединяющий миры воедино. Василий протянул руку, чтобы потрогать это чудо, – и в следующий миг оказался внутри. На него изливались потоки света – алого, оранжевого, желтого, зеленого, синего, фиолетового... Они перетекали друг в друга, пока не слились в один-единственный, ослепительно-яркий и чистый белый свет.

– Вы чувствуете, как возрождается и наполняется жизнью каждая клеточка вашего существа.

Василий купался в лучах света, почти растворяясь в нем. И в то же время он понимал, что возврата уже не будет. Хотелось крикнуть:

– Нет, нет! Пожалуйста, не надо! Я хочу остаться здесь, остаться навсегда, хочу быть тем, кем я был когда-то, верните мне мою жизнь!

Но голос неумолим.

– Раз... Сейчас вы пройдете через радугу. Два... вы возвращаетесь, чувствуя себя

свежим и энергичным. Три... ваши воспоминания остаются у вас в сознании, и вы можете вернуться к ним, как только пожелаете... Четыре... вы готовы опять вступить в этот мир... Пять... вы открываете глаза и чувствуете себя превосходно!

Вася ощутил жесткость коврика под лопатками, запах пыли и пота, почти как в школьном спортзале. Открыв глаза, он увидел, что снова находится в том самом подвальчике, куда пришел несколько часов назад. Вокруг были те же люди. Мир вернулся на привычное место. Он снова стал собой.

Его соседи также постепенно приходили в себя. Одни протирали глаза, вертели головами, кто-то ощупывал свое тело, будто заново привыкая к нему. Другие болтали без умолку, шумно делились впечатлениями.

Очкастая девица оказалась египетской жрицей богини Хатор, и странно было видеть, как ее тощенькая, нескладная фигурка в клетчатом платье приобрела вдруг на мгновение царственную осанку, и глаза, почти невидимые за толстыми выпуклыми линзами, сверкнули ярко-изумрудным светом. Мужик в мятом пиджаке оказался крестьянином, жившим где-то в Северной Англии в середине шестнадцатого века (точнее он вспомнить не мог, знал только, что страной в то время правил добрый король Генрих VIII). Он казался разочарованным. Наверное, воображал, что в прошлой жизни был каким-нибудь Цезарем или Наполеоном, – а тут такой облом! Парень в драных джинсах по имени Саша не мог забыть свое путешествие по узкому извилистому тоннелю.

– Я тут недавно «Побег из Шоушенка» посмотрел, там чувак из тюрьмы через канализацию линяет. Так тут покруче будет! – говорил он.

Василий только отмалчивался. Рассказывать о пережитом не хотелось никому, особенно этим людям. Он ревниво хранил воспоминания, словно бесценное сокровище, и ни с кем не хотел делиться им. Так и ушел, не сказав никому ни слова.

В тот вечер он долго бродил по улицам, пытаясь как-то разобраться в новых ощущениях. Чувства бурлили, искали выхода, но пока он и сам не мог бы выразить, что испытывает.

Твердо он знал только одно: теперь он не сможет жить так, как раньше.

Трагическую историю своего появления на свет он знал наизусть, мать никогда не упускала случая рассказать ее еще раз. Но только теперь, *пережив* драму рождения, Василий понял причину своей обиды на женщину, что произвела его на свет. Раньше он не знал, почему она так чужда ему, почему ее прикосновения заставляют сжиматься все тело и от одного только звука ее голоса к горлу подступает тошнота, но теперь непонятная, глухая неприязнь превратилась в открытое негодование.

Столько лет он чувствовал себя отверженным, отторгнутым, выброшенным раньше времени из теплого чрева – единственного, пожалуй, места на свете, где человеку суждено испытать благодатный покой! И ради чего? Почему она так поступила с ним? Подумав об этом, Василий задыхался и сжимал кулаки в бессильной ярости. Глупая сука! Ну зачем ее понесло в тот день на работу? Чтобы показать Московский Кремль десятку черномазых, которые вчера с пальмы слезли? Выслужиться перед начальством? Премии получить? Купить себе новую шмотку?

Но даже это теперь было не так уж важно. Гораздо больше волновало его совсем другое... Теперь он понял главное – жизнь бесконечна! Много лет назад он уже жил на земле и теперь не просто так снова пришел в этот мир. У него есть цель, более того – настоящая Миссия! Совсем как у Ван Хельсинга, истребителя вампиров, или того персонажа модного писателя Демьяненко, который умел распознавать всякую нечисть, вроде оборотней и ведьм, боролся с ними в одиночку по мере своих сил, а потом тоже стал Инквизитором.

Всю следующую неделю он думал об этом. Он чувствовал, что сделал только первый шаг на пути к осознанию самого себя, к поиску своего предназначения. Теперь, когда новое знание обрушилось на него, подобно снежной лавине, требовалось время, чтобы как-то освоиться с ним и понять, что делать дальше.

Каждый раз, выходя на улицу, Вася видел, что вокруг просто кишат ведьмы! Отец

Иоганн умел распознавать их безошибочно, и теперь его опыт и умения достались ему как бесценное наследство. Эти лживые глаза, змеиные изгибы тела, похотливые губы, распущенные волосы – все выдает прислужниц Сатаны! Одни не догадываются об этом, другие – открыто заявляют о своей причастности к темной стороне творения, даже дают объявления в газетах о магических услугах, выступают по телевизору, пишут книги... Теперь эти твари чувствуют себя в полной безопасности, им нечего бояться – церковь давно стала не та, что прежде, и даже сам папа римский пошел на поводу у тупой толпы, прилюдно покаявшись за само существование священной инквизиции. А уж про Россию и говорить нечего... Здесь «ведьмовские» процессы и вовсе были редкостью, так что, как ни крути, страна всегда отставала от просвещенного Запада.

Василий задыхался от бессильного гнева. Он просто не знал, как жить дальше! Неужели придется получить диплом, устроиться на работу и день за днем составлять какие-нибудь договора, консультировать бестолковых граждан или ходить в суд, защищая воришек и хулиганов? Если даже пойти служить в органы, все равно придется заниматься все той же банальной уголовщиной. При одной мысли об этом на душе становилось кисло и противно. Как можно тратить свою жизнь на такую ерунду, если совсем рядом творится другое, гораздо более опасное зло?

Ну уж нет, это стало бы предательством по отношению к себе самому – и не только. Он чувствовал, что отец Иоганн стоит у него за плечами, смотрит с надеждой, направляет и ободряет на нелегком пути, – и не мог так подвести его.

В конце концов Василий решился. Он будет вершить собственный суд над ведьмами! Ради этого он сделает все, что в его силах, и если его стараниями мир хоть немного очистится, то можно сказать, что жизнь он прожил не зря.

Оставался еще один вопрос – как это сделать, если под ногами постоянно путаются две старые глупые женщины? Своими куриными мозгами они никогда не смогут понять его предназначения! Конечно, рано или поздно им придется отправиться в мир иной, и тогда он будет свободен, но это может произойти еще не скоро, а ждать не было сил.

Василий думал долго, напряженно, прикидывал так и этак, и, наконец, у него созрел план...

Жарким августовским днем он приехал на дачу с большим пакетом всякой всячины и положил на стол новенький диплом об окончании вуза. Мама с бабушкой радостно ахали, всплескивая руками, даже прослезились, а он только молчал и улыбался.

Событие решили отметить. На столе появились пирожные, фрукты, шоколадные конфеты и бутылочка приторно-сладкого кагора, к которому в последнее время пристрастилась Софья Аркадьевна.

– Рюмочку, только рюмочку! – любила повторять она. – Для здоровья очень полезно. Замечательно расширяет сосуды.

Часов в десять вечера, когда обе женщины уже собирались ложиться спать, Вася ушел. Как раз в тот день подростки отпрыски бывшей советской элиты шумной компанией отмечали день рождения Владика Горчевского – сына прославленного в советские годы режиссера, поставившего не один фильм про героических революционеров, стахановцев и солдат Великой Отечественной, а потому обласканного властью, маститого и благополучного. В постперестроечные годы положение его несколько пошатнулось, стахановцы как-то вышли из моды, но и тут Вениамин Андреевич сумел проявить недюжинную гибкость, поставив несколько фильмов о буднях бандитской братвы. Кино получилось весьма достоверное, и в интервью режиссер часто говорил, что внимательно изучал материал, что у каждого героя есть реальный прототип... Злые языки, конечно, болтали, что эти самые «прототипы» и спонсировали фильмы о самих себе, но мало ли что можно сказать! Успешный человек всегда вызывает зависть.

Сам Вениамин Андреевич как будто вовсе не обращал внимания на слухи. «Собака лает, а караван идет!» – любил повторять он. Вскоре он снова почувствовал себя на коне, мадам Горчевская цвела аки майская роза, не давая ни малейшего повода заподозрить свой

истинный возраст и коротая время между салонами красоты и светскими тусовками, а Владик благополучно закончил ВГИК и собирался в самое ближайшее время пойти по стопам отца. Он даже начал подбирать актеров для съемок новой, современной молодежной комедии под оригинальным названием «Клубешник».

День рождения отмечали с размахом. Родители тактично уехали в город, и возле недавно отстроенного на месте старой бревенчатой дачи кокетливого кирпичного коттеджа не протолкнуться было от новых, сверкающих лаком автомобилей. Охране были даны четкие указания – беспрекословно пропускать всех гостей, указанных в длинном списке.

Вася отправился туда на правах товарища детства. Было время, когда они с Владиком вместе играли в песочек под надзором бабушек... Он вручил подарок – красивый серебряный бокал с узором из цветов и листьев, произнес подобающие поздравления... Сам именинник немного удивился – с Василием они почти не общались, слишком уж он был нелюдимый, но ведь не выгонять же соседа! Его приняли, усадили за стол, налили вина – и тут же забыли о нем. Тусовка собралась большая, одним гостем больше или меньше – какая разница?

Как все, он выпивал и закусывал, поднимал свой стакан за именинника и даже произнес в его честь длинный, сложный и витиеватый тост. После полуночи, когда все присутствующие уже были изрядно пьяны, многие разбрелись по парам и устроились где придется – в комнатах, на веранде, а то и прямо в саду на открытом воздухе. Благо ночь-то теплая...

Вася уединился с Люськой Коршиной – дочкой известного когда-то партийного босса, а теперь – студенткой Института международных отношений и заядлой тусовщицей. Люська была девушка сговорчивая, а потому не спал с ней только ленивый. Когда Вася предложил «перепихнуться по-быстрому», она охотно согласилась. Маленькая комнатка вроде кладовки на первом этаже оказалась свободной, и узкая постель, неведомо кем и для кого здесь приготовленная, приняла их в свои объятия...

Домой Вася вернулся только к полудню – и застал там машины «скорой» и милиции. Соседка Валентина Петровна утром зашла навестить Софью Аркадьевну, принести ей обещанные семена какой-то там особенной, махровой настурции. Дверь в дом оказалась заперта, и это уже было странно – старушка обычно вставала с первыми петухами. Женщина встревожилась, стала стучать, но ей никто не открыл. Обойдя дом, она заглянула в окно и увидела, что Софья Аркадьевна лежит в постели с открытым ртом и посиневшим лицом.

– Я сразу поняла, что она мертвая! – говорила потом Валентина Петровна приехавшим оперативникам. – Она такая аккуратная женщина была, всегда порядок знала, а тут лежит вся распатланная...

Следствие установило причину несчастья – выпив на двоих бутылку дорогого вина, женщины легли спать, а наутро не проснулись. Протопив печь, они слишком рано закрыли заслонку, и ядовитый угарный газ убил их.

В крови у обеих потом обнаружили снотворное, но придавать этому факту особенное значение никто не стал. В бабушкиной тумбочке обнаружился пузырек с таблетками и даже рецепт, выписанный врачом, лечившим ее всю жизнь. По словам сына, Неля тоже страдала бессонницей в последнее время, так что вполне могла воспользоваться лекарством.

Оставалось только догадываться, зачем им понадобилось теплой летней ночью топить печь. Следователь даже вызвал Василия на допрос, но подозрений парень не вызвал. Он выглядел растерянным, подавленным свалившимся на него горем, но вел себя вполне адекватно, связно отвечал на вопросы и очень переживал, что в тот вечер ушел на день рождения к приятелю, оставив мать и бабушку одних. Еще больше его огорчала та самая злосчастная бутылка вина, которую он сам привез, чтобы отметить окончание института.

Свидетелей оказалось достаточно, и все они подтвердили его алиби. Смерть двух женщин списали на несчастный случай, Васю отпустили с миром, и дело навеки упокоилось в архиве.

Только Люська, которая у следователя уверенно говорила, что Вася действительно был

с ней и никуда ночью не отлучался, была немного удивлена и даже где-то шокирована. В тот вечер она действительно была сильно пьяна, утром проснулась с головной болью, и Васька был рядом, но узкие и тесные модные джинсы, что она надела, собираясь на тусовку, так и оставались на ней! Получается, ничего не было? Или он умудрился так ловко натянуть их снова?

Было немножко обидно, что этот красавчик (на Ваську она давно положила глаз!) вроде бы пренебрег ею, но черт его знает... Может, и сам отрубился или просто ничего не смог. Точно этого теперь не узнать, так что и заморачиваться не стоит.

Вася вернулся домой, в московскую квартиру. При виде его бледного лица и кругов под глазами сердобольные соседки шептались: бедный парень! Совсем стал на себя не похож, ходит как тень... Оно и понятно, конечно, – горе такое случилось! Совсем один на свете остался.

В ответ на соболезнования Василий кивал, говорил какие-то подходящие слова... Он знал, что лжет, и старался побыстрее избавиться от назойливых соседок. Он вовсе не скучал по двум женщинам, вырастившим его, не чувствовал себя одиноким, напротив – в душе впервые за всю жизнь появилось удивительное чувство свободы и покоя. Больше не нужно было ни с кем разговаривать, выслушивать нотации, никто целый день перед глазами не мелькает. Приходя домой, можно просто закрыть дверь – и спокойно побыть одному, читать, слушать музыку...

А главное – думать.

Вскоре он продал квартиру на Ленинском – жить там он все равно бы не смог! – и переехал в новостройку возле метро «Новые Черемушки». Новая квартира показалась такой просторной и светлой после родного обиталища, заставленного старой мебелью, коврами и прочим барахлом, которое мама с бабушкой наотрез отказывались выбрасывать!

Васе очень нравилась гулкая пустота, белые стены, большие окна без всяких рюшечек и занавесочек... Новый дом – первый настоящий дом в его жизни! – казался немного похожим на монашескую келью – строгая простота, чистые линии и ничего лишнего. Первое время он даже спал на полу.

На работу Василий устраиваться не стал – доход от сдачи бабушкиной квартиры вполне покрывал его скромные потребности. Теперь у него было куда более важное занятие – он готовился к осуществлению своей Миссии. Снова и снова он перечитывал старое, еще дореволюционное издание «Молота ведьм», приобретенное в антикварном магазине за бешеные деньги. Ни тяжелый, неудобочитаемый язык, ни мрачный средневековый формализм, ни скверная репутация этой великой книги не останавливали его. Гениальные находки и озарения двух монахов-доминиканцев были просто поразительны!

Оказывается, в дофрейдовскую эпоху именно пытки были мощнейшим инструментом психоанализа! Тщательно отрежиссированный ритуал боли помогал сорвать завесу лживого женского эго и, высвобождая нужную информацию, прочесть тайные коды ее души. Как только женщина теряла контроль над бессознательным, инквизиторы получали от подозреваемой четкую, подробную, ясно выраженную, а главное – вполне *достоверную* летопись союза ведьмы и дьявола.

Скоро у него появилась возможность убедиться в этом на практике. Бродя по городу, он легко научился улавливать флюиды, исходящие от женщин и девушек, прогуливающих в поисках приключений. Подойти, познакомиться, пригласить куда-нибудь – это тоже оказалось совсем нетрудно! Главное – ни в чем не сомневаться, быть уверенным в себе... А еще – великолепно выглядеть, дабы не уронить вековую славу инквизиции! Ни одна ему не отказывала, и Василий начал подозревать в глубине души, что каждая ведьма втайне хочет быть разоблаченной, чтобы покаяться и обрести спасение.

Что происходило потом – он предпочитал не вспоминать. Иногда ведь приходится делать и грязную работу... Зато потом, даровав преступнице милосердную смерть, он чувствовал себя спасителем – в первую очередь для нее самой. Конечно, время костров на площадях давно миновало, но и удавка (в Испании ее именовали гарротой) – тоже неплохо.

Для раскаявшейся ведьмы вполне допустима и такая казнь.

Василий прекрасно понимал, что ему нужно быть очень осторожным. С современной точки зрения он был обыкновенным преступником, маньяком-убийцей. Попасть в руки правоохранительных органов вовсе не входило в его планы, и он старался не оставлять следов. Вот когдагодились знания по криминалистике! Даже автомобиль он купил себе не шибко приметный, подержанный и – по доверенности. Прежний хозяин отбыл на постоянное место жительства в Израиль, так что все сложилось очень удачно.

Конечно, когда-нибудь его Миссии придет конец. Но думать об этом совсем не хотелось. Пока ему везло, очень везло... А значит, остается только делать все, что можешь, и надеяться на лучшее.

И сейчас он сидел на скамейке, запрокинув голову, и смотрел на небо. Облака над головой проплывали медленно, не спеша, и в очертаниях одного из них он увидел облик ангела с крыльями! Василий улыбнулся, и на душе стало тепло и радостно. Он сразу понял, что это благой знак и кто-то там наверху поддерживает и одобряет его.

В редкие минуты слабости – вот как сейчас, например! – такая помощь свыше просто неоценима. Ведь и сам Спаситель в Гефсиманском саду убоился на миг возложенной на него Миссии, плакал, и молился, и просил пронести эту чашу мимо! А если так, то и ему не пристало роптать на свою участь. Пусть он одинок и борьба его, скорее всего, останется не понятой никем из людей, он все равно будет идти своим путем до конца.

И хватит отдыхать. Сегодня у него было очень важное дело.

Василий достал из кармана аккуратно сложенную газету. Он развернул ее и еще раз всмотрелся в объявление, аккуратно обведенное черной ручкой.

«Госпожа Альвина, потомственная колдунья. Надежный приворот, заговор на удачу в бизнесе, помощь в самых сложных жизненных ситуациях».

И внизу – жирным шрифтом: «Оплата только по результату!»

Надо же, как уверена в себе эта ведьма! Она – не простая шарлатанка, наживающаяся на глупости и доверчивости несчастных людей. Если она не гонится за деньгами, значит, сила у нее действительно есть. А от кого она могла получить ее? Разумеется, только от дьявола!

Ну что же, сегодня у нее будет новый клиент.

Последний.

Альвина возвращалась домой в прекрасном настроении. Почти полдня она провела в дорогом СПА-салоне и теперь чувствовала себя легкой, обновленной и помолодевшей. Бесконечные массажи, пилинги, маски, грязевые обертывания все-таки приносят свои результаты! Ее сверстницы давным-давно похожи на изработанных кляч, а она, несмотря на то что в жизни не была красавицей, выглядит ухоженной и элегантной женщиной.

Она не спеша шла через парк, наслаждаясь летним погожим днем, солнцем, легким ветерком, нежно обдувающим лицо... Слава богу, что после вчерашней грозы немного спала эта ужасная жара! Гораздо легче дышится. Вокруг чинно прогуливались молодые мамы с колясками, сновали подростки на роликах, и даже старички со старушками сидели на скамеечках, подставляя лица ласковым солнечным лучам.

В такой день прогуляться – одно удовольствие! Она нарочно устроила так, чтобы все сегодняшние визиты клиентов пришлись на вечер. Хотелось освободить побольше времени для себя, любимой, но сейчас пора бы подумать о делах.

Альвина посмотрела на часы. Стрелки неброского, но дорогого «Лонжина» показывали четверть пятого. У нее еще уйма времени... Вполне достаточно, чтобы пообедать, привести себя в порядок, войти в образ, подходящий колдунье, а главное – внутренне настроиться на сеанс. Это, пожалуй, самое важное.

В восемь тридцать должен прийти новый клиент. На этот раз – мужчина, и, судя по голосу, молодой. Такое в практике Альбины случалось нечасто – раз пять-шесть, не больше. Обычно представители сильного пола не обращаются к помощи магии...

Она чуть замедлила шаг и стала припоминать похожие случаи. Давно, еще в начале ее деятельности, явился бизнесмен, желающий устранить конкурента. Ну, его-то Альвина сразу выпроводила. Не могу, мол, причинять вреда людям, совесть такого не позволяет, грех большой, не отмолить, а дар мне от неба даден... Голос ее звенел, глаза сверкали, Альвина выглядела настоящей сивиллой, разгневанной неразумной просьбой просителя. Актерский этюд она разыграла по всем правилам, сам Станиславский бы поверил. Даже несостоявшийся клиент посмотрел на нее с уважением и ушел, ни слова не говоря.

Выпроводив его, Альвина вздохнула с облегчением. На самом деле она не сильно терзалась моральной стороной своей странноватой профессии – просто испугалась. Конечно, деньги – это хорошо, но жизнь дороже! Охота лезть в бандитские разборки... Для того чтобы отправить человека на тот свет, есть средства понадежнее черной магии. Пистолет, например, или винтовка, или что там еще... Если возмездие в загробной жизни еще то ли состоится, то ли нет, и неизвестно даже, есть ли там вообще хоть что-нибудь, то на грешной земле она рискует оказаться между двух огней, и тогда ей точно несдобровать.

Потом еще приходили какие-то невнятные личности, жаждущие узнать «коды удачи» (где только слова такие берут?) с целью быстрого обогащения, а однажды явился обманутый муж, жаждущий возвращения неверной супруги к семейному очагу. Остается только удивляться, чего этой бабе не хватало – мужчина-то был вполне обеспеченный, да и внешне совсем не урод. Только нудный какой-то. От общения с ним у Альвины даже голова разболелась, и она рада была, когда мужик отбыл восвояси с букетиком сушеных трав, собранных на ближайшем пустыре, и строгим наказом сжечь их на перекрестке трех дорог в полнолуние, читая при этом вслух длинное заклинание. Альвина нарочно придумала для него такое сложное задание – очень уж надоел.

Кстати, с ним-то все получилось – жена вернулась к семейному очагу, он явился через неделю с огромным букетом цветов и долго благодарил... Интересно все-таки, почему люди устроены так, что спокойно им не живется? Будь та блудная жена верной домашней клушей, глядишь, мужик бы сам стал на сторону глядеть, а так – за ней бегают и готовы простить измену, лишь бы вернулась...

Воистину люди – очень странные существа, которые сами не знают, чего хотят!

Но это, конечно, всего лишь праздные размышления. К сегодняшнему визитеру они не имеют никакого отношения. Жаль, что информации о нем никакой, как бывает, когда клиента направляет кто-нибудь из знакомых... Очень удобно изображать из себя ясновидящую, если какие-то детали уже известны. Ну что ж, придется импровизировать по ходу дела.

Альвина была совершенно уверена, что сумеет разобраться с этим парнем. И как всегда, управится часа за полтора, не больше. Тут, скорее всего, или несчастная любовь, или что-нибудь связанное с бизнесом... Ничего особенного, обычная рутина.

А позже, в десять, придет еще одна клиентка. Эта из «старых», она уже была на приеме... Альвина не без труда припомнила ее. Хотя и немудрено. Такую на улице встретишь – не узнаешь. Типичная серая мышь – без возраста, без лица, без малейшего намека на индивидуальность. Немудрено, что муж ее бросил.

Хотя с другой стороны... Кажется, баба все-таки получила, что хотела. Нагулявшийся мужик вернулся домой, чтобы бок о бок стариться рядом с законной половиной. Что ж, чаще всего именно так и бывает.

Только вот женщина эта вовсе не казалась счастливой и довольной жизнью. Голос по телефону был тихий, приглушенный, будто она вот-вот заплачет. На секунду Альвине даже стало жаль ее. Хотелось расспросить поподробнее, что там стряслось, может быть, даже как-то ободрить, помочь хотя бы советом...

Но впрочем, какое ей дело до этого! Каждый сам кузнец своего счастья... И несчастья тоже.

Подумав так, Альвина чуть улыбнулась. Похоже, ее работа как-то настраивает на философский лад! Можно было бы даже книгу написать, что-нибудь вроде «Найди свою

удачу» или «Вылепи жизнь красиво». Почему бы и нет, в конце концов?

Сейчас такая литература издается массовыми тиражами, продается совсем неплохо, да и для собственного пиара будет совсем не вредно... Кажется, в прошлом году к ней приходила одна дама, работающая в издательстве, надо бы визитку ее поискать!

Воодушевленная новой идеей, Альвина незаметно дошла до своего дома. Поднявшись на свой этаж, она на секунду ощутила смутное беспокойство, но не придала этому особенного значения.

Один поворот ключа, другой... Она вошла в квартиру – и сразу же почувствовала, что что-то не так. Вроде бы все как всегда, все вещи на своих местах, и Мара безмятежно мурлыкала, свернувшись в клубок в любимом кресле, но в атмосфере дома было нечто чужое, даже враждебное.

Как будто в квартире в ее отсутствие побывал посторонний.

Альвина сняла туфли в прихожей и, осторожно ступая, словно боясь спугнуть кого-то, двинулась по длинному коридору. Она не представляла себе, что делать в подобной ситуации. Звонить в милицию? Бежать прочь и звать на помощь? А вдруг ей просто показалось, что кто-то проник в ее дом? Очень не хотелось бы попасть в глупое положение! Кажется, за ложный вызов даже штраф полагается.

Промелькнула запоздалая мысль о том, что давно надо было бы завести что-нибудь для самообороны – ну, газовый пистолет, к примеру, или там электрошокер... Одинокая женщина должна сама заботиться о собственной безопасности!

Но это будет потом. Сейчас надо проверить квартиру, посмотреть, не пропало ли что-нибудь.

Она зашла в спальню. Никого. Шторы задвинуты, в комнате тихо и прохладно. Альвина заглянула в нижний ящик шифоньера, где в заветной шкатулочке хранились ее накопления. Банкам она не доверяла еще с тех пор, как рухнул Советский Союз и грабительские реформы в одночасье сделали нищими миллионы людей, что держали кровные рубли в сберегательных кассах. Тогда ей казалось, что дома будет надежнее, но сейчас Альвина горько пожалела об этом. Надо бы сейф завести, что ли... На всякий случай. Верно говорят: гром не грянет – мужик не перекрестится!

Дрожащими руками она открыла шкатулку. Нет, все на месте! Аж от сердца отлегло. Альвина уже готова была успокоиться и даже посмеяться над своими глупыми страхами. Она спрятала коробочку на место, аккуратно закрыла шифоньер и раздернула тяжелые шторы. Полумрак почему-то стал немного угнетать ее, захотелось впустить солнце в свое жилище, чтобы больше не бояться теней!

Почти машинально, просто на всякий случай она заглянула в другую комнату...

И тут самые худшие предположения оправдались. В собственной гостиной она застала незнакомого мужчину, мирно сидящего на диване! Выглядел он очень странно – высокий, худой, коротко стриженный... Может, бывший заключенный? Да, да, наверное, вор! По телевизору говорят, что они всегда высматривают будущую жертву, наводят справки, выпрашивают у знакомых и друзей, а особо продвинутые даже покупают на Горбушке базы данных из налоговой инспекции, чтобы уж точно не ошибиться.

А ее и искать особенно не надо. Народу ходит много, в квартире все говорит о неплохом достатке – для тех, кто понимает, конечно... На окнах – дорогие стеклопакеты, тарелка спутникового телевидения, и для более-менее опытного человека сразу понятно, что в квартире есть чем поживиться. К тому же одинокая женщина – и вовсе легкая добыча. Вот и приманила вора...

Но как он попал сюда? Дверь бронированная, замок – как на сейфе в швейцарском банке, отмычку подобрать невозможно! Так, по крайней мере, уверял менеджер фирмы по установке дверей. Хотя, с другой стороны, воры стали очень изобретательны, и для опытного домушника нет ничего невозможного...

Удивительнее всего было, что странный гость вовсе не казался напуганным и не выказывал ни малейшего желания прятаться или бежать. Напротив, улыбался он вполне

дружелюбно, словно хозяйка сама пригласила его на чашку чая.

– Добрый день, – вполне светски поздоровался он и даже привстал, – простите мое вторжение, но у меня к вам очень важный разговор.

Альвина стояла в дверях, лихорадочно соображая, что делать. Наверное, нужно вызывать милицию... Она поискала глазами телефон. Вот она, трубка, лежит себе спокойно на журнальном столике, но как дотянуться до нее? Да еще в присутствии незваного гостя... Пожалуй, он может легко расправиться с ней – раньше, чем она успеет набрать номер!

Как будто угадав ее желание, он так же вежливо осведомился:

– Вы собирались кому-то позвонить? Пожалуйста, не стесняйтесь!

Альвина подошла, схватила телефон – и застыла в нерешительности. Что же ей все-таки делать? Набрать 02 – и что дальше? Сказать – приезжайте, пожалуйста, поскорее, у меня тут в квартире незнакомый мужчина? Вошел сюда незнамо как, дождался хозяйку и любезно предоставил возможность позвонить? Чушь, бред, просто быть такого не может! Ее, пожалуй, за сумасшедшую примут.

– Пожалуйста, присаживайтесь. Мне нужно многое вам сказать... Даже не знаю, с чего начать.

Незнакомец обезоруживающе улыбнулся. Эта улыбка очень красила его лицо, смягчая резкие черты, делая почти привлекательным... Альвина послушно опустилась в глубокое мягкое кресло, но трубку на всякий случай из рук не выпустила.

– Как вы сюда попали?

Странный гость не удостоил ее ответом, только чуть дернул плечом и усмехнулся.

Альвина попыталась взять себя в руки. Нельзя показывать свой страх, ни в коем случае нельзя!

– Что вы здесь делаете? – спросила она.

– Я пришел, чтобы помочь вам, – так же любезно ответил незнакомец, – ну, или хотя бы попытаться сделать это.

Вот тебе и раз! Час от часу не легче. Только непрошенных помощников ей и не хватало! Впервые в жизни Альвина не знала, как поступить, и потому злилась. Больше всего ее пугала именно эта улыбка, а еще – как спокойно и уверенно он держался. Вор, застигнутый на месте преступления, должен был бы вести себя совсем иначе... Ситуация казалась совершенно идиотской, неправдоподобной.

– Интересно, чем это вы можете мне помочь? Тем, что вламываетесь без разрешения в чужой дом? – Голос звучал раздраженно и резко, Альвина чувствовала, что еще немного, и она сорвется в настоящую истерику. – Я вас не знаю! – почти выкрикнула она. – Кто вы?

– О, это не важно, – он легко отмахнулся, словно отгоняя назойливую муху, – гораздо интереснее другой вопрос – кто *вы* такая? Вы ведь не ведьма, правда?

Он смерил ее быстрым оценивающим взглядом и, словно найдя подтверждение своим догадкам, повторил:

– Да, совсем не ведьма.

Альвина почувствовала себя оскорбленной. Да кто он такой, в конце концов, чтобы судить о том, ведьма она или шарлатанка? Она выпрямилась в кресле, скрестив руки на груди, и с достоинством произнесла:

– Это не ваше дело!

– Ошибаетесь, Альвина. Или правильнее будет – Алевтина Петровна, если я ничего не путаю? Это как раз вы занимаетесь не своим делом... И вторгаетесь в те сферы, которых лучше бы не касаться. Нельзя играть с магией. Этим легко принести много бед и себе, и другим.

Он еще будет мораль читать! Альвина все еще пыталась найти хоть какое-то разумное объяснение визиту незнакомца. Если он не вор, то кто же? Вымогатель? Шантажист? Недовольный клиент? Нет, этого не может быть, она видит его впервые, это точно! Может быть, чей-то родственник? Или некстати «привороженный» муж, который узнал, что его благоверная балуется магией на досуге? И откуда он знает ее настоящее имя?

– Что вам нужно? Денег? У меня сейчас не так уж много, но я вам отдам, только не трогайте меня и уходите поскорее!

Кажется, это предложение развеселило ее странного гостя. Он засмеялся так искренне, словно она и вправду сказала что-то забавное. Альвина совсем растерялась. Наконец, отсмеявшись, он махнул рукой и сказал уже серьезно:

– Нет, Альвина, ваши деньги мне совершенно ни к чему.

– Тогда... чего вы хотите от меня?

Он слегка нахмурился, словно пытаясь половчее сформулировать свою мысль.

– Видите ли... Думаю, вам стоило бы немедленно свернуть вашу деятельность. Никого не принимать, никуда не выходить... А лучше всего – уехать отсюда. Совсем. И как можно дальше. Забыть навсегда о том, чем вы занимались, и начать новую жизнь. Может быть, у вас что-то и получится...

Предложение было настолько дикое, что Альвина ушам своим не поверила. Почему, собственно, она должна делать это?

– Вот еще! – фыркнула она. – И не подумаю. Вы не можете мне приказывать!

По лицу ее собеседника пробежала тень. Теперь он уже не улыбался, и Альвина увидела, как сошлись брови над переносьем и прозрачно-серые глаза стали строгими и даже как будто потемнели. Кажется, совсем потерял терпение.

– Да поймите вы, глупая женщина, ваша жизнь в опасности! Это ваш последний шанс!

Альвина почему-то очень обиделась, что ее называли глупой. Неужели она позволит неизвестно кому оскорблять себя в собственном доме? Собрав все свое мужество, она встала, распахнула перед ним дверь и сказала:

– Уходите. Уходите немедленно! Я не знаю, как вы попали сюда... Но уходите сейчас же!

Она старалась говорить спокойно, но голос ее все равно срывался на крик. Было очень страшно – что делать, если он не уйдет? Как тогда поступить с незванным визитером? Не драться же с ним, в самом деле!

Он не трогался с места, только смотрел на нее и улыбался, словно ее гнев не на шутку забавлял его.

– Я милицию вызову!

Она и сама чувствовала, что угроза прозвучала довольно жалко и неуверенно, голос ее дрожал, но странный гость почему-то не стал с ней спорить. Он легко поднялся с дивана и покорно пошел к выходу. Альвина следовала за ним по пятам, будто боясь, что он передумает и выкинет какой-нибудь новый фокус, но этого не произошло.

Уже переступив порог, он вдруг обернулся, посмотрел ей прямо в глаза и грустно сказал:

– Ну что же, не хотите – воля ваша. Мое дело предупредить вас, больше я сделать ничего не могу. Если бы вы только знали, как мне жаль, что я не сумел убедить вас!

Потом подумал секунду и добавил:

– Прошу простить меня за то, что я вас так напугал. Вам не меня нужно бояться. Совсем не меня.

Его лицо стало скорбным, а в голосе звучала такая печаль, что Альвина замешкалась. На секунду она поверила, что этот странный человек вовсе не желает ей зла! Хотелось позвать, вернуть, расспросить поподробнее о том, что хотел он сказать ей, о какой такой опасности предупредить...

И может быть, даже последовать его совету.

Но разумеется, она этого не сделала. Вот еще, не хватает слушать всяких сумасшедших! Альвина захлопнула дверь и навалилась на нее всем телом, словно боялась, что он попытается вернуться и ворваться в ее квартиру. Сердце билось часто-часто, пот выступил на лбу и над верхней губой, руки противно дрожали...

Выпроводив непрошеного посетителя, Альвина без сил опустилась в кресло. Сейчас ей вдруг стало страшно, как, пожалуй, никогда в жизни. Она старалась дышать глубоко и ровно,

чтобы успокоиться, но это не очень-то помогало. То, что произошло с ней сейчас, просто не укладывалось ни в какие рамки! Она как будто стала кэрролловской Алисой, оказавшейся в Стране чудес – странном месте, населенном персонажами вроде Траляля и Труляля, Шляпника и Мартовского Зайца, где все не так, где нужно бежать, чтобы стоять на месте, а привычные законы логики оказываются вывернутыми наизнанку.

Был момент, когда ей вдруг ужасно захотелось сделать так, как он сказал, – бросить все и бежать куда глаза глядят. Взять с собой только самое необходимое, посадить Мару в домик-переноску и – прочь отсюда!

На секунду она увидела себя на вокзале – испуганная женщина, почти без вещей, с черной кошкой на руках, ожидающая свой поезд в никуда. Вот глупость какая! Неужели она способна бросить все по одному только слову этого сумасшедшего?

Спокойно, спокойно. Нужно прийти в себя. Совсем скоро явится новый клиент, который договорился с ней на сегодняшний вечер, – и встретить его нужно во всеоружии.

Альвина встала и, пошатываясь на неверных ногах, отправилась в ванную. Она стояла под обжигающе горячим душем, словно пытаясь смыть с себя противный, чуть кисловатый запах собственного страха, который просачивался с потом через поры ее тела, снова и снова намыливала себя душистым гелем, но все равно ее трясло, как в ознобе.

Потом она долго, тщательно приводила себя в порядок, одевалась и наносила макияж, старательно разложила по столу магические атрибуты, призванные создавать надлежащую атмосферу – книги, карты Таро, – зажгла свечи и включила светильник, испускающий голубовато-синие молнии...

Привычные действия успокоили ее. Она снова стала самой собой – практичной женщиной, наделенной здравым умом аналитического склада, не верящей ни в Бога, ни в черта.

Именно это ее и погубило.

Ровно в восемь тридцать заулюлюкал домофон. Пунктуальный клиент оказался, не опаздывает... Альвина встала и пошла открывать. Как всегда, двигалась она не спеша, с достоинством, и шелковая мантия шелестела при каждом шаге, но почему-то сердце билось тревожно. Конечно, это из-за того психа, который явился к ней с нелепыми угрозами...

Не хватало еще самой стать мнительной истеричкой!

Альвина решительно тряхнула головой и повернула замок. За дверью стоял высокий, симпатичный молодой человек с маленьким, аккуратным портфельчиком в руках.

Одет хорошо, дорого и со вкусом, сразу отметила она про себя. Правда, черное выглядит немного мрачновато, но ему это даже к лицу. Придает некое инфернальное обаяние... Похоже, он сам хорошо знал об этом. Наверное, от девушек просто отбоя нет. Даже странно, как у такого красавчика могут быть какие-то проблемы!

Лицо его было спокойно, никаких признаков волнения Альвина не заметила. Обычно она старалась с первых же минут общения показать клиенту, что знает о нем все и его судьба находится в ее руках. Даже удивительно, как самые банальные фразы из репертуара вокзальных цыганок действуют на впечатлительного человека! Скажи что-нибудь вроде «Я вижу твою боль!» (ну да, конечно, ведь раз пришел – значит, есть какая-то проблема!) или «На тебя порча злыми людьми наведена» (тоже работает безотказно, каждый ведь свято уверен, что сам он чист и невинен, аки ангел, а если что не так – то другие виноваты), и все, он твой! Будет слушать развесив уши, покорно выполнит самый идиотский ритуал и деньги принесет...

Но почему-то сейчас она не стала говорить ничего подобного – просто впустила посетителя и жестом пригласила следовать за собой. Как говорится, не знаешь, что сказать, – держи паузу... Молчаливая таинственность – это тоже совсем неплохо!

В своем «рабочем» кабинете Альвина уселась в любимое кресло и стала ждать, когда он начнет излагать свою проблему. Она, как всегда, немного поводила руками над светящимся шаром, как будто подпитываясь его энергией, потом стала раскладывать

длинный и сложный пасьянс из карт Таро... Она ждала, пока парень заговорит и про него станет ясно хоть что-нибудь, но почему-то он так и не открыл рта и только смотрел на нее – пристально, словно изучая. В конце концов это стало раздражать – не в молчанку же играть он пришел!

Альвина положила на место последнюю карту, удовлетворенно кивнула, словно закончила какое-то сложное дело, и подняла глаза на посетителя:

– Итак, я вас слушаю!

Она ждала, что хоть сейчас он расскажет наконец о цели своего визита. Но парень только покачал головой:

– Нет, это я готов выслушать вас! Вы творили много зла, ведьма, и теперь настал час расплаты. Я стану вашим исповедником, чтобы вы могли спасти свою душу.

Он достал из кармана тонкие черные кожаные перчатки и принялся аккуратно надевать их. Все происходящее было так нелепо и неожиданно, что Альвина даже испугаться не успела, только очень удивилась.

В этот момент кошка, сидящая, по обыкновению, на столе, рядом с «магическим» светильником, вдруг вскочила как ужаленная и злобно зашипела, выгнув спину. Странно, Мара давно привыкла к визитам посторонних и никогда раньше не вела себя столь агрессивно! Даже неудобно как-то стало... Альвина хотела было успокоить животное и даже протянула руку, чтобы почесать кошку за ухом, но та вдруг яростно мяукнула и прыгнула на молодого человека, целя когтями в лицо.

В первый момент Альвина растерялась, но странный гость опередил ее. Он схватил кошку, одним быстрым, почти неуловимым движением свернул ей шею и небрежно отбросил в сторону, словно тряпку.

Это было так страшно, так чудовищно, что в первый момент Альвина совсем растерялась. Вместо того чтобы звонить в милицию, кричать, драться, выцарапать глаза этому садисту, она кинулась к пушистому тельцу своей любимицы. Единственная мысль была – может, кошка еще жива? Надо сейчас же везти в клинику, чтобы попытаться спасти!

О том, что не меньшая опасность угрожает ей самой, Альвина как-то не подумала. Последнее, что она ощутила, перед тем как упасть на пол, был точный удар справа у основания шеи, потом закружилась голова и перед глазами потемнело...

Когда она пришла в себя, то почему-то не могла пошевелиться. Альвина чуть скосила глаза и обнаружила, что накрепко привязана к своему креслу. Руки прикручены к подлокотникам, ноги надежно связаны, за шею придерживает петля – не слишком туго, чтобы она не задохнулась, но все же крепко и надежно. И губы, губы почему-то не двигаются...

В комнате горел свет, и ее «магические» атрибуты, небрежно разбросанные повсюду, выглядели какими-то жалкими. Тельце Мары лежало чуть поодаль, и при одном взгляде на нее на глазах выступили слезы. Бедная, бедная киска! Она-то оказалась пособообразительнее хозяйки – и поплатилась за это жизнью.

Ее давешний посетитель сидел чуть поодаль и наблюдал за ней. Увидев, что она очнулась, он подошел, наклонился, так что она могла заглянуть ему в глаза, и сказал очень спокойно и вежливо:

– Если вы будете кричать, мне придется снова заткнуть вам рот. Таким образом вы будете лишены возможности раскаяться и спастись.

Альвина с ужасом вспомнила о том, что дом старый, стены толстые и к тому же она сама, когда затеяла ремонт, позаботилась о надежной звукоизоляции. Ей вовсе не хотелось, чтобы соседи знали, чем она занимается...

А теперь она совсем одна, и никто не придет на помощь.

Она поспешно закивала. Может быть, удастся как-то с ним договориться? Отдать все деньги, пообещать все, что угодно, лишь бы не убивал!

Одним движением он сорвал полоску пластыря, которой был заклеен ее рот. Альвина охнула от боли, но сдержала крик – она вовсе не хотела сердить своего мучителя.

Он уселся рядом и, положив на колени какой-то блокнот, заговорил вполне деловито:

– Отвечайте только правду, ибо ложью перед Божьим судом вы только усугубите свою участь. Признаетесь ли вы в том, что вы ведьма?

Альвина видела, что в глазах его горит нехороший, опасный огонек. Там полыхало безумие... И этот огонь вполне может испепелить ее. В памяти на мгновение всплыло лицо того длинного, которого она совсем недавно приняла за вора, и его слова: «Вам не меня надо бояться». Так вот кого он имел в виду! Он действительно опасен, он сумасшедший, и он хочет ее убить. А самое страшное – она полностью находится в его власти! Надо как-то попытаться переубедить его... Она заговорила, стараясь, чтобы голос ее звучал как можно спокойнее:

– Молодой человек, я вовсе не ведьма! Отпустите меня. Я вам все объясню. Это просто работа, мне нужны были деньги!

Даже сейчас Альвина прекрасно понимала, что в ее устах правда выглядит на редкость глупо. Сама назвалась колдуньей – а теперь отпирается? Видно, что он ни на грош ей не верит! И все-таки она упорно твердила:

– Да, я обманывала людей, морочила им голову и зарабатывала на этом, может быть, я и мошенница, но не ведьма! Поверьте мне, пожалуйста! Я вообще не верю в колдовство, его же не существует. Все это просто глупое суеверие, пережиток средневекового сознания. Вы же образованный человек, наверняка учились где-то... Неужели сами этого не понимаете?

Альвина говорила быстро, словно спеша высказаться, пока у нее оставалась такая возможность. Но в лице ее самозваного судьи ничто не дрогнуло. Под сердце женщины подкатился смертельный холод. Она чувствовала, что спасти ее может только чудо – кричать бессмысленно, и переубедить этого психа ей тоже не удастся... И все же продолжала говорить, надеясь неизвестно на что.

Наконец ему надоело ее слушать. Он удрученно покачал головой, как человек, которому предстоит тяжелая и неприятная работа, и снова заклеил ей рот полоской скотча.

– Значит, вы не желаете признаваться... Что ж, почти всегда так и бывает. Дьявол замыкает уста своих прислужниц и нашептывает им лживые речи.

Он порылся в своем портфельчике и достал какой-то странный инструмент, похожий не то на хитрое приспособление из маникюрного набора, только побольше, не то на плоскогубцы образцового немецкого рабочего. Хромированная сталь чуть блеснула в электрическом свете, и Альвина зажмурилась от ужаса. Вот длинный холеный ноготь на указательном пальце оказался в тисках, и...

О-ох! Кто бы мог подумать, что в мире бывает такая боль? Альвина дергалась и извивалась всем телом, пытаясь освободиться от пут, мычала и задыхалась, но связана она была крепко, на совесть. Это длилось бесконечно долго... Наконец она бессильно обмякла, словно в полуобмороке, с пальца капала кровь, а мучитель небрежно отбросил в сторону вырванный ноготь.

– Теперь вы будете говорить? Помните, что это всего лишь малая часть того, что я могу сделать с вами!

Альвина покорно кивнула. При одной мысли, что этот псих может опять проделать такое, она очень пожалела, что человеку даны от рождения не один, а десять пальцев!

Снова с треском отдирается пластырь. На этот раз Альвина уже не почувствовала боли – такой ничтожной она показалась по сравнению с той, что пульсировала в раненой руке.

– Итак, вы ведьма и признаетесь в том, что погубили свою бессмертную душу, вступив в союз с врагом рода человеческого.

– Да.

Это слово как будто само слетело с губ. Альвина покосилась на окровавленные щипцы. Если она не хочет, чтобы он терзал ее дальше, надо соглашаться с ним, соглашаться во всем... Кажется, даже врачи советуют не спорить с сумасшедшими!

– Сколько раз вы губили людей своим колдовством? Когда впервые вы встретились с дьяволом? Был ли составлен между вами письменный договор?

– Да, да, я ведьма, я убила человек десять или пятнадцать, точно сейчас не помню. Да, я подписала бумагу... Что в ней было – не помню.

Он слушал ее, кивал, даже улыбался, как улыбается хороший учитель, слушая правильный ответ из уст ученика.

– Давала ли ты отраву людям? Заставляла ли кого-нибудь отречься от веры в Бога? Посещала ли шабаши или иные сборища нечистой силы?

Как-то незаметно он перешел на «ты», и от изысканной вежливости не осталось и следа, но Альвина этого даже не заметила. Вопросов было еще очень много. Она только покорно кивала и повторяла:

– Да... Да!

Она успела сознаться в отравлении воды в Москве-реке, в насылании бурь и ураганов, в убийстве незнакомых ей людей (имена пришлось выдумать по ходу дела!), в том, что прелюбодействовала с демоном-инкубом...

– Убивала ли младенцев в утробе матери?

На этом вопросе Альвина хотела было возмутиться. Хоть он псих, но должен понимать, что живем-то мы уже давно не в Средневековье! Аборты делаются вполне легально, но она, слава богу, не имеет к этому никакого отношения. Она уже открыла рот, чтобы опровергнуть это обвинение, но, заметив ее замешательство, он потянулся за своими ужасными щипцами, и она снова кивнула. Да, да, и в этом сознаюсь! До кучи, так сказать. В конце концов, какая разница.

Список вопросов показался бесконечно длинным. Но как известно, рано или поздно всему приходит конец...

– Вот и все.

Он улыбнулся радостно и светло, шагнул к ней... На секунду забрезжила надежда, что сейчас этот кошмар кончится и мучитель оставит ее в покое. Он ведь получил, что хотел! Она умоляюще смотрела на него, боясь произнести хоть слово, в отчаянной, безумной, последней надежде...

Но нет.

– Моли Бога, чтобы Он сжалился над твоей душой.

Шею захлестнула удавка. Альвина попыталась было высвободиться, отчаянно забила руками и ногами, но шнурок затягивался все туже и туже. Багровая пелена заволочла глаза, потом стало темно... Ее тело дернулось еще пару раз, из горла вырвался короткий хрип...

И она затихла навсегда.

Ирина шла уже знакомой дорогой к дому колдуньи. Она немного опаздывала и нервничала из-за этого. Конечно, надо было выйти пораньше, но она как будто нарочно медлила и тянула время... А все потому, что не знала, как объяснить Виктору, куда и зачем собирается.

После вчерашней ссоры она целый день не находила себе места – просто бродила по квартире как неприкаянная, хватаясь то за одно, то за другое дело. Все, как нарочно, валялось из рук – сначала разбила любимую чашку, потом отбивные подгорели, и пришлось срочно готовить заново, еле-еле успела к Витиному приходу.

Думала только об одном – как придет к Альвине, что скажет ей, как найдет слова, чтобы убедить ее... Стыдно выглядеть полной идиоткой, которая сама не знает, чего хочет – то вернуть мужика, то все назад отыграть, но ведь у нее нет другого выхода!

В конце концов, можно и денег доплатить! У нее есть кое-какие драгоценности, подаренные Виктором, – кольцо с небольшим бриллиантом, золотые сережки, кулон с аметистом... Если все это продать, получится немалая сумма! Должно хватить.

Вечером муж пришел ровно в восемь. Вел он себя как обычно и словно бы совершенно забыл о том, что недавно они поругались. Ирина подала ужин и долго не могла придумать, как сказать о том, что она собирается уходить. Она долго искала летнюю кофточку в горошек с бантом на груди, которую ей зачем-то приспичило надеть именно сегодня, но, как

нарочно, не могла найти, копалась в шкафу, сердилась, снова и снова перекладывала вещи...

Наконец, когда тянуть уже было нельзя, она надела первое, что попало под руку, – джинсы и белую рубашку. Не на свидание же она собирается, и так сойдет! Даже в зеркало на себя смотреть не стала. Выйдя из спальни, она пробормотала что-то невнятное о том, что договорилась встретиться с подругой и скоро вернется. Виктор равнодушно кивнул и снова устался в телевизор. Видно было, что ему совершенно все равно, куда и зачем она уходит.

По дороге Ирина все время поглядывала на часы. Она очень волновалась, но не только потому, что опаздывала, да и разговор предстоял совсем не простой. Честно говоря, она изрядно побаивалась колдунью Альвину!

Но было и кое-что другое... Томительное предчувствие беды больно сжимало сердце, и некуда было деться от него.

«Наверное, это духота в метро так действует! – уговаривала себя Ирина. – Вот сейчас доберусь до места, выйду на свежий воздух – и все пройдет».

Но легче ей не стало. У метро Ирина купила в ларьке бутылку боржоми, но даже пить не смогла – так стучали зубы о стеклянное горлышко. Да и сама вода показалась гадкой на вкус – какой-то теплой, солоноватой и противно пахнущей.

«Наверняка подделками торгуют, – думала она, с досадой выбрасывая бутылку в урну, – ведь говорят же по телевизору – нельзя ничего в палатках покупать!»

Ни теплый летний вечер, ни запах зелени, столь милый сердцу каждого городского жителя после пыльных и загазованных улиц, не радовали ее. Почему-то в этот час аллеи парка были почти безлюдны и пусты. Уже темнело, и Ирина невольно ускорила шаг. В шорохе листьев над головой ей чудилось что-то зловещее... Совсем как в ту ночь, когда она отправилась в лес, чтобы выполнить наказ колдуньи и зарыть под осиной тот трижды неладный сверток!

Ирина поежилась, как от холода. Все как тогда! Хотя под ногами не чавкает раскисшая грязь и теплый летний ветерок не швыряет в лицо дождь пополам со снегом, но казалось, что сама природа снова затаилась в ожидании какого-то важного и таинственного события, недоступного людскому пониманию.

Пусть парк отдыха вовсе не похож на подмосковный лесок, кругом асфальтированные дорожки, скамеечки, тут и там понатыканы летние кафе, а вдалеке виднеются очертания колеса обозрения и прочих аттракционов, но стоит свернуть на боковую аллею – и вот уже кажется, что оказалась не почти в центре Москвы, а где-то за городом, далеко от жилья и людей.

И оставаться здесь одной надолго ей вовсе не хотелось.

К уже знакомому дому Ирина подошла в десять пятнадцать. Она опоздала и чувствовала себя немного виноватой из-за этого, но с другой стороны... С колдуньей Альбиной ей детей не крестить, и, скорее всего, больше они не увидятся.

По крайней мере, она искренне на это надеялась.

Ирина набрала номер квартиры на домофоне, но почему-то Альвина не отвечала очень долго...

Томительно тянулись минуты, из динамика раздавались протяжные звуки, похожие не то на длинные гудки в телефонной трубке, когда никто не подходит, не то на нудное кошащее мяуканье. Ирина уже начала терять терпение и думала, что делать дальше. Повернуться и уйти? Жаль напрасно потраченного времени. Нет, лучше набрать домашний телефон Альвины по мобильному.

Она порылась в сумке, достала бумажку, на которой старательно записала адрес и телефон во избежание дальнейших недоразумений, но в этот момент дверь подъезда распахнулась. От неожиданности Ирина отпрыгнула назад и выронила листок. Он закружился в воздухе, словно сухой осенний лист, и отлетел куда-то в сторону.

Из дома вышел высокий, симпатичный молодой человек. Увидев ее, он вежливо посторонился, давая ей дорогу, и даже дверь придержал. В свете лампочки, прикрученной над входом в подъезд, Ирина хорошо его рассмотрела. Похож на врубелевского «Демона»,

подумала она. Темные волосы, чуть смугловатая кожа, большие голубые глаза... Лицо с правильными, даже аристократическими чертами показалось ей одухотворенным, как у человека, воодушевленного какой-то важной мыслью, движения были быстрые и точные, походка – летящая. Впечатление немного портил кровотокающий порез на щеке. Наверное, побрился неудачно, решила Ирина.

И все-таки... Что-то с ним было не так. В облике его было что-то *неправильное*, неуместное и оттого пугающее.

Лифт не работал, пришлось подниматься пешком. Ирина чувствовала, как с каждым шагом ей становится все тяжелее дышать, руки и ноги наливаются тяжестью, а по спине ползет струйка пота.

«Надо все-таки спортом заняться! – со вздохом подумала она, остановившись передохнуть на площадке четвертого этажа. – Бегать, что ли, начать по утрам... А то так недолго и вовсе в старуху превратиться».

Она двинулась дальше. Пятый этаж... Шестой... Седьмой... Кто только придумал делать эти ступеньки такими крутыми! В старых домах потолки высокие и лестничные марши гораздо длиннее. Это тебе не мамина хрущевка, где потолок на голове лежит...

Вот, наконец, и пришла. Оказавшись у знакомой двери, обитой черной кожей, Ирина нажала кнопку звонка – и только сейчас сообразила, что именно ее так насторожило в молодом человеке, любезно пропустившем ее в подъезд. На руках у него были надеты черные кожаные перчатки! Интересно, зачем они ему понадобились в теплую июльскую ночь? Неужели теперь мода такая?

В квартире Альвины царила мертвая тишина. Ирина позвонила раз, другой, третий... Безуспешно. Она уже собралась было уходить, досадуя про себя на безответственную колдунью, но напоследок решила постучать – просто для очистки совести.

Ирина чуть толкнула дверь – и она легко распахнулась перед ней. В первое мгновение женщина застыла на пороге в нерешительности. Она точно знала, что заходить нельзя ни в коем случае, но вдруг что-то случилось? Может быть, хозяйке стало плохо и ей нужна помощь? Или она сама, каким-то невероятным случаем, забыла запереть эту проклятую дверь, а звонка просто не слышала? Спала, к примеру, или в ванне мылась...

Собравшись с духом, Ирина шагнула через порог. Как и в прошлый раз, в квартире стоял острый и пряный запах ароматических палочек, но сейчас Ирине показалось, что к восточным благовониям примешивается совсем иной запах – тошнотворный, сладковатый...

Запах смерти.

В коридоре было темно. Кажется, дома никого нет... Но Ирина увидела тонкую полоску света, пробивающуюся из-под двери той самой комнаты, где она уже была в прошлый раз. Может, хозяйка просто занята с очередным клиентом? Или отправилась в астральные миры и забыла вернуться вовремя? Но про открытую дверь ей все равно сказать надо!

Ирина прошла длинным коридором, вошла в комнату... От того, что она увидела там, ноги подкосились, а к горлу подступила тошнота.

Все вокруг было залито ярким электрическим светом. Никаких тебе больше свечей и таинственного полумрака! Даже «волшебный» светильник-шар оказался обыкновенной настольной лампой – правда, немного необычной формы. Вот и электрический шнур болтается, а она-то в прошлый раз вообразила себе невесту что! Карты разбросаны в беспорядке по столу, и скатерть болтается как-то криво... Вся комната производила впечатление театральной декорации, и ничего таинственного и волнующего здесь уже не было. Ирина даже была немного разочарована.

Но вовсе не из-за этого она почувствовала, как подкашиваются ноги, и застыла на месте, прижав руки к губам, словно пыталась сдержать рвущийся из груди крик ужаса.

Колдунья сидела в своем кресле – резном, тяжелом, с кучей разных завитков и финтифлюшек. Но сейчас только веревки удерживали ее тело, даже руки привязаны к подлокотникам. Голова Альвины свесилась набок, а лицо, посиневшее, с выпученными

глазами, искажала гримаса боли и ужаса. И кровь, кровь еще не запеклась на руке! Вместо ногтя на указательном пальце зияла отвратительная рана.

Страшно подумать, что же здесь произошло.

Ирина шагнула назад – и чуть не наступила на кошку. Голова ее была неестественно вывернута, глаза закрыты, а на полу возле мордочки алели несколько капель крови. Кровь была и возле передней лапки, но тоже совсем немного. Ирина сразу поняла, что кошка мертва. Господи, ее-то за что...

Она опрометью выскочила из квартиры, изо всех сил хлопнув дверью, и бестолково заметалась по лестничной площадке. Женщина никак не могла сообразить, что делать дальше. Альвину убили, и, судя по всему, совсем недавно... Хотелось просто бежать прочь, но ведь нельзя оставлять ее вот так!

Наверное, надо куда-то звонить – в милицию, в «скорую», или куда там еще полагается звонить в таких случаях... Ирина вытащила из сумки мобильный телефон, но дрожащие пальцы плохо слушались ее. Миниатюрный аппаратик выскользнул из рук, упал на каменный пол и с треском разлетелся на части.

Она чуть не заплакала от досады, нагнулась, чтобы подобрать обломки телефона, но в этот момент перед глазами у нее вдруг потемнело, голова закружилась, и она почувствовала, как земля уходит из-под ног. Она упала на бок, больно ударившись локтем, и последняя мысль была – а вдруг убийца вернется?

Когда Ирина снова открыла глаза, первое, что она увидела, было лицо незнакомого мужчины, склонившегося над ней. Выглядел он как-то странновато – худой, как скелет, щеки запали, голова коротко стрижена... Но главное – глаза. Очень светлые, почти прозрачные, они смотрели как будто сквозь нее, и этот взгляд пугал и завораживал одновременно.

Зато голос был очень спокойный и мягкий.

– Простите. Простите меня, я вовсе не хотел напугать вас... То есть напугать еще больше. Позвольте, я вам помогу.

Ирина с усилием подняла голову. Дурнота почти прошла, но все тело сковывала такая слабость, словно она впервые пытается подняться с постели после тяжелой болезни. Незнакомец протянул ей руку и заботливо, почти по-братски помог встать на ноги.

– Вы ведь уже были... там?

Ирина кивнула.

– Альвина... То есть госпожа Альвина. Я пришла к ней, а тут...

Она не смогла говорить дальше. Горло сжалось, из глаз брызнули слезы, и женщина затряслась в истерических рыданиях. Не сказать, чтобы она особенно жалела колдунью – не таким та была человеком, чтобы вызывать горячее сочувствие! – но человеком ведь... И она не заслужила такую смерть. Никто не заслужил.

– Ее убили, убили, понимаете! – выкрикнула она.

Незнакомец кивнул:

– Да, я знаю.

Лоб его прорезала тонкая морщина. Он помолчал недолго, вздохнул и горестно произнес:

– К сожалению, я опоздал.

– Ну кто мог сделать такое? – Ирина захлебывалась слезами, зубы стучали, в горле стоял тяжелый комок. – Я даже представить себе не могу!

– Можете. Вы его видели.

Он не спрашивал, а утверждал, словно был уверен в том, что она действительно знала убийцу.

Ирина вспомнила странного молодого человека, который выходил из подъезда. Так вот зачем ему понадобились черные перчатки! И кровоточащая царапина на щеке – вовсе не порез от бритвы. Недаром у кошки когти были в крови! Маленькая черная пантера дорого продала свою жизнь, сопротивлялась изо всех сил.

Значит, это он...

Ирина вдруг побледнела. Сердце болезненно сжалось, и на лбу выступили капли противного холодного пота. Только сейчас она сообразила, как ей повезло!

Что, если бы она зашла на несколько минут раньше? И застала бы убийцу там, рядом со своей жертвой? Скорее всего, он убил бы ее, как Альвину. Не оставлять же в живых свидетеля! И что будет теперь? Как ей поступить? Идти в милицию? А вдруг ей не поверят? И потом, этот маньяк тоже видел ее и, скорее всего, запомнил!

Она с сомнением покосилась на незнакомца. Только что ей пришло в голову – а он-то что здесь делает? И кем приходится покойной Альвине? Другом? Клиентом? Просто соседом по дому? И потом, эта странная фраза «Я опоздал»... Неужели знал заранее, что с ней случится?

А он стоял рядом, нахмутив лоб и сжав губы, словно обдумывая решение какой-то важной и непростой задачи. Лицо его было совершенно отсутствующим, и глаза смотрели в пустоту... Наконец он обернулся к ней и твердо сказал:

– Вам надо пойти со мной.

Ирина испугалась еще больше. Такого она точно не ожидала... Неужели она просто так пойдет неизвестно куда за первым встречным? Может быть, он и есть тот самый маньяк, который убил Альвину, а тот, в перчатках, совершенно ни при чем? Или они действуют заодно? Хотя нет, это глупость, какие могут быть сообщники у маньяков!

И все-таки... В голосе и глазах незнакомца было что-то такое, что заставило ее послушаться. Ирина почему-то сразу поверила, что он вовсе не желает ей зла.

Она оперлась на его руку и, еле передвигая ноги, двинулась вниз по лестнице. Лифт по-прежнему не работал...

Василий был недоволен собой. Несмотря на то что очередной Акт Правосудия совершился благополучно, грешница раскаялась перед тем, как встретить свою смерть, и призналась во всех своих злодеяниях, он не ощущал обычного удовлетворения. Чувство радостного подъема, почти экстаза, так и не посетило его.

Что-то он сделал неправильно.

Может быть, не стоило приходить к ней в дом? Конечно, риск был очень велик, куда больше обычного, но и Альвина – не простая ведьма! Она даже не скрывала, что знает с дьяволом, а, напротив, открыто заявляла об этом, бахвалясь своим могуществом, и соблазняла несведущих, отчаявшихся людей искать помощи у темных сил в трудные моменты жизни, чтобы погубить их души! Она сделала это своим ремеслом и, надо полагать, получала за это немалые деньги. Такая злодейка, разумеется, заслужила свою участь, и ей еще повезло, что смерть ее была быстрой и легкой. В прежние времена ее бы сожгли на площади на медленном огне...

Беспокоило его нечто совсем другое. Выйдя из подъезда, он лицом к лицу столкнулся с какой-то женщиной. Вроде бы ничего в ней не было особенного, но почему-то эта встреча тревожила его. Она видела его в тот момент, когда он еще не успел прийти в себя после того, что пришлось ему совершить, не успел нацепить привычную маску...

Это ему совершенно не понравилось. Но оказалось, что дело обстоит еще хуже, чем он предполагал!

Василий заметил, что она обронила какую-то бумажку. Вот растяпа! Он всегда не любил, когда мусорят где придется, заботливо поднял листок, поднес к свету... И увидел четко написанный адрес и телефон Альвины. Значит, вот куда она собиралась!

Ситуация нравилась ему все меньше и меньше. Сейчас эта тетка звонит в квартиру, откуда он вышел несколько минут назад! Хорошо еще, если позвонит и успокоится, а если что-нибудь заподозрит? Поднимет тревогу и пойдет в свидетельницы? Расскажет, что видела его, подробно опишет внешность, по ее словам составят фоторобот...

Нет, этого нельзя оставлять просто так!

Решение созрело в считанные секунды. Ее нельзя оставлять в живых! Надо бы дожидаться, пока она выйдет из дома, но и маячить здесь слишком долго не стоит. Зачем

подвергать себя излишнему риску? Ему и так повезло, что вокруг никого не видно.

Василий быстро огляделся. Двор огорожен, выход на улицу – только через арку. Это хорошо – не полезет же она через забор! Он вышел со двора, сел в свою машину, предусмотрительно оставленную чуть поодаль, подогнал ее поближе, чтобы был хороший обзор, и стал ждать.

Время текло мучительно медленно. Удивительно, что эта женщина делает там так долго? А что, если она – подруга или домработница Альвины и у нее есть свои ключи? Она найдет ее мертвой и сразу же позвонит в милицию!

Хотя нет, это вряд ли. Зачем бы ей тогда нужен был листок с адресом? Скорее всего, она – обычная клиентка, прочитавшая объявление в газете. А значит, вернется несолоно хлебавши и пойдет себе домой.

Он понимал, что лучше всего поскорее убраться отсюда, но почему-то не уезжал. Впервые у него появились сомнения в правильности того, что он собирается сделать. Раньше ему никогда не приходилось убивать просто так, он вершил Правосудие и расправлялся с ведьмами, а эта женщина выглядела такой безобидной... Но с другой стороны, каждая, прибегающая к помощи колдовства, становится пособницей темных сил, а потому заслуживает смерти!

Но самое главное – он не может думать только о себе. У него есть Миссия, и ставить ее под удар он просто не имеет права. А значит, прочь сомнения! Твердость суждений – вот что нужно настоящему инквизитору.

Наконец в проеме арки появилась женщина. В лунном свете было видно почти как днем, и Василий сразу узнал ее. Беспформенные джинсы, рубашка, словно с мужского плеча, волосы, собранные в нелепый хвостик... Двигалась она какой-то странной, нетвердой походкой, словно только что здорово выпила или потеряла очки.

Но главное – вышла она не одна! Рядом с ней был какой-то странный мужик – длинный, худой, нескладный... В детстве такого, наверное, дразнили «кощеем». Он бережно поддерживал женщину, и она доверчиво опиралась на его руку, почти повисла на нем.

Василий смотрел на него с ненавистью. Ну откуда он здесь взялся, чтобы спутать его планы? Весь его облик показался очень неприятным, отталкивающим. Но было и еще кое-что...

Он был уверен, что где-то видел его раньше.

– Не бойся. Никто здесь не причинит тебе зла.

Ирина стояла посреди какой-то странной комнаты. Вверх уходила винтовая лестница, и по стенам, выложенным из грубоватого серого камня, были развешаны картины, изображающие невиданные цветы, инопланетные пейзажи, людей в странных костюмах... Если долго смотреть на них, казалось, что это вовсе не живописные полотна, не краски на холсте, а окна, открывающиеся в иные миры.

Но самое главное... Она совершенно не представляла себе, как здесь оказалась! Последнее, что она запомнила, – как выходила из дома колдуньи Альвины, полумертвая от страха, опираясь на руку молодого человека, так любезно предложившего ей свою помощь, а дальше – ничего, просто провал. Ирина оглянулась на своего провожатого, словно ища у него поддержки, но он молча стоял в углу, скрестив руки на груди. Лицо его казалось непроницаемым, и взгляд был такой же отсутствующий, как там, перед дверью квартиры убитой женщины. Казалось, душа его находится где-то далеко...

– Вспомни, как это было. Это очень важно... И для тебя самой тоже.

Высокий мужчина с короткой светло-русой бородой смотрит ей прямо в лицо. Глаза у него темно-синие, как море перед штормом. Он спокоен и терпелив, голос звучит вполне мягко и доброжелательно, и во внешности нет ничего страшного или отталкивающего... Да что там – красивый мужик! Прямо как артист какой-нибудь...

Но Ирина чувствует, как волна дикого, безрассудного ужаса захлестнула ее. Какой-то голос из самых потаенных глубин души нашептывает ей, что страшен этот человек и его

благообразная внешность – только маска, что он не тот, за кого выдает себя, может быть, даже и не человек вовсе... Хотелось бежать отсюда без оглядки, закрыв лицо руками, лишь бы не видеть этих глаз!

Ее провожатый вдруг стряхнул с себя оцепенение. В его глазах Ирина увидела печаль... И жалость к ней. Когда он заговорил, ей даже как будто стало немного легче.

– Успокойтесь, прошу! Я знаю, что вы переживаете сейчас. И... мне искренне жаль, что именно я стал причиной ваших страданий, приведя вас сюда. Поверьте, выбора у меня не было! То есть он был, конечно, но еще хуже. Вы же не хотите, чтобы убийца остался безнаказанным и продолжал свое дело?

Да, да, конечно, он прав. Кто бы он ни был – но прав. Ирина добросовестно старалась в самых мельчайших деталях вспомнить облик убийцы, которого в недобрый час ее угораздило встретить, и не смогла. Как она ни пыталась, мысли путались, и черная дыра страха, словно воронка, поглощала ее сознание.

– Я... не могу! Не получается, – пожаловалась она и расплакалась.

– Ничего, ничего, я постараюсь вам помочь...

Голос был удивительно красивый – низкий, мягкий, убаюкивающий... Даже странно было, что он таится в таком костлявом нескладном теле! Наверное, он все-таки хороший человек. Его почему-то она совсем не боялась – даже когда он подошел совсем близко, поднес руку к ее лицу и легко коснулся ладонью лба.

Все вокруг дрогнуло и закачалось, словно отражение на воде, подернутой мелкой рябью. Сейчас Ирина видела только убийцу – четко, как будто он находился рядом. На секунду она даже испугалась, тем более что оба ее странных собеседника тоже видели его! Тот, с короткой русой бородой, которого Ирина так испугалась, несколько минут пристально смотрел на него, потом сделал легкое движение рукой – и видение исчезло. Он помолчал недолго, словно обдумывая что-то важное, и сказал непонятно:

– Это Бинсфельд. Отец Иоганн Бинсфельд из ордена доминиканцев... Что ж, ты был прав, Тринадцатый!

Василий ехал по ночной Москве – медленно, не спеша. Город, сверкающий огнями, был для него словно лес для охотника, подстерегающего свою жертву.

Но сейчас казалось, что он сам превратился в добычу для кого-то. Впервые с тех пор, как он начал осуществлять свою Миссию, ему было страшно. Ощущение близкой опасности не покидало его, наоборот – тревога возрастала с каждой секундой. Казалось, будто конец близко, и ему осталось совсем немного... Можно было бы, конечно, отмахнуться от сигналов, что посылает подсознание, и спокойно отправиться домой отдыхать после нелегкого дня, но Василий привык доверять своей интуиции.

А потому он так торопился сделать как можно больше.

Он не спал уже вторую ночь, но совсем не чувствовал усталости – наоборот, возбуждение и азарт выбрасывали в кровь новые и новые порции адреналина. А опасность... Что ж, так даже интереснее! «Есть упоение в бою, у бездны мрачной на краю...» Кто это сказал? Кажется, Пушкин.

Василий остановил машину возле дорогого ночного клуба. Уже не первый раз он наведывался сюда – и никогда не уходил в одиночестве. Юные ведьмочки роятся возле сверкающих неонов реклам, летят на свет, словно бабочки на огонь, и, если вдуматься, нет ничего необычного в том, что некоторым из них доведется сгореть дотла.

Внутри было все как обычно – полумрак, грохочущая музыка, сизые клубы сигаретного дыма... На танцполе яблоку негде было упасть. Парни и девушки (в основном, конечно, девушки, в таких местах их всегда бывает больше!) извивались и подпрыгивали в такт. В мерцании стробоскопа они все казались персонажами дьявольского шабаша. Именно так его представляли себе средневековые теологи – и, надо признать, они были совершенно правы. Остается только снять шляпу перед их провидческими способностями.

Василий устроился за столиком в углу и заказал кофе. Он выжидал, придирчиво

высматривая ту, которая должна, возможно, стать последней его жертвой. Но сегодня почему-то ему не очень везло. В лицах девушек, что сновали вокруг (а некоторые на него заинтересованно поглядывали!), он видел что угодно – похоть, корысть, желание найти постоянного любовника или партнера на одну ночь, равнодушие или высокомерие... У некоторых зрачки были расширены от кокаина, а у других в глазах отчетливо маячили долларовые знаки.

Но все это было не то, не то и еще раз не то! В другое время почти любая из этих девиц обнаружила бы свою «темную сторону» в его умелых и опытных руках. Но сейчас ему требовалось нечто особенное, что могло бы послужить достойным завершающим аккордом его инквизиторской карьеры...

Он почти уже отчаялся, когда, наконец, увидел Ее! Василий даже не заметил, как она входила в зал, но это и немудрено – толчея вокруг, все время кто-то входит и выходит... И все же ему показалось, что она просто *появилась* перед ним, возникла из воздуха, как ответ на его ожидание. Только что ее не было – и вот, пожалуйста...

Ах, как хороша! Короткая юбка открывала длинные загорелые ноги, ярко-алая блузка с большим вырезом и без намека на нижнее белье под ней обтягивала соблазнительную грудь, и черные как смоль распущенные волосы свободно спадали почти до талии. Они окутывали ее, колыхались при каждом движении, словно шелковый плащ, а глаза... Огромные, черные, миндалевидные, с ослепительно-белыми белками, они казались бездонными, как омут, затягивающий все живое.

Вся она была как живое олицетворение дьявольского соблазна. Вот сейчас нужно встать, сказать несколько незначущих слов, улыбнуться, может быть, пригласить танцевать или заказать ей что-нибудь выпить...

Но Василий вдруг оробел. Руки и ноги стали как деревянные, и он сразу почувствовал, что обычная маска опытного соблазнителя здесь не годится. Такая девушка не поведется на комплименты, ее не удастся ни купить, как одну из профессионалок, ни сманить туманными обещаниями вечной любви и будущей счастливой семейной жизни, как обычных дурочек, коих тоже вокруг немало.

Он смотрел на нее неотрывно и жадно, но подойти не смел. Это было так мучительно, что Василий уже хотел было встать и уйти, но тут произошло чудо – девушка сама вдруг окликнула его:

– Эй, привет! – Она помахала рукой и подошла к его столику. – Ты не меня, случайно, ждешь?

Глухо и больно стукнуло сердце. Ну, значит, судьба. Так тому и быть. Он чуть привстал и сделал приглашающий жест.

– Да... Тебя. Присаживайся.

Горло пересохло, и говорить было трудно, но Василий все равно старался быть любезным.

– Выпить что-нибудь хочешь? Может, «Бейлиз» или «Малибу»?

Когда девушка опустилась на стул рядом с ним, от близости ее тела, от пряного и нежного запаха духов закружилась голова. Она достала из сумочки пачку тонких и длинных сигарет, закурила, и в каждом ее движении было что-то от змеи – грациозное и опасное.

– Коктейли здесь тоже неплохо готовят. «Мохито», «Голубые Гавайи», «Секс на пляже»...

Она помолчала минуту, словно выбирая, потом вдруг резким движением затушила сигарету в пепельнице.

– Нет, не хочу. Лучше пойдем отсюда... Здесь больше делать нечего.

Ночной воздух казался на удивление чистым и свежим по сравнению с прокуренной, душной атмосферой клуба. Василий галантно открыл дверцу автомобиля для своей спутницы и только потом сел за руль сам.

– Ну что? Куда поедем? – спросил он.

– Прямо, – ответила девушка, – а дальше я покажу.

– К тебе? – Он принужденно улыбнулся.

Вот это было бы уже лишнее. Мало ли что там может быть... Работать на чужой территории всегда тяжело и опасно, мало разве одной колдуньи Альвины! Надо как-то отговорить ее.

– Да нет же! – Она чуть улыбнулась, будто удивляясь его недогадливости. – Лучше побыть на природе, за городом... Посмотри, какая ночь! Я одно хорошее место знаю...

– Хорошо, поехали!

Василий обрадовался. Погода действительно хорошая, ночь теплая, и луна светит... Поехать куда-нибудь за город действительно было бы лучше всего. Там никто не помешает.

Он повернул ключ в замке зажигания и тронулся с места.

По дороге девушка молчала. Когда Москва осталась позади и они оказались на скоростной трассе, Василий вдруг спохватился:

– Да! Забыл спросить – звать-то тебя как?

– Меня – Диана, – тихо ответила она.

– Диана... – он покачал головой, – редкое имя, красивое. А я...

Договорить он не успел. Кажется, его прелестной спутнице было совершенно все равно, как его зовут.

– Здесь сворачивай! – скомандовала она.

Оживленное шоссе сменила узкая дорога всего в две полосы. По обе стороны тянулся лес, и сейчас, ночью, он выглядел таким таинственным, даже немного страшноватым. Деревья, освещенные луной, стояли словно часовые, и казалось, что там, в чаще, до сих пор бродят лешие и водятся дикие звери...

– Останови, приехали!

Василий покорно затормозил. Девушка улыбнулась, сверкнули ровные белоснежные зубы... И на миг ему вдруг показалось, что их слишком много и они острые, как у дикого зверя или вампириши из американского ужастика. Значит, верно говорят, что в полнолуние ведьма являет свое истинное лицо и невольно обнаруживает себя!

– Пойдем со мной!

Василий вышел из машины. По правде сказать, он всегда считал себя городским человеком и даже немного побаивался леса, но Диана чувствовала себя здесь в родной стихии. На лице ее играла блаженная улыбка, она как будто даже стала еще красивее...

– Пойдем, не пожалеешь! – Девушка легко потянула его за руку, увлекая за собой, и он двинулся следом, про себя моля Бога только об одном – чтобы Он дал ему достаточно сил противостоять искушению и выполнить свою Миссию до конца.

Ветки хлещут по лицу, под ногами узловатые кривые древесные корни извиваются как живые... Но Василий бежал вперед, напролом через кусты. Он спотыкался и падал, обдирая руки в кровь, но каждый раз все равно поднимался на ноги – и бежал.

Он не понимал, как такое могло случиться. Только что эта тварь была рядом и смотрела в глаза, он даже за руку ее держал – вроде бы нежно, а на самом деле – чтоб не вздумала сбежать...

И вдруг она исчезла. Просто испарилась, не оставив следа, а он с удивлением обнаружил, что находится вовсе не в двух шагах от дороги, а в самой чаще леса! И что самое печальное, не представляет себе, куда идти и как отсюда выбраться. Поначалу он пытался как-то сориентироваться и понять, где находится, потом просто шел наугад, и вдруг...

– Я здесь! – раздался нежный голосок у него за спиной. – Иди ко мне!

Он резко обернулся, но увидел только юбку, висящую на каком-то кусте, потом кофточку... Чуть не споткнулся о туфельку на высоком каблуке, застрявшую между корнями старого дуба. Здесь, в лесу, городская одежда казалась такой нелепой и неуместной! Но все же он зачем-то подобрал эти тряпки и двинулся туда, где что-то белело между деревьев. Или это только показалось?

– Ну, что же ты? Поймай меня!

Девушка стояла в двух шагах от него, нагая и прекрасная, одетая лишь в лунный свет. Он искрился, играл и переливался, как тончайший прозрачный шелк, и теперь она казалась лесной богиней, повелительницей птиц и зверей, которую древние римляне почитали чуть ли не выше всех...

Как ее звали? Ну да, конечно, Диана!

Он кинулся было к ней, протянул руку, но миг – и пальцы хватают лишь воздух.

– Я здесь! Догоняй!

И теперь он бежал в отчаянной попытке поймать проклятую ведьму, а она смеялась и дразнила его, то исчезая за деревьями, то появляясь вновь. Волосы развевались, и казалось, что она летит, не касаясь земли.

Вот и лес начал редеть понемногу. Впереди виднеется открытое пространство, залитое лунным светом. Василий уже начал задыхаться, в боку закололо... Он бежал из последних сил, неизвестно на что надеясь.

Вдруг он споткнулся, упал и довольно сильно ударился головой о какой-то камень, неведомо как оказавшийся здесь. Даже лоб рассек... По лицу потекла кровь, заливая глаза, но все же он нашел в себе силы подняться. Теперь приходилось двигаться почти ощупью, пошатываясь и хватаясь за стволы деревьев, но все же упорно шел вперед. Врешь, не возьмешь!

Наконец лес кончился. Василий оказался на поляне. Черноволосая ведьма была совсем рядом... Теперь она и не думала больше убежать. Он снова услышал ее голос:

– Ну вот мы и пришли!

Василий отер кровь со лба и увидел, что рядом с ней стоят какие-то люди в длинных белых балахонах. Лица их были закрыты капюшонами, а легкий ночной ветерок чуть колебал одежды.

В первый момент он немного оробел. Так вот, оказывается, как выглядит настоящий шабаш! А он-то думал, что подобные сборища могли происходить лишь в Средневековье...

Василий пытался припомнить, как надлежит поступать ревнителю благочестия, волею судеб оказавшемуся на подобном сборище, но, как назло, ничего дельного на ум не приходило. Напротив, вспоминалась только печальная история инквизитора из Комо, который, спалив заживо множество ведьм, все же не до конца верил их рассказам. Этот отважный человек решил лично удостовериться в том, что происходит на шабашах, и заставил одну из арестованных колдуний тайком провести его туда. Любознательность дорого обошлась члену священного трибунала... Дьявол поначалу делал вид, что не замечает незваного гостя, но потом по его сигналу нечисть разом набросилась на несчастного, и через две недели он скончался от побоев.

Значит, помощи ждать неоткуда. Если уж инквизитор, облеченный саном, не смог защитить себя, то и ему не спастись. Ночь – время, когда демоны чувствуют себя хозяевами на земле. Низринуть их в ад может только первый крик петуха, но до утра еще далеко, и луна высоко стоит в темном небе...

Но почему-то убивать его никто не спешил. Василий растерянно озирался по сторонам и чувствовал себя на редкость глупо. Все-таки по свидетельствам Отцов Церкви шабаш выглядел несколько иначе! Никаких тебе голых ведьм, исполняющих бесовские пляски и поедающих ножки некрещеных младенцев, ни дьявола в образе черного козла... Даже та, что заманила его сюда, теперь непонятным образом облеклась в длинный балахон и скромно стояла среди других.

Чтобы придать себе мужества, он усилием воли пытался вызвать воспоминания об отце Иоганне. Вот он бы точно не дрогнул, оказавшись в руках этих дьявольских созданий, а если надо – без страха принял бы мученическую смерть!

Сейчас он почти воочию увидел монастырь среди зеленых холмов, стрельчатые церковные своды, лицо юного послушника, прекрасного, как сам архангел Михаил, в честь которого он и получил свое имя... теперь близкая гибель уже не страшила его. В самом деле,

чего же бояться, если жизнь – бесконечна?

Василий счастливо улыбался, все дальше и дальше уходя в свою прошлую жизнь. Жаль только, что милых сердцу картин, когда он был по-настоящему счастлив, сохранилось в памяти совсем немного... Жизнь отца Иоганна была чистой и праведной, он был настоящим подвижником, неутомимым тружеником и защитником веры, а он знает о нем далеко не все.

Вперед выступил высокий, худой точно скелет мужчина. Даже под длинным балахоном это было заметно. Он откинул капюшон, прикрывающий лицо.

– Ты помнишь меня? – спросил он.

Василий сразу его узнал. Именно его он видел возле дома колдуньи Альвины! Значит, он шпионил за ним, выслеживал... И привел сюда, на верную смерть.

– А тогда, раньше?

Боль вонзилась в виски, словно раскаленная игла. Василий на миг закрыл глаза. Словно огненный шар взорвался перед глазами, и все озарилось ослепительно-ярким, безжалостным светом. Да, действительно, он помнил!

Ученый аптекарь Альбрехт Доденхайм, колдун и чернокнижник... Он сам явился в магистрат, признался во всех своих деяниях, произносил кошунственные речи и даже посмел посягнуть на авторитет самой святой церкви! Его слова о том, что придет время и сам папа римский будет каяться перед всем миром, включая еретиков и язычников, за существование судов инквизиции, возмутили его до глубины души.

Даже под пытками этот грешник не обнаружил и тени раскаяния, напротив, открыто глумился над судьями, вытаскивая на свет божий все их грехи, все самые потаенные желания, в которых человек и сам себе не всегда может признаться. Почтенному фон Шнеевейсу, известному гонителю чародейства, он намекал на связь его молодой жены с графом Пургшталем, господина Атенштадта попрекал страстью к азартным играм, и даже палач Фриц Вебер, ко всему привыкший за долгие годы беспорочной службы в застенке, содрогнулся и побледнел, когда услышал совет не покупать сегодня дочери новое платье из брабантских кружев... Его самого он тоже смутил, напомнив о каком-то страшном поступке, который он пытался забыть всю жизнь...

И о Михаэле.

Откуда он знал? Наверняка от самого дьявола!

И теперь он снова стоит перед ним, безжалостно смотрит в глаза, вытаскивая на свет божий самое сокровенное, потаенное, запрятанное в глубоких тайниках души.

Нет, нет, он не смеет этого делать!

Отчаянным усилием воли он пытался отогнать дьявольское наваждение, вспоминая только о хорошем. Он видел, как они с Михаэлем идут по дорожке, обсуждая толкования блаженного Августина, как сидят в библиотеке, занятые переписыванием старинных книг, стоят рядом на молитве... Картины эти исполнены истинной благодати, так что слезы умиления наворачиваются на глаза, но миг – и он видит совсем иное.

Темнота. Келья. Глаза совсем рядом – огромные, молящие... Любимые глаза. А он придвигается все ближе, ближе... И уже не может остановиться. Все как в тумане – юное нагое тело, еще не тронутое возмужалостью, потом – быстрые движения, нарастающее возбуждение... И вот уже нет больше ничего, даже самого Бога, только огромное блаженство!

Позже приходит стыд. Когда все было кончено, он не смеет взглянуть на Михаэля и уходит, ни слова не говоря, и закрывает лицо капюшоном.

В следующий раз он увидит его уже мертвым.

Его тело висит на поясе-веревке, чуть качаясь от легкого ветерка, так что ноги в грубых сандалиях чуть-чуть не касаются земли. Лицо больше не кажется красивым – посиневшее, распухшее, оно изуродовано предсмертной мукой, глаза вылезли из орбит, язык вывалился изо рта...

Темной ночью монахи вынесли его из монастыря, таясь, словно воры или гробокопатели. В молчании выходят они из обители со своей страшной ношей и, торопясь,

закапывают тело на пустыре, будто падаль. Человек, впавший в смертный грех самоубийства, не достоин покоем в освященной земле, заупокойную службу не творят над ним, и не дозволено молиться за погибшую душу, обреченную на вечные муки в геенне огненной.

Только он, Иоганн, стоит чуть поодаль, и слезы катятся по его лицу. На мгновение ветер приподнимает черный платок, прикрывающий лицо покойного, и он в последний раз видит Михаэля. Сейчас он выглядит таким спокойным, отрешенным от всего сущего. Страшная гримаса смерти исчезла, лицо разгладилось, и он снова был прекрасен. Как он хотел бы сейчас упасть на его тело и рыдать, словно слабая женщина, как вдова, потерявшая мужа, или как отец, лишившийся единственного сына, чтобы хоть так облегчить свою душу, но он не смеет сделать этого.

Земля скрыла его навеки, он чувствовал себя так, словно там, на пустыре, была закопана частица его души.

– Хватит, пожалуйста, не надо! – крикнул Василий. – Остановите это, я прошу!

Перед его внутренним взором появляются совсем другие картины. Вот зал судилища... Нагая женщина, что извивается от боли и кричит, подвешенная на дыбе под потолком:

– Я признаюсь, признаюсь во всем, только не надо меня мучить, добрые господа!

Вот площадь перед ратушей, заполненная народом. Трех колдуний привезли в телеге живодера и теперь прикручивают к столбам, обложенным вязанками хвороста...

Снова тюрьма. Женщина, лежащая на полу камеры, на гнилой соломе. Цепи сковывают ее по рукам и ногам, но она и не смогла бы убежать, даже если бы очень захотела. Ноги ее после пытки «испанским сапогом» переломаны в нескольких местах и покрыты ужасными ранами. Камера тесная, сырая и холодная, по углам шмыгают крысы... Даже несколько минут здесь находиться тяжело, но долг превыше всего! Как тюремный духовник он должен дать последнее напутствие грешнице. Отец Иоганн произносит подобающие слова, призывает покаяться во всех грехах, исповедаться, чтобы обрести спасение на небесах, но ведьма глуха к голосу милосердия и только твердит одно:

– Я невиновна, отец мой! Невиновна, как и все, кого я оговорила... Сможет ли Господь простить мне этот грех?

Отец Иоганн с отвращением смотрит на нее. Даже сейчас погрязшая во лжи ведьма смеет упорствовать... И вдруг он с ужасом понял, что эта женщина не лжет! И впервые в сердце шевельнулось сомнение. А что, если *все* признания, вырванные пытками, – неправда?

Чтобы прогнать нерешительность, он злобно кричит на несчастную, топает ногой и уходит прочь. А вслед ему несутся рыдания...

В тот вечер он вернулся домой в отвратительном расположении духа. Падая легкий пушистый снежок, и совсем немного времени оставалось до светлого праздника Рождества, когда всякий честный христианин должен радоваться, но отцу Иоганну было не до этого. Болит голова, в теле появилась какая-то вялость, и почему-то ужасно болит левая лодыжка...

На следующий день он слег в постель. Маленькая царапина погубила его. Отец Иоганн метался в жару, а сине-багровая опухоль все распространялась выше по ноге, словно пожирая живую плоть. Рана издавала отвратительное зловоние, словно он начал уже гнить заживо. Он страшно мучился и все время кричал от боли, если только не впадал в тяжелое забытие, но, стоило закрыть глаза, видел одно и то же, и это видение причиняло ему гораздо больше страданий.

Сотни женщин, окровавленных, искалеченных, в изорванных платьях, стояли длинным живым коридором и неотрывно смотрели на него. Они молчали, не двигались, но в лицах их не было милосердия. Взгляды обжигали, словно прикосновение раскаленного железа, и некуда было деться от них. Он шел меж ними, содрогаясь от ужаса и боли, а впереди видны были отблески багрово-алого негасимого пламени. И не было у него другой дороги... Только – туда.

Лишь перед самым концом настал краткий миг просветления. Отец Иоганн открыл

глаза. Жар спал, и боли не было, но он почти перестал чувствовать свое тело.

В комнате было темно, только на столе догорала свеча. Первое, что он увидел, – лицо экономки под кружевным чепчиком. По пухлым румяным щекам текли слезы, и глаза красные... Видно, что уже не первую ночь она не спала.

Отец Иоганн и сам плакал. И вовсе не потому, что чувствовал, что часы его сочтены и дыхание смерти уже коснулось его лица. В конце концов, верующий христианин не должен бояться умирать, а лишь молиться и уповать на милосердие Божие, дарующее жизнь вечную!

Сердце его разрывалось от горя и стыда, потому что увидел место в геенне огненной, уготованное его душе. В последний час своей жизни он понял, сколько зла сотворил собственными руками, – и ужаснулся.

Собрав последние силы, он чуть приподнялся на постели и хотел было сотворить крестное знамение, но рука бессильно упала.

С трудом он разлепил запекшиеся губы. В голосе его звучала невыразимая печаль.
– Там огонь, Эльза! И я... иду туда.

Василий упал на колени, обхватив голову руками. Он снова плакал, и все тело его сотрясало от рыданий. Эти слезы обжигали сильнее раскаленного железа или расплавленного свинца. Огонь как будто пожирал его изнутри, причиняя невыразимые страдания. Он корчился и извивался, но не мог сойти с места, словно сам был привязан к столбу, как те, другие, на площади.

«Так вот, оказывается, что испытывает человек, сгорая заживо...»

Эта мысль стала последней для него. Еще миг – и в ночное небо взметнулись языки пламени. Тело его вспыхнуло как факел, и через несколько секунд все было кончено. Осталась лишь маленькая горстка пепла.

Адский огонь не оставляет следов...

Ирина проснулась оттого, что солнце било прямо в глаза. Значит, уже не утро – день на дворе! Непонятно было, почему она легла спать одетая, а главное – что это за дом и как она тут оказалась.

Комната была просторная, стены обшиты деревянными панелями, и окно выходит в сад... Ирина лежала на низкой и широкой тахте, покрытой пестрым тканым покрывалом. Как ни странно, выпалась она хорошо и впервые за несколько месяцев чувствовала себя легкой и отдохнувшей.

Лишь вспомнив события вчерашней ночи, она заволновалась. Теперь, при ярком дневном свете, все это казалось лишь дурным сном, и все же, раз она здесь, значит, это на самом деле было – погибшая Альвина, маньяк-убийца в черных перчатках, странный человек, который привел ее сюда, и тот, другой... А что будет дальше? Она ведь дома не ночевала, там небось все с ума сходят. И что скажет Витя? Ужас, просто ужас.

Ирина посмотрела на часы и ахнула. Надо же, почти двенадцать! Проспала полдня. Где бы она ни оказалась, надо поскорее выбираться отсюда.

Дверь отворилась, и в комнату вошла высокая красивая девушка с распущенными черными волосами. Прямо как фотомодел... Даже в журналах Ирина таких не видела!

– Доброе утро! – приветливо поздоровалась она. – Меня зовут Диана. Хорошо ли тебе спалось, сестра?

Ирину немного покорило, что молодая особа, которая, наверное, ей в дочери годится, фамильярно обращается на «ты». И потом, это странное слово «сестра»... У них тут что, секта, что ли?

Словно прочитав ее мысли, девушка чуть улыбнулась и сказала:

– Все мы братья и сестры. Наша мать – Земля, а отец – Небо!

Ну, если в этом смысле – тогда ладно. Каждый имеет право на свои убеждения!

Ирина вовсе не расположена была спорить, тем более о таких абстрактных понятиях. Гораздо важнее было другое – поскорее уйти и добраться до дому. Она встала, пригласила

растрепавшиеся волосы и искала глазами свою сумку. Ах, вот она, стоит себе спокойненько на полу в уголке... Надо бы проверить, не пропало ли чего, но в присутствии незнакомки она как-то постеснялась это делать.

– Мне надо идти! – сказала она, стараясь, чтобы голос звучал строго и уверенно. – Подскажите, пожалуйста, как отсюда быстрее добраться до Москвы?

На секунду ей стало страшно. Промелькнула нехорошая мысль – а что, если ее вообще не выпустят? Мало ли кем окажутся эти странные люди, а она совсем одна, и никто на свете не знает, где она находится...

Но Диана только рассмеялась:

– Не бойся! Никто не собирается тебя здесь задерживать. Через час ты будешь уже дома. – Она помолчала минуту и добавила уже серьезно: – Но на твоём месте я не стала бы так торопиться.

Да уж... Ирина подумала о том, что ожидает ее по возвращении, о Викторе – и сразу сникла. Зачем ее вообще понесло к этой колдунье? Вляпалась теперь из-за нее в нехорошую историю!

– И в самом деле – зачем? – вдруг спросила девушка.

Ирина подозрительно покосилась на нее. Она что, мысли читает? И какое ей дело? Кто она такая, что так бесцеремонно лезет в ее жизнь?

Но девушка ничуть не смутилась.

– Я про Альвину, ту, которая называла себя ведьмой, – объяснила она, – что тебе от нее было нужно?

Ужасно не хотелось признаваться в том, что пыталась прибегнуть к помощи магии, но почему-то Ирина покорно ответила:

– Мужа хотела приворожить.

Ее собеседница, кажется, ничуть не удивилась. Она повернула голову и с любопытством спросила:

– Приворожить? А для чего?

Ирина задумалась. Как рассказать этой молодой красивой девице, у которой наверняка от кавалеров отбоя нет, о своем горе? О чувстве, когда земля уходит из-под ног и кажется, что жизнь кончена? Об одиночестве, которое подкрадывается, как хищный зверь, и вонзает в сердце свои когти?

Она, наверное, не сможет понять такого... По крайней мере, сейчас.

Она сглотнула комок в горле и сказала:

– У него появилась другая женщина. А я... я его любила!

Но красotka все не унималась:

– И как, помогло?

Ирина кивнула:

– Помогло... Но лучше бы уж не вышло ничего!

– Это почему же?

– Он стал... как будто бы не он.

Неожиданно для себя она вдруг стала рассказывать все с самого начала – про колдунью, про лес, про осинку, про то, каким стал Виктор... И про то, зачем собиралась к Альвине в тот вечер, когда застала ее мертвой.

– Я так больше не могла! Он меня просто возненавидел, понимаешь? И уйти никуда не мог, каждый вечер после работы – сразу домой! Я хотела снять это...

Ирина вдруг вспомнила, что теперь, когда Альвины больше нет в живых, снять наложенные чары уже невозможно, и тихо всхлинула:

– А теперь – и помочь некому...

– И она бы тебе тоже не помогла, – усмехнулась Диана.

– Почему?

– Ну, это долгая история. И знать ее тебе, наверное, не нужно... Скажи лучше – ты и сейчас этого хочешь?

- Да.
- И готова его отпустить?
- Да, готова.
- Ладно! Пойдем со мной.

Диана потянула ее за руку. Они вышли из комнаты, спустились по длинной винтовой лестнице и через несколько минут оказались в маленькой темной комнатухе без окон.

Девушка плотно закрыла дверь, и они остались в полной темноте. Ирина даже испугалась и зачем-то прижала к себе сумку. Час от часу не легче... Что она еще задумала?

Вспыхнул крошечный огонек, и темноту осветило колеблющееся пламя светильника, похожего на бабушкину керосиновую лампу, только поменьше. Ирина увидела круглый стол, покрытый затейливой резьбой, массивный шкаф, кресло... Девушка достала какие-то странные предметы – старинную медную чашу, изукрашенную узорами в форме сложных узлов, перекрещивающихся между собой, кувшин с водой и толстую черную свечу.

Ирина наблюдала за ней со страхом и любопытством. Она стала в углу, боясь лишний раз пошевелиться, а Диана вовсе не обращала на нее внимания. Лицо ее было сосредоточенно, словно она занималась каким-то важным делом. Она прилепила свечу ко дну чаши, осторожно налила воду, щелкнула пальцами – и свеча зажглась, как будто сама по себе.

Девушка смотрела на нее долго, не отрываясь. Она водила руками над пламенем, что-то приговаривая, и тут Ирина задрожала всем телом. Она почувствовала присутствие того существа, что видела в лесу в ту самую ночь, которую теперь так хотела бы забыть навсегда! Вот оно совсем рядом, так что можно коснуться рукой, вот давит на плечи, сжимает грудь... Она хотела было закричать от ужаса – и не смогла. Прямо перед собой она увидела круглые желто-янтарные глаза.

А девушка запела. Голос ее был тих и нежен, но какая сила таилась в нем!

Разбиваю эту силу.

Пусть все станет так, как было...

Пламя свечи затрещало, разбрасывая искры во все стороны. Ирина вжалась спиной в стену – только пожара здесь еще не хватало! Но страх скоро прошел, наоборот, стало легко и радостно, и даже искры казались какими-то нестрашными, как бенгальские огни на Новый год. Темное живое облако вдруг вспыхнуло – и тут же сгорело, как лист бумаги. Только хлопья сажи остались, несколько секунд летали по комнате, да сильно запахло горелым.

Свеча зашипела и погасла. Вода в чаше сразу стала темной и какой-то мертвой.

Вот и все. Диана погасила светильник, взяла ее под руку и вывела на свет. В первый момент солнечные лучи просто ослепили Ирину после темной комнаты, она щурила глаза и шла почти ощупью за своей провожатой. Миновав застекленную веранду, они вышли из дома.

Участок оказался довольно большой, огороженный высоким забором. Правда, росли здесь не груши и яблони, а какие-то странные, непривычные деревья и кусты. Ирина даже названия их не знала...

У ворот стояла машина – огромный, сверкающий полировкой джип. Диана пошарила в кармане, достала ключи, деловито уселась за руль и помахала ей рукой.

– Садись! Я же сказала, что через час будешь дома.

Ирина открыла дверцу и устроилась на сиденье рядом с ней. Немного странно было, что о ней так заботятся, даже домой доставят с комфортом... Девушка даже не спросила, куда, собственно, нужно ехать! Ирина принялась было объяснять, но получилось отчего-то длинно и путано.

– Не надо, – остановила ее Диана, – сама знаю.

Интересно, откуда? Ирина хотела было спросить об этом, но промолчала.

Девушка уверенно и ловко управлялась с громоздким автомобилем. По трассе они

неслись со скоростью километров под сто пятьдесят... На МКАД она свернула в сторону Профсоюзной. Ирина хотела было предупредить, что там обычно в это время выстраивается длинная пробка, но было уже поздно.

– Не волнуйся, – сказала девушка, – сейчас свободно.

Нет, она точно мысли читает! Даже страшно.

Возле дома Ирины Диана остановила машину со стороны улицы, а не во дворе. Она потянулась было открыть дверцу, но девушка остановила ее:

– Подожди. Еще одно слово... Что ты будешь делать дальше?

– Не знаю...

Ирина пожала плечами. Впервые она не задумывалась об этом, и будущее ее не страшило. Как-то оно будет... Главное – теперь она свободна, и наваждение исчезло!

– Что-нибудь буду, наверное. На работу устроюсь...

– А что ты *любишь* делать больше всего?

Ирина задумалась. А вот и в самом деле – что?

Раньше все ее время занимали домашние хлопоты – убрать, постирать, приготовить, проверить уроки, помыть посуду... Не сказать, чтобы она особенно любила всем этим заниматься, но куда ж денешься?

И только в редкие свободные часы, устраиваясь на диване с очередной книжкой, она чувствовала себя счастливой! Да, это занятие она любит по-настоящему... Но какому идиоту придет в голову платить за него деньги?

– Читать книги! – выпалила Ирина, чувствуя себя полной идиоткой.

Но ее собеседница, кажется, ничуть не удивилась.

– Значит, будешь читать книги! – совершенно серьезно, без улыбки сказала она, заглянула Ирине прямо в глаза и зачем-то прищелкнула пальцами.

Звук этот отозвался в голове, как будто клацнули стальные шестеренки, приводя в движение какой-то очень сложный механизм. В глазах на мгновение потемнело. Душно, наверное, стало или укачало в дороге... Ирина поспешила выйти из машины на свежий воздух и зашагала к подъезду. «Нет уж, хватит с меня чудес!»

Девушка приоткрыла стекло и помахала ей рукой:

– Прощай, сестра! И... будь благословенна!

Ирина несмело шагнула через порог. Теперь она думала только о том, как будет объясняться с мужем, но ничего на ум не приходило. В самом деле, очень нехорошо получилось – ушла и исчезла непонятно куда, телефон не работает, дома не ночевала... Он же бог знает что мог себе вообразить! И правду говорить нельзя. Такая правда только для психушки. Ирина решила, что сразу же позвонит ему на работу, сообщит, что с ней все в порядке, а до вечера придумает что-нибудь.

Но, против ожиданий, Виктор оказался дома. Среди недели это было более чем странно. Еще больше ее удивило, что муж никак не напоминал человека взволнованного или растерянного. Напротив, он спокойно сидел у телевизора, но теперь больше не переключал каналы, а увлеченно смотрел какую-то передачу и жевал бутерброд. Раньше он никогда не хватал куски, ел только за столом...

Увидев ее, он тут же выключил телевизор и вышел навстречу, но особой радости его лицо не выражало.

– А-а, явилась наконец-то! Очень хорошо.

Ирина совсем растерялась и залепетала:

– Понимаешь... Тут такое произошло... В общем, это совсем не то, что ты мог бы подумать!

Но Виктор вытянул вперед ладонь, останавливая ее:

– Я ничего не хочу знать. Где была, там была... Я давно подозревал, что у тебя появился любовник.

– Витя, о чем ты? – возмутилась Ирина. – Какой любовник? У меня никого нет!

– Ага, и ночевала ты, конечно, у подружки! И вы с ней вслух сказки читали. Но сейчас не об этом речь.

Ирина пыталась вставить хоть что-нибудь в свою защиту, но не могла. Казалось, что слова Виктора тяжелые, как камни, они давят...

– Послушай меня. Я решил, что нам надо расстаться. Давно хотел сказать тебе об этом, но все как-то случая не было... Но теперь – с меня хватит! И так живем как чужие люди, но жена-шлюха мне не нужна! Сама живи как хочешь и мне не мешай.

Ноги у Ирины подкосились от этих жестоких, несправедливых слов. Хотя она и ожидала, что, скорее всего, придется расстаться с мужем и потом как-то пытаться жить дальше одной, но все равно продолжала надеяться неизвестно на что.

Но главное... Было очень обидно, что Виктор обвиняет во всем *ее\i0* *Словно это и не он был неверен, не он заставил ее страдать, не из-за него она рисковала не только жизнью, но и душой...*

Ирина опустила на диван и тихо сказала:

– И вот это что – все? Мы же столько лет были вместе, я всегда старалась для тебя и Толика...

– Что? Ты старалась? Это я всю жизнь работал как вол, понимаешь? Пока ты дома сидела на диване, читала свои дурацкие книжонки, я пахал день и ночь!

Взгляд его упал на книжку, лежащую на журнальном столике. Ирина почему-то забыла убрать ее в потайное место на полке за собранием сочинений Достоевского. И почему он обратил на нее внимание только теперь?

– Везде, куда ни сунься, валяется это дерьмо!

Он со злостью швырнул на пол пухлый томик в цветной обложке. Ирина сжалась, как от удара. На секунду ей показалось, что в ее присутствии обижают живое существо.

А Виктор все не унимался:

– Сейчас я наконец-то хочу пожить для себя! Я имею на это право? Фирму я продал, деньги перевел на свои счета за границей, так что ничего ты не получишь! И не вздумай в суд подавать на раздел имущества. Адвокаты у меня хорошие, не даром хлеб едят. Так что не надейся.

Ирина молчала. Видимо, приняв ее молчание как признание своей правоты, Виктор как будто смягчился, сказал почти мирно:

– Квартира, так и быть, остается тебе.

На секунду он стал прежним Витей, который покупал ей апельсины, отстаивая за ними длиннейшую очередь, вставал по ночам к маленькому Толику и гулял с ним в парке по воскресеньям. Но только на секунду...

В следующий миг Виктор как будто опомнился – на его лице появилась та же брюзгливая гримаса, и в голосе зазвучали жесткие нотки.

– Больше ни на что можешь не рассчитывать! В конце концов, я не обязан всю жизнь тебя содержать.

Больше всего Ирине хотелось встать и уйти, провалиться сквозь землю, исчезнуть – лишь бы закончить, наконец, этот тягостный разговор. Лучше бутылки собирать или полы мыть, чем рассчитывать на помощь этого человека! Но ведь остается сын, она не имеет права думать только о себе...

Ирина сглотнула комок в горле и тихо спросила:

– А как же Толик?

Упоминание о сыне озадачило Виктора. На миг в его взгляде мелькнуло удивление, словно он как-то позабыл о его существовании.

– Ну, от сына я, конечно, не отказываюсь... – протянул он, – может приходить к нам, когда захочет.

Виктор говорил так, будто и сам себе не верил. В его лице, в глазах Ирина видела совершенно другое – там, в новой жизни отца, Толик будет лишним! Молодой жене вряд ли

понравится присутствие взрослого отпрыска – живого напоминания о том, что у Вити когда-то была другая жизнь, другая семья...

– Да, пусть приходит, Оля тоже будет рада... Когда устроимся, ремонт сделаем, обживемся на новом месте – пожалуйста! В любое время.

Конечно, общение отца с сыном – это хорошо... Но в данный момент Ирину волновал совершенно другой вопрос. Она понимала, что говорить о деньгах сейчас будет неуместно, даже унизительно, но ведь это не ради себя, ради сына! Сама-то она как-нибудь перебьется, но почему мальчик должен страдать?

– Но институт... Понимаешь, в этом году такой конкурс на бюджетное отделение, а если Толик не поступит, его могут в армию забрать.

Виктор сразу помрачнел. Куда только девалось благостное настроение! С полминуты он сидел насупившись, а потом сказал как отрезал:

– Мужик должен сам в жизни пробиваться! Мне, в конце концов, никто не помогал.

Ирина хотела напомнить, что во времена их студенческой молодости платного образования не существовало в принципе, а в институте даже платили стипендию. И к тому же мама всегда подкидывала денег, если не хватало, а Витины родители присылали по пятьдесят рублей ежемесячно, возможно отказывая себе в самом необходимом.

Можно было бы, конечно, пытаться что-то объяснить, но Ирина поняла вдруг, что сейчас не сможет его переубедить. И сказала совсем другое:

– Витя, это же наш сын... Ты подумай только, армия – это ведь такой ужас! Говорят, там бьют, голодом морят, про это и в газетах пишут, и по телевизору показывают. Толик – домашний мальчик, он не выдержит... Я так боюсь за него!

Она чувствовала, как в голосе звенят слезы, но ничего не могла с собой поделать. Толик – это последнее, что у нее осталось, и ради него она будет бороться до конца, даже если придется унижаться перед бывшим мужем.

Но Виктор не стал слушать дальше. Он аккуратно сложил в чемодан кашемировый свитер (Ирина вспомнила нехстати, что всего пару месяцев назад сама покупала его!) и сказал как отрезал:

– Другие служат, а он чем лучше?

Теперь ей стало ясно окончательно, что помощи от него ждать не придется. А главное – ему совершенно все равно, что станет с Толиком, лишь бы не досаждал, не требовал ничего и не мешал строить новую жизнь с этой самой Олей.

Ирина уже не чувствовала обиды за себя, но такое равнодушие к сыну казалось совершенно чудовищным. «Как я вообще могла жить с этим человеком?» – думала она. Столько лет засыпать и просыпаться в одной постели, есть за одним столом, разговаривать – и не знать, совсем не знать, какой он на самом деле! Вот уж точно кем-то сказано – чтобы узнать мужчину по-настоящему, с ним надо развестись.

Сейчас ей хотелось только одного – чтобы он ушел поскорее. Все время, пока муж ходил по квартире, собирая свои вещи, спрашивал у нее, куда подевался синий костюм и где висит белая рубашка, она сидела, уронив руки на колени и уставившись в одну точку, совершенно безучастная ко всему происходящему. Некая часть ее существа, привыкшая заботиться о близких (про себя Ирина окрестила ее «наседкой»), готова была заставить ее встать, показать, где что лежит, помочь собраться... Но другая, новая Ирина не позволила ей этого сделать. Просто ждала, пока все кончится.

Когда за Виктором захлопнулась дверь, Ирина встала, аккуратно подобрала брошенную на пол книгу, разгладила загнутый уголок бумажной обложки и бережно поставила ее на полку.

Она прошла по опустевшей квартире, закрыла створку шкафа, подобрала с пола оброненный Виктором носок... Повертела его в руках, хотела было по привычке отправить в корзину для белья, но вдруг отчетливо поняла – незачем. Все равно хозяин больше не придет, не будет по утрам собираться на работу, повязывать галстук перед зеркалом, разыскивать в шкафу эти самые носки, ворчать, что все, как всегда, лежит не на месте... И

она сама больше не будет метаться вокруг, как испуганная курица, подавать, завязывать, одергивать, оглаживать...

Эта часть ее жизни кончилась, кончилась бесповоротно.

Злополучный носок полетел в мусорное ведро. Ирина даже сама себе удивилась – плакать ей вовсе не хотелось. В душе не было ни горя, ни отчаяния, ни даже обиды... Только пустота и какое-то странное облегчение, как у человека после тяжелой операции, когда становится ясно, что он будет жить. Пусть больно, пусть предстоит долгий период выздоровления, зато – самое страшное уже позади!

– Привет, мать! – раздался из прихожей веселый голос Толика, – у меня такие новости – закачаешься!

– Ну, рассказывай...

– Представляешь, я в институт поступил! Сам! Только что списки видел!

– Правда? – Ирина всплеснула руками. – Ну ты у меня молодец! Когда же ты успел только? А я думала, экзамены в августе...

– А я нарочно документы в два института подал. Подстраховаться хотел. Даже вам с отцом не сказал ничего, думал, если выгорит – будет сюрприз... Вот и выгорело! Теперь в МИФИ учиться буду! Там знаешь, база какая? Ребят еще с третьего курса на хорошую работу берут!

– Молодец, сынок! Ты даже не представляешь, какой ты молодец...

Прямо камень с души свалился! По крайней мере, одной проблемой меньше будет.

– Мам, а пожарать есть чего дома? Я голодный как черт!

– Да, конечно!

Ирина радостно метнулась на кухню. И вот уже шипит на сковородке лук, жарится мясо, распространяя на всю квартиру райские ароматы... Она даже успела быстренько замесить пирог-шарлотку и поставить в духовку! Потом они долго сидели за столом, и сын рассказывал про экзамены, про то, как досталась сложная задача, про какого-то Кузю, с которым успел подружиться, а Ирина слушала, ахала и кивала...

– Да, мам... А отец когда придет?

Ирина опустила глаза. Вот этого вопроса она боялась больше всего. Толик был так счастлив, так горд собой, жестоко было бы отравлять его радость... Но и врать тоже нельзя! Не говорить же ему, что папа улетел в космос или отправился в полярную экспедицию?

– Понимаешь, сынок... Мы с папой решили какое-то время пожить отдельно.

Она очень волновалась и чувствовала, как дрожит голос. Ведь читала же книги по детской психологии, а потому знала, что подростку о предстоящем разводе родителей надо сообщить как можно тактичнее, дать понять, что папа и мама по-прежнему любят его...

И все равно растерялась в последний момент.

– Ну, так получилось. Так будет лучше для нас всех. У взрослых иногда бывают такие периоды в жизни...

Ирина запуталась и замолчала, пытаясь собраться с мыслями, чтобы грамотно и тактично донести до сына новость о том, что его отец больше не придет домой, потому что собирается строить новое счастливое будущее в другом месте – и без него.

Она боялась, что сын расстроится, замкнется в себе, может быть, даже ее обвинит в том, что его семья распалась, но он отреагировал совершенно неожиданно – покачал лохматой головой с торчащими во все стороны, давно не стриженными вихрами, даже присвистнул от удивления и задумчиво протянул:

– Ну, дела... Понятненько.

– Что тебе понятненько? – вдруг возмутилась Ирина. Это дурацкое словечко почему-то разозлило ее. Но сын вовсе не смутился, не отвел взгляда.

– Значит, папахен все-таки собрался отваливать к этой рыжей чмаре?

Ирина на миг потеряла дар речи.

– Толик, что за выражения? Как ты можешь так говорить об отце? И... откуда ты

знаешь?

Сын презрительно дернул плечом:

– Тоже мне бином Ньютона! На сайте знакомств его анкету нашел. Представляешь – папахен собственной персоной, с фотографией, со всеми делами... Только про возраст соврал. И еще написал, что в разводе и ищет женщину для серьезных отношений. Ну а дальше – дело техники... Влез в его ящик на сервере – и всего делов. Пароль там – проще некуда! Сначала там разные телки тусовались, потом отсеялись как-то, всего одна осталась. Рыжая такая. Мне совсем не понравилась.

Было странно и дико слышать, что ее муж, взрослый и серьезный человек, ведет себя как мальчишка, ровесник ее сына. Но сейчас ее больше возмутило совсем другое. Она с упреком посмотрела на сына:

– Как ты мог? Ведь нехорошо читать чужие письма!

Толик сдвинул брови, и лицо его приняло неожиданно суровое, совсем взрослое выражение.

– Обманывать тоже нехорошо, – буркнул он, – я тебе говорить не хотел, чтобы ты не расстраивалась, но все равно противно было. Особенно как загнет что-нибудь про нравственность...

Что правда, то правда. Виктор иногда впадал в морализаторский пыл и долго рассказывал о том, как нужно жить правильно и честно... Особенно когда ему случалось немного выпить. Ирина, бывало, морщилась от его занудства, но не прерывала – думала, что мальчику это будет полезно, ведь верные вещи отец говорит!

Но сын, кажется, вовсе не склонен был долго предаваться унынию. Он помолчал еще немного, словно обдумывая что-то важное, и сказал почти весело:

– Вот видишь, мать, когда-то все тайное становится явным. А кто владеет информацией – владеет миром! Так что не бойсь, прорвемся...

На следующий день с самого утра Ирина принялась рьяно наводить порядок в квартире. Она складывала вещи, второпях разбросанные Виктором вчера, вытирала пыль, прошлась по ковру пылесосом... Через пару часов квартира засверкала чистотой. Прямо сердце радуется.

Правда, было и неприятное открытие – денег в доме не осталось вообще. Пачка купюр, отложенных на ремонт, исчезла, и даже ящик, где обычно лежали деньги на повседневные расходы, был почти пуст! Всего два дня назад она закупила продукты на несколько дней, забив под завязку огромный холодильник.

Да уж, хорош Витя, не постеснялся... Другое дело – что теперь делать? В кошельке осталась еще какая-то мелочь, пару дней продержаться хватит, а что потом? Звонить Виктору, просить у него? Ну уж нет! Это будет бессмысленным унижением. Он же ясно сказал: «Я не обязан тебя содержать!» Устроиться на работу? В один день это сделать невозможно... И даже в самом лучшем случае зарплату она получит только через месяц, а жить надо уже сейчас. Попросить займы? Но у кого? Да, у них были друзья, но это были *Витины* друзья, и вряд ли они станут помогать ей. Можно бы, конечно, обратиться к Светке...

Ирина вспомнила, что совсем недавно сама была холодна и даже резка с подругой, – и ей стало стыдно. Остается только надеяться, что она ее простит, все-таки столько лет вместе!

– Мать, ты чего такая смурная? Случилось что-нибудь?

Толик вышел из своей комнаты, сел рядом и чуть приобнял за плечи.

– Да нет, ничего, все в порядке... – Ирина старательно улыбалась, но это выходило не совсем убедительно.

– Из-за отца переживаешь, да? Мам, да не волнуйся ты, пожалуйста! Проживем. Вот, смотри...

Он вытащил из кармана три смятые стодолларовые купюры и протянул их Ирине:

– Вот, возьми! На хозяйство.

– Толик, откуда это?

Ирина похолодела. Она смотрела на деньги с неподдельным ужасом. В самом деле, откуда? Неужели мальчик впутался в какую-то темную историю? Ведь не мусор же он убирал во дворе!

Толик рассмеялся:

– Мать, ну ты даешь! Думаешь, я коммерческий ларек ограбил?

– Нет, нет, конечно. Но...

– Не заморачивайся. Деньги я честно заработал.

– Как? У тебя же экзамены!

Она чувствовала, что не успокоится, пока не будет знать точно, откуда взялись эти деньги, и Толик сдался:

– Ты Саню помнишь? Я еще к нему ходил «Висту» ставить.

Ирина кивнула. Еще бы не помнить! Ведь именно в этот день она нашла ту проклятую сережку под матрасом. Лицо ее сразу стало скорбным, уголки губ опустились. А Толик продолжал как ни в чем не бывало:

– Ну вот. А брательник его двоюродный бизнес свой начал, фирму открывать собрался. Без своего сайта сейчас – просто никуда! Ткнулся в одну контору, так с него там штуку баксов запросили. Денег у него особых нет, так Санек меня посоветовал. А я ему такую графику забабахал... В общем, клиент доволен!

Толик светло улыбнулся, и по лицу было видно, что он по-настоящему гордится своим творением. Он подумал немного и закончил:

– Видишь, иногда и от добрых дел бывает польза! Я, правда, хотел на новый ноутбук накопить, сейчас такие появились – просто зверь-машина! Двухъядерный процессор, оперативка два гигабайта, скорость чумовая, вай-фай, все дела...

Он мечтательно зажмурился, словно сейчас видел наяву машину своей мечты, потом тряхнул головой, отбрасывая назад слишком длинные волосы, и решительно закончил:

– Но раз такое дело – бери! А я пошел, мы с ребятами сегодня поступление отмечать будем, вернусь поздно... Все, пока!

Пока он собирался, Ирина стояла, прижав к груди купюры. Было ужасно стыдно, что она почти ничем не может помочь своему ребенку, наоборот, это *он* вынужден заботиться о ней...

Но в то же время она от души им гордилась.

Толик подхватил свой рюкзачок и уже шагнул было за порог, но вдруг остановился, будто вспомнил что-то важное.

– Да, слушай... А что, если тебе тоже свой сайт завести? Ты же книжки читать любишь, вот и будешь там тусоваться с тетками!

– Правда? А ты можешь? – обрадовалась Ирина. Такая мысль раньше никогда не приходила ей в голову, а сейчас она подумала, что это действительно может быть очень здорово! Тысячи женщин читают сентиментальные романы, но почему-то этого принято стыдиться, словно алкоголизма или дурной болезни. Если бы в Сети появился ресурс, где можно было бы обсудить прочитанное, обменяться мнениями, просто пообщаться, в конце концов...

Толик презрительно хмыкнул:

– Спрашиваешь! На раз сделаю. Там ничего сложного нет, ты и сама бы справились! Вот прямо завтра и займусь...

Ирина ласково потрепала его по голове:

– Ладно, ладно... Добытчик. Иди уж, только води себя там хорошо.

– Ага, больше литра пить не буду! – весело ответил сын. – Все, пока.

Ирина хотела было убрать деньги на место... И только тут она вспомнила о конверте, который вчера так и не отдала покойной Альвине! Там же две тысячи долларов!

Она схватила сумку и принялась лихорадочно рыться в ней. Неужели пропали? Нет, вот они, денежки, спокойно лежат себе в боковом кармашке! Конечно, тоже не бог весть что, но на первое время продержаться хватит. Ура! Живем!

Настроение сразу улучшилось. Ирина обернулась к окну. Там сиял яркий летний день, старый тополь шелестел листвой, по улице ходили люди... Вот девица в драных джинсах с разбегу бросилась на шею своему кавалеру, вот старичок со старушкой идут под ручку, молодые мамы выгуливают младенцев... Река жизни течет, ни на минуту не останавливаясь, в ней есть и омуты, и мели, и крутые перекаты, но все же для тех, кто сумел выстоять, всегда есть надежда, что там, за поворотом, ждет что-то хорошее.

И на мгновение ей вдруг показалось, что и для нее самой – тоже.

Часть третья

ОСЕНЬ

В начале сентября погода выдалась теплой. Солнце светило ярко, и даже странным казалось, что лето кончилось и вот-вот наступит сырая, промозглая и слякотная осень, а за ней – длинная зима...

Ирина очень изменилась за это время. Иногда ей казалось, что и вовсе стала другим человеком... Она не скучала о Викторе и даже вспоминала о нем редко. Даже странно было – как можно жизнь посвящать мужчине, словно весь мир сосредоточился вокруг него одного? Она еще только делала первые неуверенные шаги, обживая новое пространство свободы, училась жить не только для семьи, но и для себя самой, получать удовольствие от самых простых вещей – хорошей погоды, чашки любимого кофе, горячей ванны, где так приятно понежиться, интересного фильма...

Толик каждый день убегал на занятия. Появились у него новые друзья, новая компания, дома он проводил гораздо меньше времени, чем раньше, когда учился в школе, но вот странность! Ирина чувствовала, что они с сыном стали гораздо ближе.

Как будто сейчас она впервые увидела в нем не ребенка, требующего неусыпной заботы: накормить – проверить уроки – шарфик повязать – нос вытереть, – а человека.

Любимые прежде женские романы уже не нужно было прятать, и они гордо красовались на полках. Ирина читала и перечитывала их, находя в этом новое, особенное удовольствие. Интрига, язык, образы персонажей – все теперь виделось как-то по-иному, не так, как прежде...

Своими впечатлениями она охотно делилась на сайте «lovestory.ru», который сын сваял буквально за несколько дней. Она очень радовалась, что сайт ее довольно быстро стал посещаемым и даже популярным. Поклонницы сентиментального жанра охотно оставляли свои комментарии, спорили и восхищались, рекомендовали друг другу последние новинки, а иногда и высказывали нелицеприятные мнения... Ирина чувствовала себя гостеприимной хозяйкой виртуального литературного салона. Когда там отметилась сама Карина Широкова, известная писательница, книгами которой она всегда просто зачитывалась, она вообще была на седьмом небе от счастья!

Портило настроение только одно – с каждым днем стопка купюр в ящике серванта становится все тоньше и тоньше. Ирина старалась расходовать экономно, и все равно иногда ей становилось страшно – а что будет дальше? На что они с Толиком будут жить? Умом она прекрасно понимала, что надеяться ей не на кого, а значит, нужно думать о будущем, искать работу, чтобы хоть как-то сводить концы с концами. Ирина честно пыталась делать это, но пока ей не везло. Уже несколько раз она натыкалась на ледяные отказы при первом телефонном звонке. Только спросят про возраст – и сразу «до свидания»!

Конечно, надо быть упорнее, искать, звонить, ходить на собеседования, не сдаваться просто так... Недаром в книжках по поиску работы пишут, что этим надо заниматься по восемь часов в сутки! Но сердце упрямо противилось. Каждый день Ирина искала и находила любые отговорки – лето, везде период отпусков, вот наступит сентябрь, и тогда...

Что именно будет «тогда» – она и сама не знала.

При одной мысли, что придется сочинять резюме (еще неизвестно, что она в нем напишет! Хорошая трудовая биография – «восемнадцать лет была домохозяйкой». Ведь у

нее даже диплома нет!), куда-то ходить, просить, унижаться, может быть, даже согласиться на заведомо непрестижную и малооплачиваемую должность, Ирина чувствовала боль в виске и тяжелую, тупую скуку. Чем она может заняться – она не имела ни малейшего представления. Разве что в уборщицы пойти или, если повезет, прислужой в богатую семью...

Но это будет потом, после! Как говорил Остап Бендер, «будут бить – будем плакать». А пока – можно заняться тем, что по-настоящему любишь. Каждое утро Ирина садилась за компьютер в радостном предвкушении приятных сюрпризов.

В один из теплых и ясных дней в начале сентября Ирина отправилась на книжную выставку.

Пройдя через обширную территорию ВВЦ и отстояв длинейшую очередь у павильона, она вошла внутрь – да так и застыла, как ребенок, попавший в магазин игрушек.

Сколько тут книг! Просто глаза разбегаются. Дорогущие альбомы по искусству и детективы, модные «гламурные» романы и увесистые тома фэнтези в ярких обложках, кулинарные книги и пособия по рукоделию... А главное – так любимые ею женские романы. Ее бы воля – скупил бы все, что сможет унести, и потом наслаждалась бы, смакуя книжку за книжкой.

Ирина понимала, что сейчас никак не может этого себе позволить, денег осталось не так уж много, а дальнейшие жизненные перспективы весьма туманны, но все же решила – что-нибудь она купит непременно.

Бродя между прилавками, она присматривалась, брала в руки то одну, то другую книгу, иногда пробежала глазами несколько строчек... Словом, выбирала, как гурман выбирает еду в дорогом ресторане. Пакет с книгами уже оттягивает руки, но ведь смотреть не запрещается, а вокруг еще столько интересного!

– Презентация новой книги Виолетты Максимовой «Ночная охота» начнется через пять минут у стенда издательства «Редан-пресс»!

Она чуть замедлила шаг. Ну, мимо такого уж никак пройти нельзя! Приобрести новую книжку с автографом, посмотреть на настоящую писательницу, может быть, даже перемолвиться с ней парой слов – в этом она никак не может себе отказать.

Проталкиваясь сквозь толпу, Ирина медленно продвигалась к вожаделенному прилавку. Вот и он! Успела... Модную писательницу она почему-то представляла себе дамой лет сорока, с длинными распущенными волосами и низким голосом, увешанной бусами и амулетами и похожей на цыганскую баронессу. Вместо этого она увидела маленькую, худенькую молодую женщину в джинсах и свитерке, напоминающую мальчика-подростка.

К ней выстроилась целая очередь. Виолетта всем улыбалась, охотно отвечала на вопросы и без устали подписывала книги. Стопка почти подошла к концу, когда очередь дошла до Ирины. А, ладно! Гулять так гулять. Она вытащила из кошелька последнюю, заранее отложенную сторублевую бумажку. Нет денег – и это не деньги!

– Как вас зовут?

Виолетта повернулась к ней, и только сейчас Ирина заметила, что она гораздо старше, чем показалось ей в первый момент. Может быть, даже ее ровесница... Разница лишь в том, что в лице ее, в распахнутых глазах, в улыбке сохранилось что-то детское.

– Ирина... Уварова.

Ирина почти машинально назвалась девичьей фамилией. Документы на развод еще не оформлены, но это дело времени... Если уж начинать новую жизнь, то фамилия бывшего мужа ей совершенно ни к чему.

Тонкая загорелая рука с авторучкой на мгновение застыла, и в глазах появился искренний интерес.

– Простите, сайт «lovestory.ru» – это ваш? – Да!

– Вот здорово! Обо мне вы такую хорошую статью написали! Просто бальзам на душу. Я с удовольствием прочитала.

Черный росчерк пера на титульной странице. «Ирине, с любовью – Виолетта

Максимова».… И смешная улыбающаяся рожица нарисована внизу.

– Спасибо!

Ирина прижала книгу к груди и уже хотела было отойти, давая место другим желающим, когда Виолетта тронула ее за рукав:

– Вы подождите, пожалуйста, не уходите!

Презентация закончилась, и скоро возле стенда не осталось почти никого, но Ирина все не уходила. В конце концов, торопиться ей совершенно некуда… Наконец к ней подошла Виолетта, а вместе с ней – высокая, сухощавая, очень элегантная дама лет пятидесяти.

– Вот, познакомьтесь, это Елена Александровна, наш главный редактор.

– Очень приятно.

Ирина чувствовала себя польщенной. День, можно сказать, удался! Еще бы, она не только посетила интересное мероприятие, развеялась, накупила новых книг, обеспечив себя интересным чтением на несколько дней, а то и недель вперед, но даже пообщалась с настоящей живой писательницей, а теперь еще и с редактором, выпускающим в свет любимые ею романы!

– Знаете, Ирина Сергеевна, я читала ваши статьи!

– Правда? Они вам нравятся?

– Да. Вы хорошо чувствуете стиль и слог… Но даже не это главное. В общем, можете отличить хороший роман от плохого.

Ирина улыбнулась, польщенная вниманием. Она немного смутилась от похвалы, а Елена Александровна продолжала:

– У меня к вам есть предложение. В нашем издательстве грядут большие перемены. В следующем году планируем запустить несколько новых серий женской прозы. Нужен… – она прищелкнула пальцами, словно подыскивая подходящее слово, – нужен новый, свежий взгляд! На женские романы у нас порой смотрят пренебрежительно, и это где-то даже справедливо – рынок переполнен однотипной и даже иногда низкопробной продукцией, как нашей, так и зарубежной…

Она еще долго говорила о том, как важно сломать этот стереотип, выпускать не слезливую макулатуру, а настоящую, качественную беллетристику…

Ирина покорно кивала, но никак не могла взять в толк, зачем эта изящная дама вдруг решила поделиться с ней своими взглядами на состояние рынка популярной литературы и последние направления одного.

– Так вы согласны?

– Я? Да, конечно!

– Вот и замечательно! Когда вы готовы приступить?

Приступить – к чему? Ирина не сразу поняла, что случилось невероятное – ей предлагают работу!

– Да, конечно, я могу прямо завтра… – пролепетала она, боясь поверить своему счастью.

– Завтра воскресенье, – улыбнулась Елена Александровна, – и к тому же день будет просто сумасшедший. Представляете, у нас запланировано еще шесть презентаций! Просто голова кругом. Давайте договоримся так: выставка закончится, в понедельник мы все будем отдыхать, а во вторник, прямо с утра, подъезжайте в издательство. Вот моя визитка, тут адрес, телефон, имейл, все координаты… На входе скажете охране, что вы ко мне, вас проводят. Паспорт только не забудьте!

Пролепетав малую долю переполнявшей ее сердце благодарности, Ирина попрощалась и вышла из павильона. Она шла к метро через огромную территорию ВВЦ, и казалось, что даже позолоченные скульптуры, призванные изображать братские республики у фонтана «Дружба народов», одобрительно улыбаются ей. Молодец, мол, так держать!

Домой она летела как на крыльях. Трудно было поверить в такое счастье – она будет работать в издательстве! Может быть, это и не принесет больших денег (даже скорее всего не принесет!), но, по крайней мере, она сможет заниматься тем, что по-настоящему любит.

Ирина не могла дожждаться, пока вернется сын, чтобы сообщить ему эту радостную новость, и решила позвонить на мобильный.

– Толик, привет! Как дела? Гуляешь?

– Ага. Случилось что?

– Нет... Точнее – да! Меня пригласили редактором работать, в издательстве, представляешь?

– Клево! Будешь читать свои книги не просто так, а за деньги. Ну, молодец, поздравляю! Вечером приду – поговорим.

Ирина нажала кнопку отбоя. Что-то в словах сына встревожило ее. Перед глазами на миг появилось лицо странной черноволосой девушки. Как она сказала тогда? «Будешь читать книги». Все верно, так и вышло! Случайность это или опять колдовство? «Нет уж, хватит с меня всякой чертовщины!»

Мысли ее прервал резкий, требовательный телефонный звонок. Ирина схватила трубку – и узнала Светкин голос.

– Привет, как дела?

Неожиданно для себя самой она искренне обрадовалась.

– Ой, как хорошо, что ты позвонила! Я сама хотела тебе набрать, но у меня тут такое было... В общем, новостей очень много, при встрече расскажу обязательно.

– Как у тебя с Виктором?

Вот этого вопроса Ирина ждала и боялась одновременно. Пусть она не горевала больше о своей прошлой жизни, но статус брошенной жены, «разведенки», все же казался ей каким-то унижительным.

– Никак. Он ушел. Мы уже документы на развод подали.

На том конце провода повисло молчание. Ирина вдруг испугалась, что Светка начнет ее жалеть, сочувствовать и придется что-то говорить... А она вовсе не чувствовала себя несчастной, нуждающейся в утешениях!

Но подруга отреагировала совсем иначе:

– Ну и правильно. Так им, козлам, и надо! И... что дальше делать думаешь? – осторожно спросила она.

– Представляешь, я, кажется, работу нашла!

– Работу? Ну, молодец, поздравляю, наконец-то решилась. А где?

– В издательстве.

Светка помолчала недолго. К книгам она была совершенно равнодушна и, видимо, просто не знала, что говорить дальше.

– Тоже хорошо. Будет повод новую жизнь начать. Знаешь что... – наконец оживилась она, – я тут на шопинг собралась в «Бегу». Что это? Ну, ты темная, Ирка! Магазин такой, только очень большой, целый день ходить можно. Ну, там, прикупить тряпочек разных, того-сего... Тем более сейчас распродажи везде. Давай вместе, а?

– Ну, я не знаю...

Ирина хотела было отказаться. Ну какие могут быть походы по магазинам за тряпками? Тратить деньги на глупости было бы очень легкомысленно, непростительно даже!

Она уже открыла рот, чтобы вежливо отказаться, может быть, даже объяснить Светке свою непростую ситуацию...

И вместо этого нерешительно ответила:

– Ну хорошо, давай...

В конце концов, ее же никто не заставляет что-то покупать! Можно просто пойти, посмотреть, примерить что-нибудь...

– Вот и молодец! Значит, завтра, часов в одиннадцать, я за тобой заеду. Все, пока, увидимся!

Света шла между рядами вешалок с одеждой, мимо белых манекенов, похожих на античные статуи, зачем-то наряженные в пестрые платья из последних коллекций. Она

передвигалась так ловко и уверенно, что сразу было видно – здесь, в этом мире, она чувствует себя как рыба в воде.

Ирина потянулась было к темно-серому костюму в тонкую полоску – единственной более-менее приемлемой для нее вещи в этом разноцветном изобилии.

– Может быть, вот это подойдет? На работу ходить... – робко спросила она.

Но Света к ее выбору отнеслась критически:

– Ага. А ты что, в похоронном бюро работать собралась? Нет? Тогда повесь на место и не позорься.

– Но...

– Никаких но! – отрезала она. – Хватит уже серой мышью ходить. И вообще, Ирка, что ты с собой делаешь? Фигура у тебя нормальная, зачем эти балахоны? Вот, возьми, к примеру...

Она ловко достала с вешалки трикотажное платье ярко-бирюзового цвета с большим вырезом, перехваченное под грудью синей атласной лентой.

– В этом сезоне очень модно! И тебе пойдет.

Ирина озадаченно уставилась на непривычное одеяние. Платье казалось таким красивым, ярким, немного вызывающим, предназначенным для беззаботной молодой женщины, но уж точно не для нее!

– Ну, не знаю... Вообще-то я никогда такого не носила. И потом, уже как-то не по возрасту. На кого я буду в нем похожа? Просто Мальвина на пенсии!

Но Свету не так просто было сбить с толку.

– Что значит – не по возрасту? Тебе что, сто лет?

– Нет, не сто, конечно... Сорок будет в следующем году.

Света наставительно подняла указательный палец:

– Вот! И мне тоже, между прочим, забыла? Но теткой становиться я не собираюсь и тебе не советую.

Она подумала недолго и безапелляционно отчеканила:

– В сорок лет жизнь только начинается! Так что готовиться надо. Иди мерить.

Оказавшись в тесной примерочной кабинке, Ирина стянула свитер через голову, вылезла из джинсов и теперь стояла перед зеркалом в одних трусиках и лифчике. Она чувствовала себя немного неловко – дома и в голову бы не пришло любоваться собой в почти голом виде! – но неожиданно собственное отражение даже понравилось ей. По крайней мере, фигура как-то подтянулась, исчезли противные складки на животе, и ноги стали гораздо стройнее... Если не обращать внимания на то, что в волосах, гладко забранных в хвостик, кое-где мелькает седина, на морщинки у глаз и бледность лица, то вполне даже еще ничего! Может, Светка права и рано еще на себе крест ставить?

Она твердо решила, что платье не купит ни за что, это вообще не ее стиль, но примерить его все равно придется, никуда не денешься. Спорить со Светкой было бесполезно.

Она запуталась в платье, заколка расстегнулась и упала на пол. Ирина хотела было нагнуться, чтобы поднять ее, но мельком глянула в зеркало – и позабыла обо всем на свете.

Из зеркала на нее смотрела почти незнакомая женщина! У нее были яркие голубые глаза, которые очень выгодно оттенял бирюзовый цвет платья, и русые волосы падали волной на плечи... Ирина поворачивалась так и этак, любуясь и удивляясь. Такой она еще никогда себя не видела!

А снаружи уже заволновалась Светка:

– Ира, где ты там? Заснула, что ли?

– Нет...

– Ну-ка, покажись!

Она откинула занавеску, вошла в примерочную, придирчиво оглядела подругу и, кажется, осталась вполне довольна.

– Вот! Я же говорила! Красота – это страшная сила.

– Да-а... Мне тоже понравилось!

Ирина чувствовала, что ей уже не хочется расставаться с этим платьем. Казалось, каждый шовчик льнет к телу и просит, умоляет: купи! Ну, купи же меня, пожалуйста!

Света тоже не намерена была молчать:

– Вот! Я же говорила! Надо брать. И туфли еще, туфли подходящие! Кстати, не вздумай это платье надевать с тем убожеством, что сейчас на тебе. Пошли, я тут такой магазин знаю!

– Почему – убожеством? – Ирина немного обиделась на слова подруги. Она придирчиво оглядела свои ноги. – Очень даже приличные туфли. Практичные, удобные, подошва толстая... И по-моему, смотрятся совсем неплохо!

– Ага, неплохо... для моей бабушки – в самый раз, – отрезала безжалостная Светка, – можешь в них собаку по утрам выгуливать. Ах, у тебя нет собаки? Ну, заведи для такого случая. Больше в них все равно никуда ходить нельзя.

Подруга еще раз придирчиво оглядела ее со всех сторон и сказала:

– Так что давай переодевайся – и на кассу! У нас еще дел полно. Шопинг – это тоже работа.

Через два часа они вышли из торгового центра, нагруженные разноцветными пакетами. Платье оказалось требовательным, словно капризное дитя, – к нему пришлось купить не только туфли, но и сумочку, и колготки, и белье... Кружевные, почти невесомые лифчик и трусики показались ей излишеством – в конце концов, кто их видит! – но Светка была непреклонна:

– Надо, Федя, надо! Для настоящей женщины белье даже важнее, чем платье. Вот попробуй надеть хоть разок – сама поймешь.

Ирина всю жизнь выбирала белье по принципу «что-нибудь практичное и подешевле», но сейчас она поверила подруге на слово. Ей виднее, в конце концов!

Напоследок Светка затащила ее в магазин косметики и долго выбирала помаду, тени, пудру...

– Ты у нас по цветотипу женщина-лето, – говорила она, – значит, тебе нужно что-нибудь легкое, пастельное, нежное... Вот, эти румяна вполне подойдут!

Ирина только диву давалась. Скольких вещей она, оказывается, не знает вовсе!

Она чувствовала себя усталой до полного изнеможения – и в то же время очень счастливой. Она уже предвкушала, как придет домой, разложит обновки, примерит все перед большим зеркалом, полюбуется еще раз... А потом аккуратно повесит в шкаф – до лучших времен. Каждый день носить эдакую красоту было бы, наверное, просто нелепо и расточительно!

Но это оказалось еще не все.

Разместив пакеты на заднем сиденье, Светка уселась за руль, включила зажигание и весело сказала!

– Ну вот и чудненько. А сейчас – в парикмахерскую.

Ирина с некоторой завистью покосилась на ее прическу. Кажется, любая подиумная модель бы позавидовала! Ехать еще куда-то совсем не хотелось, но и сказать «нет» было как-то неудобно. Еще бы, Светка ведь сегодня столько времени на нее потратила...

– Света, по-моему, ты прекрасно выглядишь! – осторожно сказала она. – Хотя, конечно, нет предела совершенству...

– Ирка, ты не поняла! Это не мне, а тебе! Нельзя останавливаться на полпути.

– Ты так думаешь? – Ирина с сомнением покосилась на свое отражение в зеркале заднего вида. – А может, не нужно?

– Я не «думаешь», я «знаешь»! Подстричься тебе надо слегка, покраситься... У меня чудесная девочка есть – все сделает в лучшем виде. Ну и макияж, конечно. Ты ведь даже косметикой как следует пользоваться не научилась!

– Витя всегда говорил, что ему нравится естественность, – нерешительно сказала она.

– Ну и где он? – Глаза подруги блеснули гневом. – Столько лет ты его обихаживала – и где он теперь? Вот и забудь, что он там говорил. Хотя в кои-то веки о себе подумай.

Она осеклась, словно поняла, что сказала лишнее, и добавила совсем другим тоном:

– Ну, прости меня, прости. Не хотела тебя обидеть. Но образ требует законченности! Ты же из дому в одном чулке не выходишь? Вот так и тут.

– Может, макияж – это все-таки лишнее? – засомневалась Ирина. – Я уж как-то привыкла...

– Как привыкла – так и отвыкнешь! Ты когда в салоне последний раз была? Никогда в жизни? Вот то-то же. А мир, между прочим, с тех пор очень изменился!

Ирина вернулась домой только вечером. В прихожей она положила пакеты прямо на пол и повернулась к зеркалу, словно хотела убедиться, что все произошедшее с ней сегодня – не сон.

Улыбчивая молоденькая девушка что-то сотворила с ее волосами, и теперь они струятся по плечам чуть завитыми локонами, глаза как будто стали больше и засверкали, губы кажутся пухлыми и нежными, а на щеках играет легкий румянец. Такой Ирина не видела себя никогда!

Она принялась распаковывать покупки. Нужно все убрать, развесить по местам... Но в последний момент она решила еще раз примерить обновки.

И вот уже платье облегает фигуру, словно вторая кожа, и ноги кажутся такими стройными и изящными в новых туфельках... Просто снимать жалко! Она все еще вертелась перед зеркалом, улыбаясь своему отражению, когда в замке повернулся ключ.

– Толик, это ты пришел?

Ирина вышла в прихожую навстречу сыну. Увидев ее, он как будто потерял дар речи. На несколько секунд он застыл в неподвижности, разглядывая ее, словно редкое явление природы, потом отступил на шаг назад и нерешительно спросил:

– Мам? Это что, ты, что ли?

Вид у него был такой растерянный и потешный, что Ирина не выдержала – рассмеялась.

– Да, я! А кто же еще? Бедный мой, маму родную не узнал! Это же просто платье новое.

Но сын упрямо покачал головой:

– Нет. Не в платье дело.

– А в чем же? Толик задумался.

– Ну, ты такая стала... Совсем другая. Как будто вообще и не ты.

Вот и октябрь уже перевалил за половину... Но лето как будто медлило уходить, и последнее осеннее солнце баловало людей непривычным теплом. Ночи, конечно, стояли уже прохладные, но к полудню столбик термометра за окном нередко поднимался до двадцати градусов. Бабье лето сильно затянулось, словно давая людям возможность порадоваться напоследок перед долгой зимой, налюбоваться на синеву неба, золото желтеющих листьев, шуршащих под ногами, погулять где-нибудь в парке или просто побродить по улицам...

А вот Ирине стало не до прогулок. Свободного времени у нее теперь оставалось совсем немного. Жизнь опять изменилась кардинально, и она была только рада этому.

За это время Ирина окончательно укрепилась на позициях интересной женщины – пересмотрела свой гардероб, безжалостно отправив на помойку большую часть вещей, научилась делать укладку и даже в магазин выходила, слегка тронув губы помадой и накрасив глаза. И кажется, результат был замечен не только ей! Не раз, проходя по улице, ловила заинтересованные мужские взгляды. Оказалось, это очень даже приятно! Пусть она и не собирается сейчас ни с кем знакомиться, но чувствовать себя привлекательной ей очень нравилось. Может быть, когда-нибудь еще найдется человек, с которым ей будет хорошо...

За месяц работы в издательстве она уже успела свыкнуться с новыми обязанностями и твердо усвоила одно – проще было джек-лондоновским золотоискателям намывать крупички

драгоценного металла, тряся решетом над какой-нибудь речкой, чем в мутном потоке «самотека» обнаружить талантливое произведение.

Раньше она и представить себе не могла, сколько, оказывается, людей, одержимых писательским зудом! Пусть не так уж велики гонорары, и слава достается далеко не всем, но каждый день электронный почтовый ящик любого издательства заполняется новой «нетленкой». Читать все от начала до конца, конечно, не хватит сил человеческих, но Ирина очень старалась добросовестно ознакомиться с каждым произведением, прежде чем выносить свой вердикт – подходит или не подходит вещь для того, чтобы быть изданной.

Была в ее работе очень неприятная часть. Писать отказы она очень не любила и каждый раз чувствовала себя немного виноватой перед автором. Хотелось хоть немного подбодрить человека, который, может быть, ночей не спал, писал, надеялся... Даже откровенно бездарным графоманам она старалась писать что-нибудь вроде «роман не подходит под формат серии», чтобы уж окончательно не обрубить крылья человеку.

И сейчас, в теплый и погожий день, Ирина снова сидела за компьютером, прихлебывая кофе и просматривая бесконечные послания от авторов, жаждущих напечататься. Иногда впечатляли даже сопроводительные письма.

«В моем романе есть все, что нравится современным читателям, – секс, кровь, большие деньги, а главное – страстная любовь, сметающая все на своем пути».

Ну что же, посмотрим, что там дальше...

«Три подруги, приехавшие из провинции в Москву, – чистые, наивные девушки, мечтающие о настоящей любви, – волей рокового случая попадают в закрытый клуб для очень богатых клиентов. Страсть, ревность, деньги и расплата за них сопровождают их тернистый путь. Только настоящая любовь помогает им вновь вырваться на свободу...»

Да-а, пожалуй, это должно быть посильнее, чем «Фауст» Гете! Если слово «любовь» повторяется с такой частотой, надо полагать, автору ее ох как не хватает...

Ирина со вздохом раскрыла огромный файл. Судя по краткой аннотации, весь текст – полный бред, но чем черт не шутит! Хотя бы для очистки совести надо прочитать пятнадцать – двадцать страниц. Она нажала кнопку «печать», и, пока принтер с мерным жужжанием выплевывал страницу за страницей, отхлебнула остывающий кофе и с некоторой тоской посмотрела за окно. Погода какая замечательная... Хочется выйти из дому, прогуляться, но ведь нельзя – работать надо!

Через час она со вздохом отложила рукопись. Нет, нет и еще раз нет! Печатать такое совершенно невозможно. Мало того что автор плохо знаком с правилами русского языка, это как раз полбеда, но содержание! Ни в какие ворота. Нелепость на нелепости. Истории про чистых и невинных девушек, волею злого рока увлеченных в сети разврата и тем не менее пронесших свою невинность до самой брачной постели, вышли из моды еще в восемнадцатом веке. Даже самый невзыскательный читатель не поверит, что молодой, красивый олигарх, «владелец заводов, газет, пароходов», решивший расслабиться в элитном борделе, будет сражен испепеляющей страстью к юной провинциалке, да так, что, выкупив ее оттуда, окружит роскошью, будет выполнять любой ее каприз, бросит семью – и все только ради того, чтобы девушка согласилась пойти с ним под венец. Конечно, есть определенные законы жанра, и никто не требует от дамского романа документальной достоверности, есть свобода для фантазии автора, но не до такой же степени!

Ирина раскрыла следующее письмо. На этот раз никакой сопроводилки не было, словно автор считает ниже своего достоинства презентовать редактору свое гениальное творение.

Так, написано от первого лица. Ирина ужасно не любила такие романы, зная по опыту, что, когда автор ассоциирует себя с героем, из этого редко получается что-то хорошее.

«Котлетки из цукини в „Портике“ сегодня были особенно хороши. Там я обедаю обычно с подругой Аллой. Она такая худая, что просто зависть берет, носит только коллекционные вещи, и они ей всегда как раз впору, но сегодня выглядит не очень. Я хотела ей намекнуть, что моя косметичка просто волшебным образом делает ботокс, но тут заметила, что на

Алке джинсы от Лагерфельда из коллекции прошлого сезона и сумка совершенно не подходит к туфлям... Конечно, она моя подруга, и вслух я ничего не сказала, но взгляд был достаточно красноречив. Алка разрыдалась и призналась во всем.

Бедная, оказывается, тот олигарх-нефтяник ее бросил! Уехал в свой Верхненадымск, решать вопросы. Подлец. Все мужики такие. Утешала Алку как могла, договорились с ней пойти в клуб „Парамаунт“ в эту пятницу. Может, найдутся подходящие варианты...»

Понятно. Еще один образчик такой модной в последнее время «гламурной» прозы. После на шумевшего романа Арины Дробски «Развод по-русски» жанр стал очень популярен, и пишут такое все, кому не лень. В глубине души Ирина подозревала, что далеко не все авторы обитают на Рублевском шоссе, но сюжеты – как под копирку. Гламурные девушки в изысканных платьях от Гальяно разъезжают на «феррари» и «бентли», пьют исключительно «мартини бьянко» и французское шампанское, питаются калифорнийскими роллами и спаржей с авокадо... Мужчины штабелями падают к их ногам, предлагая руку, сердце и кошелек, осыпают цветами и бриллиантами и жизнь готовы отдать ради того, чтобы надменная красавица милостиво согласилась разделить с ними отпуск на Мальдивах, но героини ужасно разборчивы и ни за что не согласятся даже рядом пройти с мужчиной, который не является олицетворением всех мыслимых и немыслимых достоинств. Да и зачем бы? Каждая из них непременно успешная бизнесвумен и сама играючи зарабатывает миллионы.

После прочтения подобных шедевров у читательницы непременно должно возникнуть ощущение, что где-то там, за высокими заборами рублевских особняков, в элитных новостройках и бизнес-центрах, идет настоящая жизнь, а ее серенькое скучное прозябание не идет с ней ни в какое сравнение. Остается только посыпать голову пеплом и медленно ползти на кладбище.

Сейчас эта тема стала модной, каждое уважающее себя издательство выпускает нечто подобное, вот и в «Редан-пресс» есть серия «Жизнь от кутюр», но, слава богу, ею занимается другой редактор, Шура Виноградова. Ее Ирина искренне жалела – если целыми днями читать такое, просто озвереть можно! Да и сама Шурочка не раз плакалась при случае:

– Надоело, не могу! Знаешь, просто приступ классовой ненависти каждый раз начинается. Гуччи, Версаче, Канары, Куршевели... Тут не знаешь, как до зарплаты дотянуть, а у них, видите ли, трагедия – то прислуга уволилась, то маникюрша заболела!

Но ненависть ненавистью, а коммерция страдать не должна. Серия выходит многотысячными тиражами и раскупается на ура. Человеку всегда хочется хоть одним глазком заглянуть в ту жизнь, где не встают по будильнику и небрежно тратят такие деньги, каких большинство читателей за всю жизнь ни разу в руках не держали. Что поделаешь, рынок есть рынок...

Так что и это произведение надо бы отправить Шуре. В конце концов, она же главный специалист по гламуру, ей и карты в руки! Сколько бы она ни возмущалась, ни плакалась на свою тяжелую жизнь и маленькую зарплату, чутье на такие вещи у нее просто превосходное. Чуть ли не с первой страницы понимает, что отправить в корзину, а что – рекомендовать к изданию.

Ирина уже совсем было собралась переправить текстовый файл с сопроводительной запиской на Шурин имейл, когда случайно нажала PgDn и снова бросила взгляд на экран.

«Чем человек более убогий и жалкий, тем легче ему найти себе пару. Особенно когда оба еще и малооплачиваемые, неуспешные, например, она – кассирша в супермаркете, он – охранник или продавец бытовой техники. За обоими стоит только убожество, но зато у обывателя они вызывают дрожь умиления и благостное пускание слюней.

Так противно смотреть, как они ходят по улицам, держась за ручки, смотрят друг на друга телячьими глазами – типа у нас любовь! Меня выбрали! А по воскресеньям сидят в „Макдоналдсе“ за молочным коктейлем, потому что на большее денег не хватает.

Ну почему для таких нельзя ввести принудительную стерилизацию, чтобы хоть не плодили себе подобных?»

Ирина отвела глаза. Читать этот опус было неприятно чисто физически. Кажется, каждая страница сочится ядовитыми каплями злобы. И автор явно ассоциирует себя с героиней, любит ее, выставляет напоказ, бравируя смелостью и презрением к условностям. Смотрите, мол, вот я какая! Смелая, сильная, успешная, все мне нипочем...

«Нет, милая, с этим не в издательство, а к психиатру надо обращаться!» – думала она, отправляя файл в корзину. Потчевать читателя такой литературой было бы жестоко. Вдруг да найдутся такие некрепкие головы, что примут похождения героини за руководство к действию?

Ирина налила себе новую порцию кофе и снова уселась у компьютера. Работать надо, работать! Что там дальше?

За окнами давно стемнело, когда Ирина, наконец, перевернула последнюю страницу рукописи. В первый раз история так захватила ее, что она забыла обо всем на свете! Пусть приходится перелопачивать кучу всякого вздора, но ради таких вот минут стоит работать. История трех поколений людей, связанных между собой таинственными незримыми узами, любовь и смерть, – и вместе с тем куча достоверных бытовых подробностей (причем не только современных!), хороший легкий язык... Ближе к финалу даже слеза пробила, так жаль ста ло главного героя!

Ирина отерла слезы с глаз и посмотрела на часы. Надо же, половина двенадцатого! А она так увлеклась, что даже не заметила, как бежит время. Она осторожно отложила пухлую рукопись в сторону, стараясь не помять страницы.

В комнату заглянул Толик.

– Ты что не спишь до сих пор? – строго спросила она.

– Ага, кто бы говорил! Сама сидишь тут, как сова.

– Я не просто так сижу, я работаю! – обиделась Ирина. – У меня, между прочим, еще две рукописи лежат до конца недели!

– Ну-ну... Хоть стоящее чего?

– Да! Прямо оторваться не могла.

– Ну, мам, ты и зачиталась!

– Ага. Чайник поставь, пожалуйста.

– Может, тебе сюда принести?

– Нет, лучше на кухню приду.

Вот уже и чайник закипел... Они с сыном сидели за столом на кухне, а Ирина все еще находилась под впечатлением прочитанного. От хорошего, дорогого вина остается послевкусие, и от книги – тоже... Даже сейчас она зачем-то принесла рукопись с собой, будто не хотела расстаться с ней.

– Что, правда книга хорошая?

Она налила себе чаю, пододвинула поближе вазочку с печеньем и серьезно ответила:

– Да, очень.

– А кто написал?

– Сейчас посмотрю... – Ирина заглянула в письмо-сопроводилку, – какая-то Вера Юсова. И представляешь, это ее первая книга! А написано просто блестяще. Что характеры, что сюжет, что исторические картинки – все на высшем уровне.

– И что теперь?

– Наверное, будем печатать! Конечно, я должна с начальством поговорить, решения они принимают, но скорее всего...

– Позвони ей. Прямо сейчас позвони.

– Ты что, шутишь? – Она отодвинула пустую чашку. – Поздно уже, ночь на дворе! И потом, вдруг что-нибудь не сростется? Разве можно человека зря обнадеживать?

Но сын был непреклонен.

– Просто позвони ей и скажи, что тебе понравилось. Неужели ты не понимаешь, как это важно? Ведь она ждет! А ты тут разводишь китайские церемонии.

– Ну ладно, – сдалась Ирина, пододвигая к себе телефон, – но если из постели выдерну – ты будешь виноват!

Вера сидела на кухне у стола и тупо смотрела в одну точку прямо перед собой. В чашке остывал крепчайший черный чай, дымилась сигарета, в сердце, кошельке и списке жизненных перспектив было совершенно пусто.

Время подбирается к полуночи, завтра ей, как всегда, вставать в половине седьмого, но только сейчас она может хоть немного побыть наедине с собой, чтобы подумать о своем житье-бытье – и решить, что делать дальше.

С самого детства Верочка очень любила читать. Сначала – сказки, потом – исторические романы с хитро закрученной интригой. Ей нравился острый и пряный аромат прошедших веков, где если любовь – так до гроба, где женщины прекрасны и утонченны, как изысканные оранжерейные цветы, а мужчины отважны и галантны. Может быть, конечно, это и выдумка, но зато как интересно и захватывающе! Главное – чтобы все закончилось хорошо.

После школы она попыталась поступить в Литинститут, но творческий конкурс не прошла. Пришлось в спешном порядке идти в педагогический, на истфак. Мама уговорила – конкурс там был совсем небольшой, и не стоит терять год, надо получать образование...

Образование она получила благополучно, но в школе надолго не задержалась. Странная девушка с длинными вьющимися волосами и мечтательной, немного отрешенной улыбкой среди предпенсионных теток в костюмах джерси, выглядела совершенно инородным телом.

Потом в ее жизни появился Михаил. Он казался таким надежным, спокойным, основательным... Даже маме он очень понравился.

– Вот какой муж тебе нужен! – говорила она. – Ты у меня, Верочка... не обижайся, конечно, но немножко не от мира сего. А он крепко на ногах стоит, будет и тебе опорой.

И Верочка согласилась. Была свадьба, гости кричали «Горько», и Михаил, раскрасневшийся от выпитого, снова и снова лез целоваться. Поначалу все шло хорошо. Молодые супруги зажили в однокомнатной квартире, доставшейся молодой жене после смерти бабушки. Раньше стояла закрытая, а теперь вот пригодилась... Михаил исправно пылесосил ковры по воскресеньям, ездил на рынок за свежим мясом и молодой картошкой, говорил о том, что надо бы присмотреть участок за городом, чтобы начать дачу строить – с огородом, с банькой, чтобы все свое... На Веру эти разговоры только тоску наводили, но она не спорила.

Через год родилась Машка. Впервые увидев маленькое, красное, сморщенное личико, Вера испытала такой прилив любви и счастья, что не выдержала заплакала. Девочка была удивительно похожа на нее, так что даже врач в роддоме удивлялась – просто копия! А соседки по палате хихикали и спрашивали:

– Вер, ты признайся честно, хоть какой-нибудь мужик рядом был? Или люди уже почкованием размножаться научились?

Крошечная Маша засыпала под сказки Пушкина, радостно дрыгала ножками под «Венгерскую рапсодию», словно пыталась танцевать, и, едва научившись говорить, стала складывать слова в стихи.

Верочка была счастлива, а Михаил почему-то мрачнел и все чаще и чаще заводил разговоры о том, что должна делать «хорошая жена», а чего она делать не должна ни в коем случае. Верочка обижалась, плакала и изо всех сил старалась «соответствовать» – стряпала обеды, убирала квартиру, стирала, гладила рубашки, так чтобы на рукаве у плеча не оставалось складочки от утюга...

А по ночам – плакала в подушку. Плакала оттого, что обеды у нее пригорали, тесто не поднималось и добиться кипенной белизны постельного белья и рубашек не получалось почти никогда.

Но самое главное... Все это она от души ненавидела, казалось, что жизнь проходит

мимо, и, убивая время на домашние хлопоты, она с каждым днем все больше отдаляется от чего-то совсем другого, может быть, самого важного. А Миша все равно ею недоволен...

Получалось, что как ни смотри, а Верочка – жена плохая.

Когда она начала писать, дело уже неуклонно шло к разводу. Каждый раз, заставляя ее за этим занятием, Михаил напоминал, что белье нестирано, и обед не приготовлен, и вообще, жене и матери не пристало заниматься такой ерундой и тешить себя напрасными иллюзиями! Верочка стала работать тайком, чтобы не сердить супруга, и нередко даже вставала по ночам, урывая от сна короткие часы, когда она наконец-то могла быть самой собой. Писала она довольно быстро, пальцы не успевали за течением мысли, и там, в придуманном мире, сплетались нити сюжетов, и герои преодолевали все испытания, чтобы достойно прийти к счастливому концу...

А в жизни все обстояло совсем иначе. В один прекрасный день Михаил ушел, хлопнув дверью, и Верочка осталась одна. Пришлось искать работу. Она устроилась помощником руководителя (а проще говоря – секретаршей) в небольшую фирму, и теперь каждое утро нужно было волочь сонную Машку в садик, ехать в переполненном вагоне метро, чтобы потом целый день сидеть в офисе.

Мама очень помогала ей – готовила, забирала Машку из садика и безропотно сидела с ней всякий раз, когда Верочке приходилось задерживаться на работе. Но, возвращаясь домой, приходилось наталкиваться на ее поджатые губы, осуждающий взгляд и одни и те же, давно набившие оскомину разговоры. Мама никак не могла простить ей развод с Михаилом и все надеялась, что рано или поздно они непременно должны помириться.

– Вера, опомнись! Тебе уже тридцать, ты одинокая женщина с ребенком. Пора спускаться с небес на землю, пора... О чем ты только думаешь? – часто повторяла она. – Ты пойми, я же ведь тебе только добра желаю!

И пойдет, покатится нескончаемый поток... Про то, что в квартире давно пора бы сделать ремонт, купить новую мебель и стиральную машину. А главное – сколько же можно жить в нищете?

Верочка по большей части старалась отмалчиваться, но иногда, не устояв, вступала в длинный и бесполезный спор. Тогда в ход шел самый главный, последний аргумент – маленькая Машенька.

– Ну что ты можешь дать девочке? Какая же ты мать, если о ребенке совсем не думаешь? Посмотри, в чем она ходит у тебя! Курточка на рыбьем меху, сапожки опять новые надо... А потом ребенку надо будет получать образование, профессию... Ты хоть представляешь себе, какие это деньги? Что ты можешь ей дать? Да ничего! Только свои фантазии. Хочешь, чтобы она повторила твою судьбу? Всю жизнь считала копейки и витала в облаках?

Иногда они даже плакали, обнявшись, и в такие моменты Верочка понимала, что мама – человек в общем-то совсем не злой, что она любит и жалеет их обеих и желает им только добра...

По-своему, конечно. И не может этого выразить иначе.

Зато теперь, по крайней мере, можно было не прятаться, и по ночам и по выходным Верочка частенько сидела за стареньким ноутбуком, купленным по объявлению на квартальную премию. Маленькая Машка ходила по квартире, прижимая пальчик к губам, и наставительно говорила своей кукле:

– Не шуми, Варька! Нельзя шуметь сейчас. Видишь, мама роман пишет?

Может быть, она действительно эгоистка, и плохая мать, и вообще существо никчемное?

В мечтах она представляла себя известной писательницей, популярной и любимой. Как было бы здорово, если больше не нужно будет вставать по утрам, бежать на работу, отвечать на звонки, заказывать в офис ручки и скрепки, а только писать и не думать о том, что надо на что-то жить! И с Машкой проводить больше времени, гулять с ней, разговаривать, читать ей книжки на ночь... Девочка очень привязана к ней, она скучает и ждет, когда она вернется с

работы вечером, а у нее иногда даже нет сил рассказать ей сказку!

Но дальше этого не шло. Мечты оставались мечтами, и надежд на их осуществление становилось все меньше и меньше. Свои творения Верочка рассылала во все известные издательства. Обычно ответа не было вовсе, и только иногда по электронной почте приходили штампованные отписки вроде «Сообщаем, что ваше произведение нам не подходит».

Пару дней назад пришел очередной отказ, показавшийся ей особенно оскорбительным: «Дорогая Вера! Сообщаем вам, что ваш роман не соответствует уровню, предъявляемому к художественным произведениям нашей редакцией. Желаем дальнейших творческих успехов».

Прочитав это письмо, Верочка проплакала целый вечер, запершись в ванной (очень страшно было, что Машка услышит!), и дала себе твердый зарок – никогда больше ничего не писать. В самом деле, разве есть смысл тратить силы и время, если ее творчество никому не нужно?

А сегодня позвонил бывший муж и как бы между прочим поинтересовался, не собирается ли она «кончать маяться дурью, и, наконец, заняться чем-нибудь полезным». Почему-то те копейки алиментов, что он выплачивал на маленькую Машку, Михаил считал благодеянием, которое он оказывает лично ей по доброте душевной.

Сигарета совсем догорела, и длинный серый столбик пепла вот-вот осыплется... Вот так и жизнь – вчера еще казалось, что все впереди, а спохватишься – только горстка серой золы в руках.

Верочка поспешно затушила сигарету и потянулась было за новой, но тут призывно заулюлюкал телефон. Интересно, кто это трезвонит на ночь глядя? Неужели опять Михаил? Или мама? Или еще кто-нибудь решил рассказать, что она неправильно живет, витает в облаках, и дать пару ценных советов?

Говорить ни с кем не хотелось, но вдруг звонок разбудит Машку? Девочка и так чересчур нервная и трепетная, и с каждым днем Вера все яснее и четче видит в ней свою маленькую копию. Она просит почитать ей стихи, жалеет бездомных котят и брошенных собак...

Нелегко ей будет в жизни. А тут еще и развод родителей на нее подействовал... Теперь она засыпает с трудом и по ночам тревожно вздрагивает, словно боится чего-то. Вера чувствовала себя очень виноватой за то, что не смогла создать для дочки хорошие условия, не сумела сохранить семью... Девочка ведь не виновата, что мама у нее – не приспособленное к жизни существо с большими амбициями, живущее в придуманном мире, эгоистка, не желающая ни за что нести ответственность!

А телефон звонит... Ну, сейчас она задаст этому полуночнику, кем бы он ни оказался!

Вера поспешно схватила трубку и довольно нелюбезно ответила:

– Я вас слушаю, говорите!

– Алло, добрый вечер. Можно попросить к телефону Веру?

Голос был женский, совершенно незнакомый. Но – приятный, очень даже располагающий! Вера даже пожалела о своей резкости.

– Это я.

– Вас беспокоят из издательства «Редан-пресс», я редактор направления современной женской прозы. Меня зовут Ирина Уварова.

– Очень приятно. – Верочка почувствовала, как по спине побежали мурашки. Вряд ли кто-нибудь будет звонить среди ночи только для того, чтобы сказать «ваша книга нам не подходит»!

– Извините за поздний звонок... Вы можете сейчас говорить?

– Да, да, конечно!

Вера прижала трубку к уху, боясь упустить хоть слово.

– Вы знаете, я сегодня прочитала ваш роман... Да, «Звенья одной цепи». Прочитала – и он мне очень понравился. У нас запускается новая серия женской прозы, и ваше

произведение просто идеально вписывается в концепцию!

– Да? Правда? Спасибо большое... – пролепетала Верочка.

Она чувствовала себя так, словно вдруг разверзлись небеса и голосом незнакомой женщины говорит сама госпожа Удача, которая наконец-то решила явить ей свой милостивый лик.

– Правда. Вы просто замечательно пишете! Вы уже печатались где-нибудь раньше?

– Нет... Это первый роман.

– То есть вы пишете совсем недавно? – уточнила собеседница. – И других произведений у вас пока нет?

– Нет, у меня еще есть три книги... Они готовы, почти готовы! Хотите, я их прямо сейчас вам пришлю?

Верочка вспомнила, что Интернет у нее уже неделю назад отключен за неуплату, – и чуть не заплакала от досады. Ну почему все так некстати? Но собеседница ее успокоила:

– Нет, что вы, никакой срочности нет! Это просто замечательно, что у вас есть еще другие произведения... Для серии очень кстати. Мы с вами еще поговорим об этом позже. Давайте созвонимся денька через два – тогда и обсудим все подробности...

Верочка осторожно положила трубку на рычаг, словно она была хрупкой драгоценностью. Она столько ждала, что почти потеряла надежду, и вот теперь этот звонок ближе к ночи от совсем незнакомой женщины... Она готова была расцеловать ее.

Значит, чудеса еще случаются!

Дождь лил как из ведра. Погода как будто хотела отыграться за теплую и сухую осень. Тяжелые холодные капли гулко стучали по железной крыше.

Худсовет в издательстве затянулся. Ирина устала, но чувствовала себя довольной. И есть отчего! Все заявки «ее» авторов без возражений приняты руководством, со всеми готовы подписать договоры хоть завтра, так что можно обрадовать людей! Каждый раз сообщая «ваша рукопись принята», Ирина чувствовала себя доброй волшебницей, исполняющей самые заветные желания.

Особенно она была рада за Верочку Юсову. Именно она ей была очень симпатична по-человечески – своей молодостью, трогательной незащищенностью, наивностью – и в то же время мудростью, которую трудно было бы предположить в столь трепетном создании.

Если бы еще художник Илья Арсеньев не вставлял все время свои ехидные замечания, все было бы и вовсе хорошо! Надо признать, обложки он делает интересные, «с настроением», но в жизни – просто мужлан и циник. В который раз услышав что-нибудь вроде «Опять роман про любови и прекрасная блондинка», Ирина просто убить его готова!

Она с опаской выглянула из-под козырька. Дождь идет, просто настоящий ливень, и, кажется, не скоро кончится... А у нее, как назло, нет ни плаща, ни зонтика, на плечах только легкий пиджачок. Минут пять Ирина раздумывала, как лучше поступить – ждать, пока дождь прекратится или хотя бы стихнет немного, или попытаться добежать до метро? «А, была не была! – решила она. – Не сахарная, в конце концов, не размокну!»

Она храбро шагнула под дождь, когда совсем рядом услышала спокойный низкий мужской голос:

– Добрый вечер, Ирина Сергеевна! Сейчас уже поздно, давайте я вас провожу, хорошо?

Ирина обернулась – и увидела Илью. Он стоял, держа над головой огромный зонт, под которым, кажется, мог бы уместиться небольшой цирк-шапито.

– Спасибо!

Она несмело улыбнулась. Капли дождя стучали по натянутой ткани, словно барабанная дробь, а ей было спокойно и уютно. Идти рядом с этим человеком, таким циничным, толстокожим, даже грубоватым, было удивительно приятно! Даже странно, что сегодня утром они так ожесточенно спорили. А сейчас он держал у нее над головой раскрытый зонт, и, опираясь на его руку, Ирина чувствовала себя на удивление уверенно.

Так, словно этот черный зонт был маленькой крышей – только для них двоих.

До метро оставалось совсем недалеко, когда Ирина вдруг оступилась на бордюре, подвернула ногу и чуть не упала. А в следующий миг она готова была заплакать от досады – каблук от новой туфельки отломился и сиротливо лежал в луже! Туфли было безумно жалко, но как теперь она домой дойдет? Это ведь только в старой рекламе девушка храбро отламывает второй каблук – и шагает дальше, а в жизни так не получится...

– Да, авария... – Илья проворно подобрал отломившийся каблук и теперь сосредоточенно рассматривал его. – Но ничего страшного, не расстраивайтесь! Я здесь живу совсем рядом, и, если бы вы согласились ко мне зайти на минуточку, я его в шесть секунд на место поставлю!

Ирина со вздохом посмотрела на пострадавшую туфлю. Конечно, приглашение от малознакомого мужчины зайти к нему выглядит несколько двусмысленно, но ведь и до дому она не дохромает! И такси здесь не поймать, улица тиха и пустынна, дождь хлещет...

– Ну хорошо...

Маленькая тесная квартирка была заставлена холстами на подрамниках, красками, кисточками, какими-то баночками, книгами... Только сейчас Ирина почувствовала, что ей холодно и она дрожит так, что зуб на зуб не попадает.

– Ира! – Илья посмотрел на нее с укоризной, как на неразумную. – Да вы совсем промокли! Так и заболеть недолго.

Он усадил ее на диван, ловко стянул туфли, порывшись в шкафу, извлек пару толстых вязаных носков и строго сказал:

– Вот, надевайте. И не спорьте. Посидите тут, а я пока разберусь с вашей туфелькой и чайник поставлю. Надо непременно выпить чего-нибудь горячего.

Оставшись в одиночестве, Ирина закуталась в теплый плед и почувствовала, как постепенно согревается. Все-таки хорошо здесь, уютно... Она с любопытством разглядывала картины на стенах. По большей части это были пейзажи, только один портрет, но именно он привлек ее особенное внимание.

На портрете была изображена девушка – тоненькая, с чуть раскосыми глазами и длинной челкой на лбу. Вся она казалась такой нежной – и в то же время порывистой, немного похожей на олененка Бемби из диснеевского мультлика.

Красивая.

– А вот и чай! – Илья протянул ей чашку. – Выпейте, согреетесь немного.

Ирина улыбнулась и отхлебнула горячий напиток. Судя по вкусу, хозяин от души плеснул туда коньяка...

– А как же моя обувка? Ведь домой идти надо!

– Туфелька ваша передавала вам привет и сказала, что чувствует себя хорошо. Отдохнете немного – и пойдете в полное свое удовольствие. Ира... Вы простите меня, я ухаживать не умею... И от женского общества совсем отвык, сами видите. Живу бирюком, как медведь в берлоге.

А что, и правда похож на медведя! Огромный, бородатый, в бесформенном свитере – и все же заметно, что под неуклюжестью скрывается немалая сила. И глаза красивые – темно-серые, внимательные, а ресницы – прямо как у девушки.

Интересно, почему такой мужик – и вдруг один? Женского присутствия в квартире не чувствовалось, как будто здесь не бывает никто... Кроме девушки с портрета.

– А кто это?

Илья как будто сразу погрузнел.

– Это Оксана, моя жена... Знаете, она была очень похожа на вас.

Ирина мельком глянула на портрет, словно хотела убедиться, что еще не перевоплотилась в тоненькую брюнетку с челкой на лбу. Он перехватил ее взгляд.

– Нет, не внешне! Она была такая же красивая и смешная... А главное – очень искренний человек.

– Вы были женаты?

– Да, очень давно. Она... Ушла. Извините, не люблю об этом говорить.

Ирина задумалась. С одной стороны, она уже немного ревновала к этой самой Оксане, а с другой... Мужчины так часто ругают бывших жен, говоря о них всякие гадости, но, оказывается, Илья совсем не такой! Покоробило только, что о ней он почему-то говорит в прошедшем времени.

— Она тоже была художница. Мы с ней еще в институте познакомились... Я после армии поступал. Десять лет вместе, как один день. Жалко, только детей не нажили. Не успели... Хотели для себя пожить немного, дураки такие.

— А дальше? — тихо спросила она.

— Дальше... Она ушла. Просто ушла, чтобы поплавать в бассейне. Была у нее такая страстишка — очень любила плавать, и каждое лето мы с ней непременно ездили на море. Когда в Москве построили аквапарк, радовалась, как маленькая.

При слове «аквапарк» Ирина почувствовала, как по телу пробежал тревожный холодок. Года три назад она слышала в новостях по телевизору о несчастье, случившемся там. Кажется, рухнул стеклянный купол под тяжестью снега, было много жертв...

А Илья все говорил, словно уже не мог остановиться:

— В тот день очень холодно было. Я еще отговаривал ее, но она все равно пошла. Сказала, что я зануда, что она тепло оденется и вообще чтобы я не волновался зря и не пытался ограничивать ее свободу. Обозвала меня феодалом недобитым, обещала записаться в клуб феминисток, поцеловала в нос и ушла... Сумка у нее была через плечо. Красная такая сумка, спортивная... И куртка с капюшоном, она в ней как чукча была. До сих пор помню эту куртку — белая, с меховой опушкой...

В горле у него что-то забулькало, голос прервался.

— Больше я ее не видел. И мертвую — тоже не видел, ее мать опознавать ходила. Я — не мог... На похоронах был, конечно, только хоронили ее в закрытом гробу. Для меня она как будто до сих пор живая.

Он помолчал недолго, жадно затянулся сигаретой и заговорил снова:

— Умом я понимаю прекрасно, что она умерла, и все равно... Мне проще думать, что Оксанка просто ушла, что она где-то *есть*, понимаешь? Только очень далеко.

— И что было дальше?

— Дальше? — Он чуть пожал плечами. — Дальше — ничего. Ну, или почти ничего. С работы я ушел, одно время пил по-черному, потом противно стало. Оксанка бы не одобрила, она вообще пьяных на дух не переносила. Устроился сюда, рисую обложки для книжек. Бла-бла-бла, жизнь продолжается, и все такое...

Ирина очень захотелось как-то утешить его. Хотя какие тут утешения, если красивая молодая женщина уходит из дома — и не возвращается? Она протянула руку, погладила его по голове... Он поймал ее ладонь — и поцеловал.

— Спасибо. Спасибо тебе... Только не надо сейчас, ладно? Слушай... — встрепенулся он, — совсем забыл спросить: а ты-то сама замужем?

— Нет... Ну, почти нет.

— Ах, почти... — В голосе его прозвучала досада.

Ирина поспешила объяснить:

— Ну, понимаешь, мы уже подали на развод, а там три месяца ждать надо, так что теперь только в ноябре заседание будет. У нас ведь сын, понимаешь? Ему семнадцать лет уже.

— Ничего себе! — Илья даже присвистнул от удивления. — Такой взрослый парень... Я-то думал, тебе года тридцать два — тридцать три, не больше!

— Женщине всегда столько лет, на сколько она выглядит! — кокетливо сказала Ирина и поправила волосы. Ей почему-то вдруг ужасно захотелось потрогать его бороду. Интересно, какая она — жесткая или мягкая?

Что было дальше — она помнила смутно.

Ирина проснулась среди ночи. Дождь давно прекратился, и в окно светила луна. В

комнате было светло почти как днем.

Надо же, даже шторы задернуть забыли! Было немного стыдно, что она, взрослая опытная женщина, вдруг потеряла голову, словно девчонка, но как это было хорошо!

Она была ошарашена случившимся. Надо же, прожить на свете почти сорок лет – и не представлять себе, *что* может происходить между мужчиной и женщиной! Она всегда считала, что секс нужен только мужчинам, а для женщин это что-то вроде еще одной домашней обязанности.

Неожиданно для себя самой Ирина вдруг заплакала. Но странные это были слезы – легкие, чистые, совсем не горестные... Илья мигом проснулся, приподнялся на локте:

– Ирочка, что с тобой? Почему ты плачешь? Я тебя обидел?

– Нет, нет! – Ирина замотала головой и совсем по-детски утерла слезы ладонью.

– Так что случилось? Говори, не молчи! Ирина откинула волосы, волной падающие на лицо, прижалась щекой к его плечу и совсем тихо ответила:

– Нет, ничего, все хорошо. Просто я не знала... что так бывает!

Эпилог ЗИМА

Первый снег выпал в начале декабря. Ясным и морозным утром Ирина спешила на работу. Она старательно причесывалась перед зеркалом, подкрашивала ресницы, чуть тронула губы помадой... Новое зимнее пальто с пушистым воротником, такое теплое и легкое как перышко, уютно легло на плечи.

Правда, сумку пришлось взять старую. Пусть она и не очень-то сочетается с новым имиджем, но зато – объемная, как авоська! Это не крохотный изящный ридикюльчик, зато сюда вполне поместятся и договора, и рукопись с ее поправками, – это не считая всяких женских мелочей.

За ночь лужи чуть подернулись тонким льдом, и теперь он хрустел под ногами. Новые модные сапоги на высоких каблуках немного скользили, и она старалась двигаться мелкими шажками, часто-часто переступая. Ирина подумала, что сейчас, наверное, выглядит как неопытный эквилибрист на канате. А еще придется ехать до центра в переполненном по утреннему времени вагоне метро и дальше идти минут пятнадцать пешком... Хорошо еще, что «присутственный день» у нее всего два раза в неделю, а остальное время можно трудиться не выходя из дому, зато – каждый раз копится уйма дел. Вот и сегодня непременно нужно оформить заявки, посмотреть аннотации и переговорить с Еленой Александровной по поводу Олеси Петренко – нового перспективного автора, чье творение она обнаружила недавно в мощной и мутной волне «самотека». Девушка живет где-то в Самаре, трудится педиатром в районной поликлинике, но пишет совершенно дивные иронические детективы! Они очень хорошо вписываются в серию «Красивая и решительная».

Илья уехал на две недели в родной Красноярск. Вроде бы и не такая уж долгая разлука, а она уже считает дни до его возвращения... Больше всего почему-то радуется, что и он скучает, звонит каждый вечер! Кучу денег уже потратили на междугородние переговоры. Новый год они непременно будут встречать вместе, непременно!

Ирина улыбнулась своим мыслям и быстрее засеменила к метро.

За окнами уже спускались ранние декабрьские сумерки и редкие снежинки кружились в воздухе. В издательстве почти никого не осталось – все-таки пятница, короткий день, да еще Новый год скоро...

Ирина уже успела обсудить все вопросы и мирно посиживала в буфете за стаканом чая и пирожком с капустой, когда заглянула секретарша Леночка из редакции.

– А, здравствуйте, Ирина Сергеевна! Знаете, первая книга из «Эры любви» уже вышла! Только что привезли из типографии. Хотите посмотреть?

– Правда? Конечно хочу!

Ирина забыла про недоеденный пирожок, отставила чай в сторону и торопила девушку:

– Пойдемте, пойдемте!

Леночка провела ее в свой закуток и торжественно достала книгу.

– Вот. Любуйтесь!

Ирина взяла ее в руки – бережно и нежно, словно новорожденное дитя. Она гладила глянцевого переплет, перелистывала страницы – и все еще не верила, что это и в самом деле произошло! А уж как рада будет Верочка... Надо сегодня же ей написать, написать непременно! Она так ждала этого, так волновалась...

– На оформление, на оформление посмотрите!

Ирина послушно закрыла книгу. На обложке – женщина с длинными светлыми волосами, на шее у нее золотая цепочка, а на заднем плане – пейзаж в нежных пастельных тонах. Название серии выведено стилизованным готическим шрифтом, а под ним, нарочито небрежно, словно кто-то писал второпях, шло заглавие: «Звенья одной цепи».

– Ну как?

– По-моему, просто замечательно!

Ирина говорила совершенно искренне. Странно было держать в руках книгу, над которой она сама недавно работала! А скоро она появится в магазинах, каждый сможет ее прочитать...

Леночка таинственно улыбнулась.

– Ирина Сергеевна, а вы больше ничего особенного не заметили? – лукаво спросила она.

– Да вроде нет... Книга очень красивая! Даже в руки взять приятно.

– Посмотрите внимательнее!

Ирина присмотрелась – и ахнула. В лице прекрасной женщины на обложке легко угадывались ее собственные черты! Портретного сходства, конечно, нет, но все же... Глаза, чуть вздернутый нос, овал лица и поворот головы – все было так знакомо, привычно и вместе с тем – ново.

Только *любящий* взгляд мог увидеть ее такой.

Она прижала книгу к груди, словно не хотела с ней расстаться ни на минуту.

– Можно мне взять ее? Ну, пожалуйста...

Лена замялась:

– Ну, вообще-то это сигнальный экземпляр... Хотя ладно, берите! Но учтите – я ничего не видела.

– Спасибо!

Ирина чмокнула ее в гладкую розовую щечку и почти выбежала прочь, словно боялась, что книгу отнимут.

– С Новым годом вас наступающим!

– И вас тоже.

Ирина медленно шла домой. Переходя горбатый пешеходный мостик через Язу, она задержалась ненадолго. Высоко в небе светила полная луна, отражаясь в темной воде. Совсем скоро река скроется подо льдом до весны...

Ирина поудобнее пристроила сумку на плече и уже хотела было уходить, когда пальцы нащупали что-то твердое в потайном внутреннем кармане. Что бы это могло быть? Давно пора отвыкать от старых привычек и не таскать с собой всякую дребедень!

Она пошарила в сумке – и достала ту самую злосчастную серьгу, с которой все началось. Она совсем забыла про нее! Даже странно теперь – сколько тревог, сколько волнений осталось позади! Как будто это была вовсе не она, а совсем другая женщина.

Впервые за долгие месяцы она ничего не чувствовала. В душе не было больше обиды и гнева, даже какая-то благодарность судьбе за то, что отыскала серьгу под матрасом. Если бы не эта случайная находка, то и дальше могла бы жить в состоянии блаженного неведения, эдакой тетушкой в розовых очках при муже-гулене, вечной кухаркой, прачкой и горничной. «Эра любви» не вышла бы в свет никогда, она не узнала бы, что и у нее есть талант – пусть

не писательский, но все же... Не вспомнила бы, что она еще женщина, а не только гибрид пылесоса с кухонным комбайном, не встретила бы Илью...

А значит, что ни делается – все к лучшему.

Это открытие было таким неожиданным, что Ирина и сама удивилась. Подумать только! То, что казалось трагедией, стало началом новой жизни! Как там говорила героиня старого советского фильма? В сорок лет жизнь только начинается!

А то, что было раньше... Ну, было и было! Пора перевернуть эту страницу.

Вот сейчас размахнуться получше – и бросить серьгу в реку! Плеснет темная вода и скроет навечно последнее напоминание о тоске и боли, об одиночестве и отчаянии – словом, обо всем, что хотелось бы забыть...

Но почему-то Ирина не сделала этого. Она подержала серьгу на ладони, как будто взвешивая ее тяжесть, – и аккуратно спрятала обратно в сумку.

Она еще раз посмотрела на отражение луны в воде, улыбнулась и пошла прочь легкой, танцующей походкой. Такой хороший вечер, приятно пройтись.

Было почти десять вечера, когда Ирина шла от метро к своему дому. По дороге она заглянула в круглосуточный супермаркет, купила торт, шампанское, апельсины... Сегодня у нее совершенно особенный день, надо это отпраздновать!

В воздухе кружились легкие редкие снежинки, вокруг было так тихо и чисто, как бывает, только когда выпадает первый снег. Пакеты оттягивают руки, но это ничего, совсем немного осталось, вот и дом виден... Кирпичная многоэтажка, похожая на кукурузный початок, подсвеченная разноцветными огоньками, казалась похожей на башню сказочного замка.

Совсем скоро наступит Новый год. Впереди приятные хлопоты – платье, елка, подарки... А главное – вернется Илья и она сможет наконец познакомить их с Толиком. Они непременно должны понравиться друг другу, непременно!

В окнах не видно света. Значит, сына еще нет дома... Где он ходит? Ведь поздно уже! Поворачивая ключ в двери, Ирина была немного расстроена. Видно, придется праздновать одной, а жаль.

Когда она вошла, в прихожей было темно. Ирина щелкнула выключателем, пристроила сумки на тумбочку, повесила пальто... В комнате сына вдруг засветилась полоска света под дверью, а тут и он сам вышел ей навстречу – встрепанный, рубашка не заправлена в джинсы, вид какой-то растерянный и виноватый...

– Что случилось? – строго спросила она, снимая сапоги.

– Мам, тут такое дело... – Сын ерошил волосы на затылке, переминаясь с ноги на ногу и выглядел как нашкодивший щенок. – В общем, мы с Машкой... Ну, ты понимаешь.

Ага, значит, привел девушку! Ну да, семнадцать лет ведь уже... Совсем взрослый парень. Ирина как будто по-новому увидела сына.

Только сейчас она заметила на вешалке светло-бежевую коротенькую дубленку с капюшоном, отороченным пушистым мехом, а вот и сапожки на шпильках под вешалкой...

Ирина улыбнулась:

– Ну ладно, веди свою пассию. Будем чай пить.

– Мам, ты супер!

Сын чмокнул ее в щеку и скрылся в своей комнате. Даже через дверь были слышны какие-то шорохи, приглушенные возгласы, топот босых ног по полу, как будто там кто-то торопливо одевается.

Ирина прошла на кухню, поставила чайник и села у стола. Сегодня она очень устала, но спать вовсе не хотелось. Хороший был день... Даже жалко, что кончился!

– А вот и мы! Маш, заходи, не стесняйся!

На пороге кухни появился сын. Из-за его плеча застенчиво выглядывала смущенная девичья мордашка.

– Мам, это Маша, мы учимся в одном институте... Только она на экономическом. На

подготовительных курсах познакомились. Маша, познакомься, это моя мама, Ирина Сергеевна.

– Очень приятно, Машенька!

Девушка оказалась вполне миленькая. Может быть, слишком сильно накрашена, но сейчас они все такие... Зато глаза хорошие – добрые и внимательные. Щеки еще круглятся совсем по-детски, и в лице видно выражение нежности и невинности, заметное даже под густым слоем косметики.

– Мам, можно тебя на секундочку?

Сын поманил ее за собой в коридор.

– Что?

– Слушай, можно Маша сегодня у нас останется? Ну, пожалуйста!

Надо же, как сейчас это стало просто! Ирина возмутилась и хотела было высказать сыну все, что думает о скоропалительных романах и половой распущенности, когда вдруг почувствовала, как окружающий мир на секунду пошатнулся перед глазами... словно ее что-то снова *толкнуло* — совсем как там, в том странном доме, когда она увидела инквизитора Бинсфельда.

Сквозь приоткрытую кухонную дверь было хорошо видно Машу. Но сейчас Ирина видела не ее, а то, что должно произойти в будущем. Этой девочке суждено стать женой ее сына, она родит ему детей... Юное личико стало меняться, словно отражение в воде, подернутой рябью. На секунду Ирина увидела ее беременной, потом – с младенцем на руках, потом – взрослой женщиной, наверное ее ровесницей, чинно идущей под руку с Толиком, который был так похож на Витю, что даже сердце на мгновение защемило, и, наконец, седенькой старушкой с морщинками-лучиками возле глаз...

Она зажмурилась на секунду, провела рукой по лбу – и наваждение исчезло. Но и воспитательный пыл тоже иссяк совершенно. Ирина спросила только:

– А ее родители волноваться не будут?

– Нет, она позвонит, предупредит... – Толик мигом повеселел. – Нина Федоровна – человек понимающий.

Ага, значит, и с мамой девочки он уже успел познакомиться! На секунду Ирине стало обидно. «Почему она первая узнала? Почему не я?» Неужели чужой женщине сын доверяет больше, чем ей?

Хотя – какая разница...

Ирина достала торт, поставила на стол бутылку шампанского, разложила апельсины на большой тарелке.

– Ну, открывай! Ты у нас единственный мужчина.

– У нас сегодня праздник?

– Да, можно сказать, что праздник...

– А что отмечаем, мам?

– Вот.

Ирина достала книгу и торжественно водрузила ее посреди стола.

– Это «Эра любви». Новая серия у нас в издательстве. Первая книга вышла...

Говорить «мы», «у нас» было ужасно непривычно и вместе с тем – приятно. Ирина чувствовала себя так, будто начала жить в новом качестве – не домохозяйки, запертой в четырех стенах и озабоченной только тем, чисто ли в доме и приготовлен ли обед вовремя, но вполне современной женщины – активной, уверенной, занятой любимым делом.

– Ой, как интересно! Вы редактором работаете, да? – оживилась девушка.

Ирина кивнула. Пусть работает она без году неделя, зато авторов для новой серии подбирала именно она! Пусть среди них нет маститых и известных, но ей за книги не стыдно, все разные, но хорошие. В конце концов, никто ведь не рождается знаменитым...

– А можно почитать?

Тонкие пальцы перелистывают страницы, взгляд скользит по строчкам, и Ирина

поняла, что девушке интересно, в самом деле интересно! На секунду кольнуло нехорошее, ревнивое чувство: «Это мое!» Потом, когда книжка появится на прилавках книжных магазинов, – это пожалуйста, сколько угодно, но сейчас это принадлежало только ей.

Но Ирина не успела ответить.

Девушка склонилась над книгой, и в распахнутом вороте блузки она увидела серебряную подвеску на тонком кожаном шнурке. Это был осьминог, усыпанный разноцветными камушками, – почти такой же, как та серьга, которую она чуть не выбросила в воду сегодня.

– Какое у вас, Машенька, украшение интересное, – выговорила она внезапно осипшим голосом.

– Да? Спасибо! – охотно отозвалась девушка. – Мне тоже нравится. Папа подарил на день рождения. Так старался... Это ведь серебро, авторская работа, в единственном экземпляре! Еще сережки были такие же, только одна потерялась. Так жалко – ужас! До сих пор с собой ношу, все надеюсь – а вдруг найдется?

Она потянулась к своей сумочке:

– Вот, смотрите! Оригинальная, правда?

Ирина отшатнулась, словно увидела привидение. Нет, хуже... На узкой ладошке лежал осьминог с растопыренными щупальцами – точно такой же, как тот, что она вытащила из-под матраца давным-давно, в другой жизни... Она прижала пальцы к вискам, словно хотела унять головную боль.

Сын видел, как она побледнела, как сжались губы.

– Мам, ты что? Тебе плохо? Может, таблетку дать какую-нибудь? Да скажи ты хоть что-нибудь, не молчи!

Он вскочил, с грохотом отодвинув стул, и засуетился вокруг нее. Такой большой, неуклюжий, словно щенок-подросток... Хороший все-таки мальчик вырос, заботливый!

Совсем не в отца – и слава богу.

Ирина постаралась улыбнуться и отрицательно покачала головой:

– Нет, Толик, не надо. Все в порядке. И вы, Машенька, не расстраивайтесь – кажется, я могу вам помочь.

Она прошла в прихожую, взяла сумку с вешалки, достала серьгу из потайного кармашка. Сейчас осьминог вовсе не казался символом беды – просто безделушка. Ирина вернулась на кухню и протянула ее девушке:

– Вот. По-моему, это ваше.

Маша посмотрела на нее удивленно, потом просияла радостной улыбкой.

– Ой, Ирина Сергеевна, спасибо большое! Значит, я ее у вас посеяла? А мы с Толиком искали-искали – и не нашли! Все углы обшарили. Я уж подумала – на улице обронила...

Ирина видела, что сын покраснел и смущенно потупился. Кажется, сообразил, где именно нашлась пропажа! Нехорошо, конечно, предаваться любви в родительской спальне, но ведь их тоже можно понять, дело молодое...

Она чуть улыбнулась и очень серьезно сказала:

– Некоторые вещи не теряются насовсем. То, что нужно... никогда не пропадает.